

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика

2019

Том 19

Выпуск 4

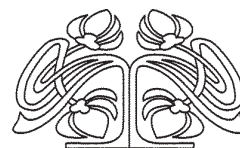
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2019 Том 19
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Артёмов В. Н.** Онтологические основания институционального человека 358
- Кевбрин Б. Ф., Никишова Н. В.** Роль объективных законов природы в формировании правовых норм общества 363
- Курохтина С. Р.** Проблема образа в визуальных исследованиях 367
- Литвякова Л. А.** Свобода в условиях российского общества потребления 371
- Мартынович С. Ф., Орлов М. О.** Проблемы и концепции философии и философии науки: феномен контекстуальности 377
- Мозжилин С. И.** Идея справедливости и гражданственность в современной России 382
- Пелевин С. И.** Технологизация общества как фактор социокультурных изменений 387
- Романовская Е. В.** Проблемы традиционализма в рамках историко-философского дискурса 393
- Стеклова И. В.** Научная и техническая рациональности: горизонты взаимодействия 398
- Устьянцев В. Б.** Топосы современного социума: рефлексия путей информатизации 403
- Фролова С. М., Листвина Е. В.** Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление 408

Психология

- Аксеновская Л. Н.** Этико-смысловые коды организационной культуры 413
- Шамянов Р. М.** Соотношение зависти, субъективного благополучия и владения социальными навыками 422
- Жижина М. В.** Социальные представления студенческой молодежи о личности блогера 432
- Романова Н. М.** Экспертная оценка социально-психологических факторов повторного вовлечения в криминальную деятельность осужденных 437
- Фролова С. В.** Субъективные образы прошлого, настоящего и будущего страны как предикторы приверженности личности стране 442

Педагогика

- Безрогов В. Г., Пичугина В. К.** Обучение как обращение в античной и христианской традициях 448
- Вертянкин С. В., Конопацкова О. М., Якубенко В. В.** Академическая история болезни на клинических кафедрах – специфика, инновационность, методический потенциал применения, перспективы использования 453
- Молочко А. В.** Опыт адаптации мэйнстримовых мероприятий в организации внеаудиторной деятельности студентов (на примере создания, подготовки и реализации интеллектуально-развлекательной игры «ГеоКвиз») 458
- Янкина Н. В.** О роли социальных сетей в адаптации иностранных студентов к новой образовательной среде 465

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 09.00.01, 09.00.03; 09.00.05; 09.00.07; 09.00.08; 09.00.11; 09.00.13; 09.00.14; 13.00.01; 13.00.02; 13.00.05; 13.00.08; 19.00.01; 19.00.04; 19.00.05; 19.00.07)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Садыкова Марина Владимировна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 20.11.2019

Подписано в свет 02.12.2019

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,25 (14,25).

Тираж 500 экз. Заказ 156-Т.

Цена свободная

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;
- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Artyomov V. N.** The Ontological Foundations of the Institutional Person 358
- Kevbrin B. F., Nikishova N. V.** The Role of Objective Laws of Nature in the Formation of the Legal Norms of the Society 363
- Kurokhtina S. R.** The Problem of Image in the Visual Research 367
- Lityyakova L. A.** Freedom within the Context of the Russian Consumer Society 371
- Martynovich S. F., Orlov M. O.** Problems and Concepts of Philosophy and Philosophy of Science: the Phenomenon of Contextuality 377
- Mozzhillin S. I.** The Idea of Justice and Citizenship in Modern Russia 382
- Pelevin S. I.** Technologization of Society as the Factor of Sociocultural Changes 387
- Romanovskaya E. V.** Problems of Traditionalism in the Framework of Historical and Philosophical Discourse 393
- Steklova I. V.** Scientific and Technical Rationality: Horizons of Interaction 398
- Ustyantsev V. B.** Toposes of Modern Society: the Reflection of the Ways of Informatization 403
- Frolova S. M., Listvina E. V.** Culture in the Era of Digitalization: Social and Philosophical Understanding 408

Psychology

- Aksenovskaya L. N.** Ethical and Sense Bearing Codes of Organizational Culture 413
- Shamionov R. M.** The Ratio of Envy, Subjective Well-Being and Social Skills 422
- Zhizhina M. V.** Student Youth's Social Perceptions of Blogger Personality 432
- Romanova N. M.** Expert Assessment of Social and Psychological Factors of Repeated Involvement in Criminal Activity of the Convicted 437
- Frolova S. V.** Subjective Images of the Past, Present and Future of a Country as Predictors of Commitment to One's Country 442

Pedagogy

- Bezrogov V. G., Pichugina V. K.** Learning as Conversion in Classic and Christian Traditions 448
- Vertyankin S. V., Konopatskova O. M., Yakubenko V. V.** Academic Disease History in Clinical Departments: Specificity, Innovation, Methodological Potential of Application, and Prospects of Use 453
- Molochko A. V.** Experience of Adaptation of Mainstream Events in the Organization of Students' Extracurricular Activities (the Case Study of Creating, Training and Implementing an Intelligent-Entertaining Game "Geoquiz") 458
- Yankina N. V.** On the Role of Social Networks in the Adaptation of Foreign Students to a New Educational Environment 465

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: Философия. Психология. Педагогика»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гасилин Владимир Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

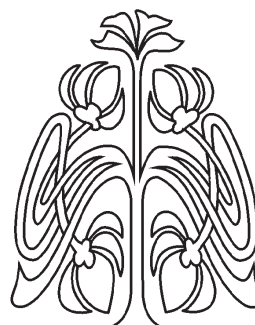
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

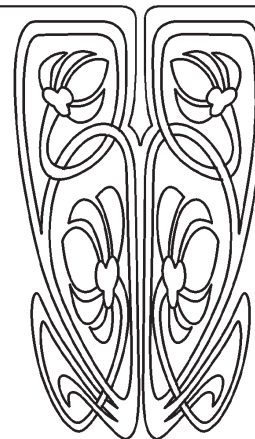
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
James Bosco G. (Michigan, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Vladimir N. Gasilin (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)

Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryzanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(1.316+281.2+523.11)

Онтологические основания институционального человека

В. Н. Артёмов

Артёмов Владимир Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, vladimir-artemov@list.ru

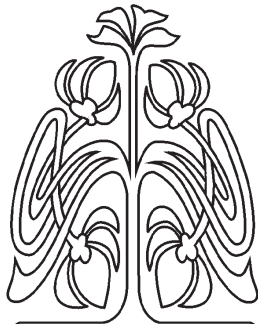
Соединяя социальную философию с онтологией, онтологические основания институционального человека вскрывают новые, неисследованные пласты мироздания, значительно расширяя горизонты научных исследований. Используя рациональный синтез религиозного и научного миропонимания, «механические» принципы самоорганизации материального мира дополняются сознанием, формы которого присущи не только человеку. Проблема онтологических оснований институционального человека определяет цель статьи – показать возможность латентной взаимосвязи социальной философии и онтологии. Логично встраиваясь в современную концепцию институционального человека, рациональный синтез научного и религиозного миропонимания ориентирует философию на роль своеобразного знаменателя, позволяя приравнивать сверхъестественное к естественному, Божественное к земному. Вскрывая смысл модульной природы человека, решая комплекс мировоззренческих задач, такой подход раскрывает сущность сознания. Философам предоставляется научно обоснованная возможность ставить вопросы о существовании в системе мироздания не только Бога, но и Богочеловеческих цивилизаций, к которым принадлежат Русский мир, Россия.

Ключевые слова: Богочеловеческие цивилизации, институциональный человек, культура, методология, онтологические основания, Русский мир, сознание, философская концепция, христианская религия.

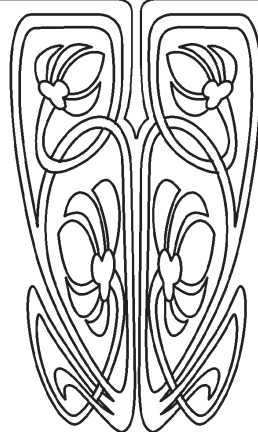
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-358-362>

Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвященных философской концепции институционального человека. Наиболее полно смыслы онтологических оснований институционального человека раскрываются через анализ существующих религиозных институтов. Отвечая на вопрос, почему «народности суть различные органы в целом теле человечества» [1, с. 65], такие публикации решают целый комплекс проблем. Опираясь на «методологию социального исследования институционального человека» [2, с. 367], позволяющую проводить пространственно-временной анализ его бытия, эти исследования вскрывают функциональное соответствие существующих социальных институтов, а также политики, права и культуры жизненным целям и историческим задачам цивилизации.

Интегрируя в систему мироздания, Человек выступает как сложная духовно-материальная, мыслящая система, сущность которой раскрывается при философском осмыслении имеющихся научных знаний и религиозных постулатов. Соглашаясь с мнением профессора В. Б. Устьянцева, согласно которому в обществе «институциональный и ценностный человек выступают проекциями человека как родового существа» [3, с. 39], можно утверждать, что именно анализ онтологических оснований, связанный с рядом неординарных проблем вечности Бытия, выделяет новые, неиссле-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

дованные пласты социального в системе мироздания. Это позволяет философам в своей работе использовать рациональный синтез научного и религиозного миропонимания как достаточно продуктивный.

Такой подход в поиске истины и смыслов бытия для философии не нов, но в силу ряда объективных причин злободневен и сегодня. Выдающийся мыслитель М. В. Ломоносов подчеркивал, что у многих «глубоко укоренилось убеждение, что метод философствования, опирающийся на атомы, либо не может объяснить происхождение вещей, либо, поскольку может, отвергает Бога-творца. И в том и в другом они, конечно, глубоко ошибаются» [4, с. 93]. Более того, В. С. Соловьев настаивал на том, что именно синтез научного и религиозного знания «составляет необходимую, настоящую задачу философской мысли» [1, с. 18].

Раскрывая фундаментальные смыслы бытия человека, С. Л. Франк распространил его на социальную философию, проводя мысль о том, что представители социальной философии должны исходить из допущения наличия в общественной жизни вечных, имеющих силу при всяком историческом порядке законов и стараться их понять. Обращая внимание на адептов философии стоицизма, для которых «общество есть образец того мирового, космического единства, которое проникает и объемлет всякое множество; даже саму природу, вселенную, весь мир они рассматривали как некое общество – “государство богов и людей”» [5]. С. Л. Франк раскрывает институции, образующие диалектическую зависимость социальной философии с онтологией. По его мнению, изучая целое, философия становится самой конкретной наукой, а обществоведение как социальная философия «и есть попытка увидеть очертания общественной реальности в ее подлинной, всеобъемлющей полноте и конкретности» [5]. Анализ философских взглядов С. Л. Франка через систему социальных институтов, существующих в обществе, позволяет сделать вывод о том, что эти институты не только обуславливают ценностные основания человека, но и через категорию институционального человека раскрывают его онтологические смыслы. Онтологические основания человека, соединяя социальную философию с онтологией, раскрывают трансцендентальность человеческой сущности.

Логично встраиваясь в современную концепцию институционального человека, рациональный синтез научного и религиозного миропонимания ориентирует философию на роль своеобразного знаменателя, позволяя при-

равнивать сверхъестественное к естественному, Божественное к земному. Вскрывая смыслы модульной природы человека, решая комплекс мировоззренческих задач, такой подход раскрывает сущность сознания. Философам предоставляется научно обоснованная возможность ставить вопросы о существовании в системе мироздания не только Бога, но и Богочеловеческих цивилизаций.

Современные научные картины мира, формируя атеистические и технократические сообщества с «механическим», а в результате ложным мировосприятием, подготовили великий обман науки [6]. Опираясь на учения Р. Декарта и И. Ньютона, возвысившись над философским и религиозным знанием, современная наука опускает из вида присутствующую как у одного, так и у другого мыслителя фигуру Бога. Рассматривая сознание как обособленное от природы бытия явление, принадлежащее только человеку, игнорируя феномен Бога, нельзя увидеть во всеобъемлющей полноте очертания безграничной реальности.

В странах с глубокой христианской культурой испокон веков существует понимание того, что материальное и духовное всегда есть вечное, единое, сущее. Культура, этика онтологически определяются не только существом человека, но и существом Бога. «То и другое вообще не существует отдельно, а существует лишь в неразрывном единстве Богочеловечества. Нравственное сознание человека есть вообще не что иное, как практическая сторона сознания его богочеловеческого существа. Добро, как Божья воля и действие Бога в нас и на нас, есть условие нашего собственного существования» [5]. Такое развитие философской мысли в настоящее время находит естественнонаучное обоснование.

Подмеченный О. Н. Тыняновой феномен, что «в результате трансдисциплинарного перехода существенным образом трансформируется и сущность самой категории» [7, с. 11], открывает новые возможности в познании смыслов бытия. Трансформация смыслов философских категорий делает доступным для понимания утверждение А. Эйнштейна, что «деление на время и пространство не имеет объективного смысла, так как время больше не является “абсолютным”» [8, с. 295]. Это позволяет переосмыслить некоторые научные факты. Опубликованный в 1927 г. немецким физиком В. Гейзенбергом доклад о принципе неопределенности, положения которого описывают «взаимоотношения между наблюдателем и наблюдаемым на квантовом уровне» [9, с. 13], ставит под сомнение предложенное В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» определение материи

как объективной реальности, существующей независимо от нашего сознания. Преследуя естественнонаучные цели, В. Гейзенберг делает вывод, согласно которому наблюдатель влияет на созерцаемую им реальность. Здесь можно говорить о том, что он экспериментальным путем доказывает факт того, что сознание и материя имеют единую природу [9]. Вследствие трансцендентальности и трансформации (в данном случае) философских категорий объективность и субъективность приобретают другие, релятивистские смыслы. Наиболее полно отражая взаимосвязь индивида и внешней среды, философская концепция институционального человека открывает возможность через синтез религиозного и научного миропонимания дополнить «механические» принципы самоорганизации материального мира [10] сознанием, создав завершенную концепцию бытия.

Анализ концептуализации институциональных проблем человека, отраженный в философском наследии Платона и Аристотеля, проливает свет на природу сознания. Посредством раскрытия категории справедливости как одной из форм добродетели они выделяли специфические свойства сознания человека. Рассматривая человека преимущественно через микрокосмос как трансцендентную сущность, Платон и Аристотель затрагивали вопросы онтологических оснований природы человеческого бытия. Древнегреческие мыслители прослеживали связь человека с космосом, свойственную смыслам христианской культуры. Христианство взамен древнегреческого понятия «микрокосмоса» предложило схожую по смыслу, но более осязаемую по содержанию другую категорию – трансцендентную сущность Христа как сына Божьего, Бога-человека.

Проповедуя триединство Бога, православная религия выделяет сознание как особую институцию, отвечающую за латентные связи человека с мирозданием. Соизмеряя научное и религиозное знание, философское осмысление трансформаций сознания в континуальных системах мироздания помогает понять не только онтологические основания институционального, в данном случае православного человека, обладающего мыслью, душой и телом, но и сущность триединства христианского Бога. Человеку открываются новые смыслы жизни и тайны бытия.

Эффективно в познание тайн системы Бытия продвигает переосмысление философского наследия Г. Гегеля. Его утверждение, что противоположная «единству как форме времени форма внеположности пространства и притом без всякого вмешательства какой бы то ни было другой определенности представляет собою квадрат» [11,

с. 77–78], можно использовать в качестве отправной точки анализа. Раскрывая философские смыслы этого квадрата, рождается предположение, что одновременно с этим явлением существуют и его правила, законы, имманентные причины существования, то есть разум. Обуславливая друг друга, принципы и причины самоорганизации одновременно с элементами материи складывают элементы духовности сознания, определяя диалектику существования разноуровневых систем Бытия. Рассматривая сознание как один из элементов, присущих разумной жизни, можно вскрыть амбивалентную природу систем бытия, их материально-духовную сущность. Появляется возможность познания смыслов триединства Бога как проявления разных элементов сознания организации разумной жизни в системе Бытия.

Философский анализ одномерной пространственно-временной модели Бытия, где пространство и время есть одно и то же, допускает предположение, что ее природа имеет двойственную, материально-духовную сущность, предел отношения которой внутри себя рождает мысль как элемент феномена жизни. Анализ амбивалентной природы электромагнитной волны, с одной стороны, как элемент проявления материи, с другой стороны, как носитель информации, мысли вскрывает ее как элемент духовной сущности. В этом случае мысль есть составная часть сознания. Выполняя функцию духовной энергии, мысль логично объясняет, почему в христианской религии как отражение реальности проявляется смысл Бога как Святого духа, связывающего между собой небытие и бытие.

При рассмотрении двухмерной пространственно-временной модели бытия становится понятным, что в процессе трансформации проявляется иной смысл философских категорий. В двухмерной непрерывности пространство и время приобретают отличные друг от друга свойства и качества. Появляется кривизна пространства, фиксирующаяся в угловых величинах, в градусах. В этом случае единицы измерения градусов, минуты и секунды являются единицами измерения пространства, выражают смысл «стоящего времени», вечности. Рассматривая вечность как статическое время, мы получаем ответы на вопросы, почему Дух не подвержен влиянию времени, почему душа вечна. Вечность раскрывается как инерциальная система отсчета, относительно которой «наше Бытие», мир вещества, трехмерное пространство и время выступают относительно условными явлениями, предполагающими становление. Абсолютность и относительность, характеризующие мир покоя и мир движения, приобретают конкретный смысл бытия.

С категорией сознания в двухмерном континууме также происходит метаморфоза. В двухмерной пространственно-временной модели мысль и сознание приобретают разные качества. Мысль становится элементом сознания. Отражаясь от плоскости двухмерного континуума и замыкаясь в себя, мысль производит рефлексию, приоткрывающую сущность самосознания. В этих условиях сознание проявляется как мыслящая душа мироздания, своего рода «мыслящий океан», «Солярис» А. А. Тарковского, приобретающий в православии сущность Бога Отца и Творца. Разум (законы) системы, интегрируясь с ее духом, в трехмерном пространственно-временном континууме индуцирует биологическую жизнь. Самосознание человека получает возможность прояснять смыслы вечности души, души человека и Души мироздания – Бога.

Поднимая целый комплекс мировоззренческих вопросов, опираясь на рациональный синтез научного и религиозного миропонимания, анализ онтологических оснований человека позволяет сделать следующие выводы.

1. Онтологические основания институционального человека, соединяя социальную философию с онтологией, вскрывают трансцендентальную сущность человека и амбивалентную природу социального Бытия, поднимая вопросы существования Богочеловеческих цивилизаций, к которым принадлежат Русский мир, Россия.

2. Используя рациональный синтез религиозного и научного миропонимания, соизмеряя естественное и сверхъестественное, философия делает возможным дополнить «механические» принципы самоорганизации материального мира сознанием, которое присуще не только человеку.

3. Обозначая объективные основания для становления всеобъемлющей теории бытия, мироздания, Вселенной, можно предположить воз-

можность возвращения феномена Бога в систему научного миропонимания, в которой человек не является случайностью.

Список литературы

1. Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 1. 688 с.
2. Артёмов В. Н. Методология социального исследования институционального человека // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 365–368.
3. Устьянцев В. Б. Институциональный человек и порядок в дискурсах типов рациональности // Мир человека : нормативное измерение : сб. науч. тр. (по материалам междунар. науч. конф., Саратов, 28–29 апреля 2008 г.). Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 36–42.
4. Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. М. : Гос. изд-во полит. лит. 1959. 759 с.
5. Франк С. Л. Духовные основы общества. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshhestva/ (дата обращения: 10.03.2017).
6. Филатов В. В. Антифилософия. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2007. 132 с.
7. Тынянова О. Н. Социальное пространство как машина времени : опыт трансдисциплинарного перехода. // Пространство и время. 2014. № 1(15). С. 10–14.
8. Эйнштейн А. Поле и относительность // Физика и реальность : сб. ст. М. : Наука, 1965. С. 275 – 318.
9. Фаус Ж. Наука. Величайшие теории : вып. 3 : Гейзенберг. Принцип неопределенности. Существует ли мир, если на него никто не смотрит? / пер. с исп. М. : ООО «Де Агостини», 2015. 176 с.
10. Артёмов В. Н. Принципы самоорганизации материального мира // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 10, ч. 5. С. 921–923.
11. Гегель Г. Сочинения. М. ; Л. : СОЦЭКГИЗ, 1934. Т. 2. 683 с.

Образец для цитирования:

Артёмов В. Н. Онтологические основания институционального человека // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 358–362. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-358-362>

The Ontological Foundations of the Institutional Person

V. N. Artyomov

Vladimir N. Artyomov, <https://orcid.org/0000-0001-7624-0375>, Balashov Institute (Branch) of Saratov State University, 29 Karl Marks St., Balashov 412300, Saratov Region, Russia, vladimir-artemov@list.ru

While connecting social philosophy with ontology the ontological foundations of the institutional person are opening new unexplored strata of the creation thus greatly broadening the horizons of a scientific research. Using the rational synthesis of religious and scientific world

outlook, "mechanical" principles of self-organization of a material world are supplemented by consciousness the forms of which are intrinsic not only to a person. The problem of the ontological foundations of the institutional person defines the purpose of the present paper which is to show the possibility of the latent interconnection of social philosophy with ontology half opening the curtains over the formation of life. Being logically embedded in the modern concept of the institutional person the rational synthesis of scientific and religious worldview orients philosophy to the role of a peculiar denominator allowing to make the supernatural equal to the natural, the heavenly to the earthly. Disclosing the sense of the modular nature of a human being, solving a set of worldview problems such an approach reveals

the essence of consciousness. Philosophers have a scientifically grounded possibility to pose questions about the existence of not only the God, but also the anthropic civilizations in the system of the universe. Disclosing life's meanings of culture, traditions, a person and society in the present work, forming the objective substantiations for establishing a universal theory of being, and supposing the creation of the universe being the possibility of returning the figure of the God to the system of scientific world outlook, in which a person is not a chance, the questions of the existence of anthropomorphical civilizations to which the Russian world and Russia belong are raised.

Keywords: anthropomorphical civilizations, institutional person, culture, methodology, ontological foundations, Russian world, consciousness, philosophical conception, Christian religion.

References

1. Solovev V. S. *Sochineniya v 2 t.* [Works in two volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1989, vol. 1. 688 p. (in Russian).
2. Artyomov V. N. Methodology of Social Research of the Institutional Person. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016. vol. 16, iss. 4, pp. 365–368 (in Russian).
3. Ustyantsev V. B. The institutional person and the order in discourses of the type of rationality. In: *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie: sb. nauch. tr. (po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Saratov, 28–29 aprelya 2008 g.)* [The World of a Person: Normative Dimension. Collection of scientific works (The Materials of Int. Sci. Conf., Saratov, 28–29 April 2008)]. Saratov, 2009. pp. 36–42 (in Russian).
4. Lomonosov M. V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury Publ., 1959. 759 p. (in Russian).
5. Frank S. L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* (Spiritual foundations of society). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshchestva/ (accessed 10 March 2017) (in Russian).
6. Filatov V. V. *Antifilosofiya* [Antiphilosophy]. Saratov, Saratov University Press, 2007. 132 p. (in Russian).
7. Tynyanova O. N. Social Space as Time Machine: an Experience of Transdisciplinary Transition. *Prostranstvo i vremya* [Space and Time], 2014, no. 1 (15), pp. 10–14 (in Russian).
8. Einstein A. Field and relativity. In: *Physics and reality: a collection of articles* (Russ. ed.: Eynshteyn A. Pole i otноситelnost. In: *Fizika i realnost: sb. st.*). Moscow, Nauka Publ., 1965. pp. 275–318 (in Russian).
9. Faus G. *Nauka. Velichayshie teorii: vyp. 3: Geyzenberg. Printsip neopredelennosti. Sushchestvuet li mir, esli na nego nikto ne smotrit?* [The Science. The Greatest Theories, iss. 3: Heisenberg. The Principle of Uncertainty. Is There a World If No One is Looking at It?]. Moscow, De Agostini, 2015. 176 p. (in Russian).
10. Artyomov V. N. The Principles of Self-Organization of a Material World. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2015, no. 10, part. 5, pp. 921–923 (in Russian).
11. Hegel H. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1934, vol. 2. 683 p. (in Russian).

Cite this article as:

Artyomov V. N. The Ontological Foundations of the Institutional Person. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 358–362. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-358-362>

УДК 1.11.113

Роль объективных законов природы в формировании правовых норм общества

Б. Ф. Кевбрин, Н. В. Никишова

Кевбрин Борис Федорович, доктор философских наук, профессор, академик, профессор кафедры общеобразовательных и естественных наук, Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, bkevbrin@ruscoop.ru

Никишова Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры общеобразовательных и естественных наук, Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, nikishova.2011@mail.ru

В статье рассматривается взаимодействие природы и общества через призму законов, действующих в этих сферах жизнедеятельности человека. Цель работы состоит в проведении сравнительного анализа законов природы (естественные законы развития), правовых норм (общественные законы развития) и выделения места законов природы при формировании норм права. На основе проведенного исследования сделан вывод, согласно которому законы природы и правовые нормы имеют в основном больше различий, чем сходств. Единство заключается в том, что связь между законами природы и нормами права носит характер системного взаимодействия, что обусловлено происхождением природы и общества как сложных самоорганизующихся адаптивных систем. Основным различием является наличие связующего элемента (правила социального поведения индивида) между природным законом и нормативно-правовым актом, который необходимо учитывать при разработке и принятии последнего. При этом действующие силы природы находят свое выражение в законах напрямую, без наличия такого звена. Выявлено, что теория событий в системе права выступает тем компонентом, который определяет влияние законов природы на правовые нормы. Однако, несмотря на современный «поворот» данных естествознания в правовую действительность, она не находит своего практического применения и все это приводит к возникновению раскола между реальностью и нормативно-правовыми документами.

Ключевые слова: закон, законы природы, норма права, законы структуры, функционирования и развития, правила социального поведения индивида.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-363-366>

«Закон – это необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. Закон выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также между свойствами внутри вещи» [1, с. 267].

С помощью законов человек пытается предвидеть протекание того или иного процесса в будущем. Кроме того, познанный закон раскрывает перед обществом пусть и неполную сущность предмета или явления, но хотя бы ту или иную ее сторону.

Знание как природного, так и общественного закона – это основа, на которой люди выстраивают свою целенаправленную практическую деятельность. Используя данные законы, человек стремится реализовать свою цель, а для упрощения их применения облекает в логическую форму утверждения объективные законы природы и общества.

Г. Риккерт отмечает, что природа – это возникшая самостоятельно сфера жизни, а культура – это то, что «... непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям» [2, с. 54–55]. Выявление единого общего смысла многообразного человеческого существования возможно только при изучении целостности природы и культуры, при знании законов природы и общества. Значение природы отмечал еще один известный философ – Э. Гуссерль, который описал в своих работах основные характеристики «естественной установки», свойственной всем людям в повседневной жизни [3].

Впервые объектом изучения объективные законы природы стали у естественных наук и уже оттуда перешли в науки, изучающие социум. Естественнаучные представления о них заключались в том, что, несмотря на их человеческое, а значит субъективное воплощение, они заключают в себе объективную необходимость и действуют как стихийная сила.

В неживой природе, живой и в обществе действует множество законов, которые подразделяются на законы структуры (строения), функционирования и развития. Законы структуры – это существующая связь между одновременно существующими элементами, частями и подсистемами, свойствами системы или между системами, составляющими более крупную систему. При исследовании этого типа законов система рассматривается в состоянии покоя, структура ее представляется неизменной, застывшей. Структурные законы в наиболее явном и простом виде обнаруживаются в технических и инженерных дисциплинах (закон Гука, закон кратных или объемных отношений Дальтона и т. д.). К разряду структурных законов, действующих в социальной среде, относятся те, которые, как в неживой природе и в органическом мире, определяют устойчивость связей между структурными элементами,

взаимообуславливающими и детерминирующими друг друга (единство и обусловленность государства и политики, правовые законы).

С учетом факта изменения структуры, т. е. взаимосвязи или взаимодействия одного предмета с другими предметами, явлениями, выделяются законы функционирования. Они характеризуют динамичность системы (общества), благодаря которой существуют законы другого типа, в частности законы развития.

Между этими видами законов существуют как единство, так и различия. Единство заключается в том, что законы функционирования, которые могут выступать в качестве и законов изменения, и законов развития, выступают формой проявления последних. Различия же связаны с противопоставлением движения и развития. Функционирование выступает как процесс, имеющий обратимый характер, при котором строение объекта остается неизменным, а процесс развития – это глубокие преобразования органической системы и связанные с ними изменения ее структуры и характера функционирования [4, с. 213–214].

Исследуемые природа и общество выступают в качестве сложных систем и поэтому связь между природными и социальными законами носит системный характер. Природные процессы имеют двойственную направленность. Они протекают или строго детерминированно, или вероятностно, при этом не берутся в расчет структурный уровень их организации, а также подходы к их рассмотрению. Общественные же события и явления детерминированы объективной социальной необходимостью, которая выступает основой для создания условий реализации правового закона в пространстве и во времени, хотя при определенных обстоятельствах реализация закона может быть либо отсрочена, либо ускорена в силу действия и поступков людей (производителей, политиков). Естествоиспытатели называют это точкой распределения вероятностей или диапазона путей возможного развития системы, в данном случае – правовой жизни общества. Задача состоит в выделении такого пути развития (а он обязательно существует среди представленных возможностей), который бы привнес оптимальность и гармонию в развитие социума. Например, при создании правовых норм, которые закрепляют основы экономической политики, государство должно учитывать не только запросы общества, но и возможность окружающей среды предоставить необходимые ресурсы. Необдуманное использование природных ресурсов отрицательно скажется не только на самой природе, но и на человеке в будущем. Поэтому необходимо принимать такие правовые акты, которые учитывали бы объектив-

ные законы природы. Такая точка зрения вполне согласуется с синергетическим подходом к природным и социальным процессам, который можно коротко выразить словами «из хаоса рождается порядок».

Анализ законов развития природы и общества дает возможность выделить некоторые различия между ними. Действующие силы природы находят свое выражение в законах напрямую, без связующего их звена: закон – естественные процессы. А в социуме мы можем наблюдать такой элемент, который располагается между природным законом и нормативно-правовым актом и который необходимо учитывать при разработке и принятии последнего. Это правила социального поведения индивидов, сложившиеся в обществе на момент принятия юридического акта. Таким образом, взаимодействие норм права и законов природы реализуется только при учете данного элемента вне зависимости от того, на каком государственном уровне принимается нормативно-правовой акт.

Сходство между нормами права и законами природы проявляется в том, что их можно разделить на общие и менее общие. Общие законы природы – это такие законы, которые имеют неограниченный масштаб своего распространения, например, закон естественного отбора, сохранения энергии и т. д. Менее общие законы могут быть распространены только на одну область, границы которой очерчены определенными рамками. Правовые нормы также можно подразделить, во-первых, на нормы права, закрепляющие положения о правилах поведения людей на протяжении нескольких этапов развития человеческого общества (например, Устав ООН, представляющий собой международный договор, вступивший в силу 24 октября 1945 г. и действующий в настоящее время), а во-вторых, на нормы, возникающие в силу непредвиденных обстоятельств и зачастую действующих пару лет (законы, изданные и действующие в силу объявления чрезвычайного положения в стране или в отдельной ее части).

Связующим звеном между законами природы и нормами права выступает человек, который познает и применяет одни законы и формирует другие. Объективная эволюция биологических систем привела к тому, что человек как вид достиг такого уровня развития, которое привело его к отделению от природы и открыло двери для эволюции социальной. Биосоциальное существо, т. е. человек, является, во-первых, продуктом общественных отношений, а во-вторых – сложнейшей биологической системой. Разумный человек появился в результате соединения двух линий развития – элементов сознания, возникших у предков человека, и изготовления орудий труда. Все это присутствует и

в современной реальности. Так человек наследует одновременно и генетическую информацию в качестве явления биологической формы движения материи, и социальную через действующие в социуме законы общественного развития.

Объективная необходимость в природе выражается через те естественные процессы, которые характеризуются переходом предмета из одного состояния в другое на однозначно повторяющейся основе. В обществе же такой переход связан с его целесообразностью, и логическая форма выражения закона характеризует связь между явлениями как обладающими безусловным характером либо не обладающим. Но и в последнем случае все не так однозначно, так как непредвиденные события могут обладать внутренней необходимостью, которая выявляется вследствие их повторяемости.

Системный подход представляет собой оптимальный метод для раскрытия онтологической взаимосвязи таких философских категорий, как необходимость и случайность. Это обусловлено тем, что при его применении обнаруживается как причинная связь между анализируемыми объектами исследования, так и отличия, возникающие между ними на различных структурных уровнях системы. Особенно важно это для таких наук, как философия права, социология, политология, микробиология и т. д., где изучаемое явление выступает в качестве единства общего и единичного, части и целого, случайного и необходимого. К примеру, человек участвует в таком массовом событии, как митинг по защите прав животных, для него это будет необходимость, а для общества в целом – случайность. Таким образом, и внутренние, и внешние причины лежат в основе возникновения необходимости и случайности. В природе и обществе необходимость детерминирована систематическими основаниями, однако ее возникновению, а также дальнейшему развитию предшествует череда явлений и событий.

Действительность, как социальная, так и природная, имеет такой вектор развития, при котором необходимости сменяют друг друга. В свою очередь новые необходимости служат базой для возникновения новых случайностей. Все это является неизменным условием для развития действительности.

Взаимодействие природы и социума строится на принципе иерархической определенности, поэтому исследование правовых и экологических связей всегда предусматривает их анализ на определенном структурном уровне. Каждый структурный уровень сопутствует другому, отличается наличием новых или видоизмененных связей и «перепрыгнуть» один из уровней не

представляется возможным. Данную гипотезу наглядно иллюстрирует становление правовой системы. В первобытном обществе нормы права отсутствовали, вместо них регулирующую роль выполняли обычаи и традиции. С эволюцией общества стали появляться и первые зачатки правовой системы. Человечество пришло к выводу о том, что необходимо создать не просто нормы, которые бы регулировали отдельные виды отношений и поддерживались общественным мнением, а систему норм с государственной поддержкой. Преобладающее положение правовые нормы заняли не сразу, а только по прошествии времени. Сейчас общество старается сделать правовые нормы совершеннее и добиться того, чтобы они удовлетворяли интересы большинства его членов.

Закон природы проявляется в онтологии социума через социальные события, выступающие как его обязательный элемент. Схема формирования и движения данного закона в общественной сфере сводится к следующему: конкретное проявление логики закона природы – социальное событие – общественные отношения. Последние регулируются правовым механизмом, который создан на основе общей теории права. В ней события относятся к юридическим фактам, на основе которых возникают правоотношения. Однако мы должны констатировать тот факт, что даже известные правовой науке события (экстремальные явления природы, форс-мажорные обстоятельства и т. д.) обойдены вниманием исследователей. Не учитываются они и при создании нормативно-правовых актов, особенно в таких отраслях права, как земельное, водное и др. Но наш взгляд, учение о событиях предполагает решение задач юридической науки и обеспечение потребностей хозяйственной и правовой практики.

Таким образом, законы природы и правовые нормы имеют в основном больше различий, чем сходств. Законы природы существуют и действуют в той среде, где человек не является доминантом, а только его частью. Правовые нормы действуют в обществе, где все подчинено тому, чтобы сделать существование человека более естественным и независимым. В настоящее время правовые нормы включают в себя не только интересы общества, государства, человека, но и природы, так как без нее существование индивида станет невозможным. Роль объективных законов природы при формировании норм права определяется теорией событий в системе права. События включают в себе природно-ресурсный компонент, который оказывает влияние на экономические и социальные связи, регулированием которых занимается право в виде правовых норм.

Список литературы

1. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. 719 с.
2. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. 413 с.
3. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Академический Проект, 2009. 489 с.
4. Кевбрин Б. Ф. Развитие. Детерминизм. Закон. М. : Типография «Красный Октябрь», 1998. 244 с.

Образец для цитирования:

Кевбрин Б. Ф., Никишова Н. В. Роль объективных законов природы в формировании правовых норм общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 363–366. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-363-366>

The Role of Objective Laws of Nature in the Formation of the Legal Norms of the Society

B. F. Kevbrin, N. V. Nikishova

Boris F. Kevbrin, <https://orcid.org/0000-0003-2204-4920>, Saransk Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation, 17 Transportnaya St., Saransk 430027, Republic of Mordovia, Russia, bkevbrin@rucoop.ru

Natalya V. Nikishova, <https://orcid.org/0000-0002-3302-4012>, Saransk Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation, 17 Transportnaya St., Saransk 430027, Republic of Mordovia, Russia, nikishova.2011@mail.ru

The article is devoted to the issue of the interaction of nature and society through the prism of laws acting in these areas of human activity. The purpose of the work is to conduct a comparative analysis of the laws of nature (natural laws of development) and legal norms (social laws of development), and the definition of the place of laws of nature in the formation of legal norms. Based on the research done, it was concluded that the laws of nature and legal norms basically have more differences than similarities. The unity lies in the fact that the relationship between the laws of nature and the rules of law has the nature of systemic interaction, which is due to the origin of nature and society as complex self-organizing adaptive systems. The main difference is the presence of a binding element (the rules of social behavior of the individual) between the natural law and a regulatory

legal act which must be considered when developing and adopting the latter. At the same time, the operating forces of nature find their expression in the laws directly, without the presence of such an element. It is revealed that the theory of events in the legal system is the component that determines the influence of the laws of nature on legal norms. However, despite the modern “turn” of natural science data into legal reality, it does not find its practical application and all this leads to the emergence of a split between the reality and legal documents.

Keywords: law, laws of nature, rule of law, laws of structure, functioning and development.

References

1. *Filosofskiy slovar* [Philosophical Dictionary]. Ed. by I. T. Frolov. 7th ed., trans. and add. Moscow, Respublika Publ., 2001. 719 p. (in Russian).
2. Rikert G. *Nauki o prirode i nauki o culture* [Sciences of Nature and Sciences of Culture]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 413 p. (in Russian).
3. Gusserl E. *Idei chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [The Ideas of Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. Moscow, Academic Project, 2009. 489 p. (in Russian).
4. Kevbrin B. F. *Razvitie. Determenizm. Zakon* [Development. Determinism. Law]. Moscow, Printing house “Krasny Oktyabr”, 1998. 244 p. (in Russian).

Cite this article as:

Kevbrin B. F., Nikishova N. V. The Role of Objective Laws of Nature in the Formation of the Legal Norms of the Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 363–366. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-363-366>

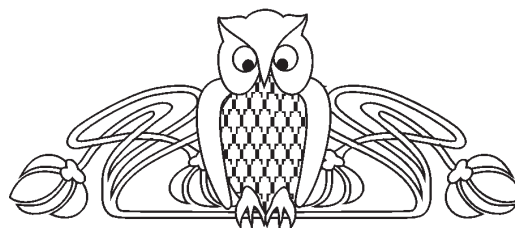

УДК 101.1:316

Проблема образа в визуальных исследованиях

С. Р. Курохтина

Курохтина Софья Руслановна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sofic1994@mail.ru

В статье рассматривается проблема образности в исследованиях визуального, неоднородный характер которых вследствие их междисциплинарной направленности свидетельствует об отсутствии четкости в разработке как общей методологии, так и понятийной базы. Цель статьи – конкретизация понятия «образ», выявление его структурных составляющих, способов функционирования в пространстве взаимодействий. Для аналитики образа результативен деятельностный подход, так как его возможности позволяют исследовать следы действия образа в социальной сфере, нежели историю развития термина. Установлена динамическая двойственность образа, которая выражается в двух уровнях: во-первых, материальном уровне, присущем всем иконическим объектам (визуальные изображения, начиная от произведений живописи, заканчивая рекламой и медиаконтентом, данный уровень необходим для первичного восприятия визуальных артефактов); во-вторых, смыслообразующем уровне, тесно связанном с коммуникативными свойствами образа, организующий процесс интерпретации и передачи полученной информации. Свойство, которое поддерживает сплоченность двух уровней, – медиальность – обеспечивает также связь образа с пространством социального. Формулируется вывод о том, что визуальные образы формируют особую иконическую поверхность, которая говорит о комплексной организации образов за счет медиальной составляющей.

Ключевые слова: образ, визуальные исследования, иконология, визуальность, иконический поворот.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-367-370>

Развитие и распространение медиакommunikаций, внимание к изображениям, их воспроизводству и способам потребления делают визуализацию одной из главных характеристик современной культуры.

Формулировка «*iconic turn*» впервые встречается в работе швейцарского искусствоведа Г. Бёма «Что такое изображение?» (1994 г.) [1], посвященной исследованиям структуры образа, гносеологических возможностей образной сферы, связи внутренних составляющих образа с материальным носителем. В том же году У. Дж. Т. Митчелл вводит понятие «*pictorial turn*» [2]. Следует отметить, что эти две дефиниции не тождественны, хотя и отсылают к одному фундаменту. Их отличие состоит в отношении к интеллектуальным традициям. Иконический

поворот отсылает к континентальной философии и теории искусства, где рассматривается онтологический характер образа, в том числе вопросы структурной составляющей образа, связи материального носителя образа и самого образа и т. д.

Пикториальный поворот (*imagic* и *visualistic turn*) как термин возникает в поле иконологии, в трудах ученых, занимающихся в основном проблемами образности и идеологии. Образ в них понимается как инструмент репрезентации с политическим оттенком. В русскоязычной традиции принято объединять два термина в определение «*иконический поворот*». Исследователей можно разделить на два лагеря: первый, ратующий за формулировку «*pictorial turn*», питает интерес непосредственно к самому иконическому медиуму, его формам, но не действиям обращения с образами. Второй лагерь, так называемые теоретики «*визуальной культуры*» обращают внимание на политические и социальные аспекты теории образности. Они работают с образом, данным в качестве культурной репрезентации, фокусируя внимание на его содержании. Их исследовательский интерес сосредоточен на поиске способов воздействия образной сферы на человека. Следовательно, теоретики исходят из разных предпосылок в вопросах возникновения образа, его целей: в одном случае – из онтологической структуры образа, в другом – из социальных и политических смыслов. Можно отметить, что иконический поворот, пришедший на смену лингвистическому, затронул не только интеллектуальную среду. Иконический поворот перевел онтологическую проблематику в план исследования визуальных образов и сфокусировал внимание на отходе в способах коммуникации от вербального к визуальному.

Началом визуальных исследований следует считать момент, когда стал очевиден выход эстетического из своей сферы, говоря художественным языком, искусство «вышло из своих берегов». Исследователи поставили вопрос о связи искусства с дискурсом социальной теории

и экономики, тем самым расширив сферу применимости визуальных исследований. Следуя иконологической традиции, начатой Аби Варбургом и Эрвином Панофски, анализ содержания видимых вещей стал релевантным для исследователей данного направления. Новоявленная сфера расширила круг анализа доступного материала, начиная от самих произведений искусства, кончая фотографиями в семейных альбомах и визуальными артефактами, представленными в коммерческой среде. Обратимся к вопросу социологизации сферы искусства. Наиболее приближенные к области визуальных исследований науки – это эстетика и теория искусства. Эстетика изучает как способы восприятия визуальных артефактов, так и суть художественного акта. Обобщая сказанное, можно назвать эстетику наукой о чувстве и восприятии. Вторая область – теория искусства – осуществляет теоретизирование относительно структуры понимания искусства, обращаясь также к истории искусства, к существующим направлениям, движениям, имевшим место в художественном творчестве, а в последующем развитии история искусства в углубленном смысле явилась уже иконологией с применением методов герменевтики непосредственно к изображениям. Эстетика и теоретическое искусствознание были теми дисциплинами, которые работали с образностью: анализируя поведение образов и характер их продуцирования, исследователи визуального доказывают в работах тезис о том, что искусство потеряло свой статус главного производителя визуальных образов и эстетических категорий.

Изменения в виде поворота к визуальному послужили поводом к появлению различных отраслей культуры, таких как кино, фотография, медиа-визуальность (реклама), мода, заявлению о себе как о действующих агентах, участвующих в создании образов, а также трансформации их действия. Постигшие культуру образности изменения есть манифестация смены круга проблем относительно видимого как такового: теперь проблемное поле визуальных исследований связывает не только эстетику и теорию искусства, но и оптику, различные режимы видения, феноменологию, когнитивистику, физиологические исследования зрительного процесса и другие дисциплины.

По заявлению М. Баль, визуальная культура имеет своим объектом визуальность. Понятие «визуальность» включает в себя взаимоотношения видящего и видимого как человека и мира, которые строятся посредством взгляда. Это отношение является преимущественным

объектом «визуальных» исследований, которые объединяют гетерогенные процессы и явления: «Мы не смотрим на одну вещь, мы смотрим на отношение между вещами» [3, с. 10]. Акцентируется коммуникативное свойство визуального, оно становится новой объектной областью, состоящей из вещей, «...которые доступны нашему взгляду или существование которых мотивировано их свойством быть видимыми. Вещей, которые имеют специфическую визуальность или визуальное качество, адресованное обществу, которое взаимодействует вокруг них» [4, с. 217]. Визуальные исследования работают с отношениями между объектами визуального мира и с процессами, формирующими образы объектов. Важно подчеркнуть, что данная область представляется одним из возможных путей прояснения роли зрительного опыта в современной культуре. Общность мотивов между исследованиями визуальной культуры и социальным дискурсом выразилась в проблематике образности. Далее перейдем непосредственно к аналитике визуального образа.

Описание образа с точки зрения понятийного анализа довольно сложная операция, это связано со специфическим свойством образа – самостоятельностью и автономностью смысловой оболочки: он не только впитывает семантику сред, в которых работает, но также и воспроизводит новые содержания этих сред, тем самым дополняя их. Данное свойство образа есть медиальность, о которой речь пойдет дальше. Образ-медиум способен быть главным агентом смыслоформирования в социальной среде и создавать универсальные модели зримости. Поэтому в данной статье мы будем опираться на деятельностный подход, который позволил бы рассматривать образ в качестве социокультурного феномена, исследуя следы его действия в социальной сфере, а не историю развития термина.

Воплощенность образов в различных визуальных изображениях, вписанных в медиа, есть канал передачи социальных смыслов. Своеобразие метода передачи информации визуальными образами заключается в «показывании» вещи: они расширяют наш опыт видящего тела, образуя иконические способы коммуникации с миром, где и проявляются медиальные свойства образа. П. Вирилио также подтверждает социальный характер образа, называя его «публичным» [5, с. 65], поскольку он транслируется в сфере, открытой для взгляда. «В городах, в которых мы живем, каждый из нас видит тысячи публичных образов (publicity images) ежедневно. Никакой

другой вид образов не предстает перед нами столь часто. Ни в одном другом обществе в истории не существовало такой концентрации образов, такой плотности визуальных посланий» [6, с. 129]. В свою очередь, фактор публичности образов и их медиальный характер способствуют образованию иконического поля [7]. Формируемое образами, оно имеет основой специфические визуальные репрезентации, отличные от репрезентаций знаковых или символических. На примере живописи, кинематографа, фотографии можно увидеть, что репрезентация имеет дело с показыванием, и в то же время стремится создать особую пространственную иконическую среду. Образ стремится быть увиденным, при этом формирует поверхность и показывает себя вместе с ней. Как воспринимается иконическая поверхность? При визуальном контакте со всей изобразительной поверхностью происходит схватывание не единичного артефакта, а всей поверхности сразу, причем моментально. Видящий субъект впитывает присутствие образов в иконической среде-поверхности. Образная сфера не изолирована кругом образов, она, скорее, вписана в целое социальной жизни, представляя собой необходимый структурный компонент реального. Социальное пространство включает в себя огромное количество визуальной информации, растянутой по иконической поверхности. Визуальные изображения есть одна из форм обретения мира человеком, присутствие мира для человека во многом определяется наличием иконического опыта.

Определенно можно сказать, что визуальный образ – не некий единичный артефакт, воспринимаемый зрением человека, скорее, образ есть организованная система, включающая в себя материальные составляющие, а также интеллектуальные и перцептивные. При восприятии визуальных образов мы не только впитываем информацию, заложенную в них, но, что самое главное, своей неизбежной интерпретацией поддерживаем и укрепляем связи иконического опыта. Говоря, что мы участвуем в создании образной среды, некоторые исследователи сомневаются относительно главенства роли субъекта в этом созидании, то есть не мы впитываем в себя визуальные содержания, а образная среда затягивает в свои траектории, заставляя принять свою пикториальную логику. Комплексность организации позволяет говорить нам об особом иконическом пространстве, а также медиальности, налаживающей сообщение между средой и субъектом социального поля.

Динамическая двойственность визуального образа выражается в двух уровнях: во-первых,

материальном уровне, когда артефакт заставляет фокусировать на себе внимание зрителя; во-вторых, «подразумеваемом» уровне. Визуальный объект сообщает нам о том, что на самом деле за ним скрыто более глубокое значение – смыслообразующий уровень.

Материальность образа выступает как медиум-посредник, раскрывающий смыслы, которые хранит в себе образ. Образы – не только образования, требующие семиотического расшифровывания репрезентаций социальных и политических отношений, но и материальные поверхности, которые в силу структурности образуют социальные связи, где субъект оказывается в насыщенной иконической поверхности. Восприятие субъектом образной поверхности, вхождение в глубину образа есть «погружение в материальность социальной жизни» [8]. Материальная поверхность социальной жизни – это не социально значимые видимые объекты, а само свойство иконической плоскости репрезентировать и показывать действующие социальные отношения.

Особые свойства образа (материальность и смыслопорождаемость) проявляются во взаимодействии с воспринимающим субъектом. Их можно назвать коммуникативными, поскольку они раскрывают посреднический характер образа, что опять же говорит о его медиальности. Указанное иконическое посредничество и есть свойство иконической поверхности, растянутой по социальному полю. Таким образом, установлено, что два основных уровня образа – это материальность и смыслопорождаемость. Первое свойство присуще всем иконическим объектам (различные визуальные изображения: живописные произведения, фотография, видеография, реклама, медиаконтент и др.), поскольку материальность визуально представленного обеспечивает простейшее восприятие артефактов, которые предоставляет нам образ. Единство материального и смыслопорождающего уровней в образе обеспечивает главное свойство – скрепляющую медиальность, которая действует на микроуровне образа, скрепляя вышеупомянутые свойства, а также на макроуровне, где происходит установление связей образа с внешним пространством социального. Все образы, функционирующие в культурной среде, абсолютно социальны, собственная природа толкает их к беспрестанному установлению связей. Стоит человеку воспринять образ, смысл проявляется вне зависимости от того, прикладываются ли силы к рефлексии над ним: под взглядом наблюдателя социокультурная образность оживает.

Список литературы

1. *Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder. Was ist ein Bild.* München : Wilhelm Fink Verlag, 1994. P. 11–38.
2. *Mitchell W. J. T. What Do Pictures Want? The Lives and Loves of Images.* Chicago, 2005. 380 p.
3. *Бергер Д. Искусство видеть.* СПб. : Клаудбери, 2012. 184 с.
4. *Баль М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований // Логос. 2012. № 1 (85). С. 212–249.*
5. *Вирилио П. Машина зрения.* СПб. : Наука, 2004. 139 с.
6. *Петровская Е. Безымянные сообщества.* М. : Фаланстер, 2012. 384 с.
7. *Инишев И. Н. «Иконический поворот» в науках о культуре и обществе // Логос. 2012. № 1 (85). С. 184–211.*
8. *Alexander J. Iconic Experience in Art and Life : Surface. Depth Beginning with Giacometti's Standing Woman // Theory, Culture & Society. 2010. № 25. P. 1–19.*

Образец для цитирования:

Курокhtина С. Р. Проблема образа в визуальных исследованиях // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 367–370. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-367-370>

The Problem of Image in the Visual Research

S. R. Kurokhtina

Sofia R. Kurokhtina, <https://orcid.org/0000-0002-8307-3648>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, sofic1994@mail.ru

The article is devoted to the problem of imagery in visual studies. The heterogeneous nature of visual studies, due to their interdisciplinary focus, suggests that there is no clarity, both in the development of general methodology and a conceptual framework. The purpose of the article is to specify the concept of “image”, to identify its structural components, and ways of functioning in the space of interactions. The activity approach is effective for the analysis of the image, since its capabilities allow us to investigate the traces of the image in the social sphere, rather than the history of the development of the term itself. Within the framework of this article, the author establishes the dynamic duality of the image, which is expressed on two levels – the first is the material level inherent in all iconic objects (visual images, ranging from paintings, and ending with advertising and media content), this level is necessary for the primary perception of visual artifacts. Secondly, the image has a sense-forming level, closely related to the communicative properties of the image, that organizes the process of interpretation and transmission of the information. The property that supports the cohesion of the two levels – mediality, also provides a link of the image to the social space. The author concludes that visual

images form a special iconic surface, which points to the complex organization of images due to the medial component.

Keywords: image, visual studies, iconology, visibility, iconic turn.

References

1. *Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder. Was ist ein Bild.* München, Wilhelm Fink Verlag, 1994, pp. 11–38.
2. *Mitchell W. J. T. What Do Pictures Want? The Lives and Loves of Images.* Chicago, 2005. 380 p.
3. *Berger D. Искусство видеть [The Art of Seeing].* St. Petersburg, Klaudberri Publ., 2012. 184 p. (in Russian).
4. *Bal M. Visual Essentialism and the Object of Visual Studies. Logos, 2012, no. 1 (85), pp. 212–249 (in Russian).*
5. *Virilio P. Mashina zreniya [The Vision Machine].* St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, 139 p. (in Russian).
6. *Petrovskaya E. Bezymyannye soobshchestva [Anonymous Communities].* Moscow, Falanster Publ., 2012. 384 p. (in Russian).
7. *Inishev I. N. «Iconic Turn» in the Sciences of Culture and Society. Logos, 2012, no. 1 (85), pp. 184–211 (in Russian).*
8. *Alexander J. Iconic Experience in Art and Life: Surface. Depth Beginning with Giacometti's Standing Woman. Theory, Culture & Society, 2010, no. 25, pp. 1–19.*

Cite this article as:

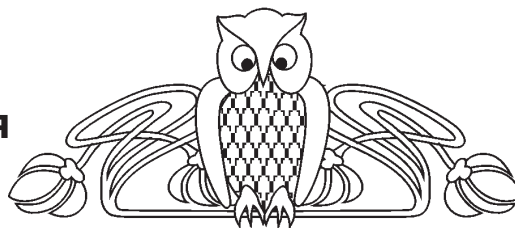
Kurokhtina S. R. The Problem of Image in the Visual Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 367–370. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-367-370>

УДК 316.344.5

Свобода в условиях российского общества потребления

Л. А. Литвякова

Литвякова Лариса Александровна, аспирант кафедры философии и методологии науки, Иркутский государственный университет, litlaramusic@mail.ru

В статье рассматриваются явления свободы в условиях современного российского общества потребления. Актуальность данной проблемы выражается в замене понимания смысла свободы как свободы «для» пониманием, которое включает в себя трактовку, связанную с таким явлением, как потребительство, что не позволяет воспринимать ее как подлинную всеобщую свободу. Различные философские концепции современности направлены именно на критику потребления как атрибута посткапиталистического общества. Цель статьи состоит в анализе на основе различных теоретических данных современных глобальных процессов, влияющих на характер общественного сознания, что определяется заменой сложившихся ценностей в пользу потребительства как неотъемлемого элемента «свободы» в ее современном общественном восприятии. В связи с этим необходимо заметить, что современный смысл свободы определяется индивидуалистическими тенденциями в обществе, на основе чего можно сделать вывод, согласно которому такая свобода понимается как «иллюзорная», поскольку обусловлена всей системой капиталистического общества, где производство не является основной составляющей реализации подлинной коллективной свободы, позволяющей раскрыть человеческие возможности с помощью реализации своего труда как фактора развития не только индивида, но и общества. Главную роль в социально-экономической системе общества теперь играет рынок, направленный на все большее увеличение капитала посредством увеличения потребления среди населения, формирования массовой потребительской культуры, которая ограничивает степень подлинной свободы. Таким образом, новизна исследования может выражаться в выявлении необходимости перехода от материальных к коллективным ценностям, основанным на нравственности и становящимся основой для высших потребностей, направленных на интересы всего общества. Выразителем этих идей должен стать устойчивый средний класс, играющий важную роль в экономической системе. Тенденция его формирования объясняется вызовом времени, характеризуемым угрозой гегемонии капитализма на постсоветском пространстве, что не дает шансов на установление свободного, справедливого и благополучного общества в России.
Ключевые слова: свобода, общество потребления, потребление, производство, массовая культура, классовая структура.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-371-376>

При анализе проблем современного российского общества нельзя обойти вниманием процессы, которые имеют глобальный, массово распространяющийся характер и оказывают влияние

на культурную специфику. Прежде заметим, что эти процессы во многом обусловлены угрозой гегемонии капитализма на постсоветском пространстве в настоящее время. Нельзя, однако, не обратить внимание на специфику капитализма на Западе и в России. Если в западном обществе капитализм характеризуется развитой системой потребления, наличием устойчивого среднего класса, то в России социально-экономическая система находится под угрозой кризисов, определяющихся зависимостью ее от состояния мировой экономики. Кроме того, не существует до сих пор и оформленного среднего класса, численность которого должна была бы составлять большую часть населения, способного выступать в качестве основного субъекта потребления. Вызвано это неразвитостью капитализма, провалом демократических реформ, проводимых в постперестроечное время, что позволяет обнаружить феномен недопотребления среди большинства российского общества.

Несмотря на то, что в начале века государство провозгласило свободу в экономической, политической, социальной сферах общества, объявило незыблемость человеческой личности как гражданина, тем не менее нельзя говорить о свободе, пока информационная среда в угоду государству будет направлена на массовизацию, унификацию и стандартизацию населения, становящегося подверженным материальным ценностям. В связи с этим И. Джохадзе говорит о наличии в современном обществе «ложных демократических идей», «демократических идеалов», о «ложных потребностях и способах их удовлетворения», которые навязаны обществом индивиду. А это, в свою очередь, приводит к «тоталитаризации общественных отношений» [1, с. 177]. Информатизация в современном обществе представляет острую проблему по причине непрерывного потока разной информации, в том числе имеющей негативные последствия для общества. Имеется в виду не та информация, которую нельзя оценить критически, а та, которая принимается в виде готового продукта и внедряется в сознание общества. Поэтому общество становится пассивным потребителем информации, которая им манипулирует, заставляет индивида придерживаться ложных ценностей, ведущих,

как уже было сказано, к обезличенности, утере восприятия реальности, пассивности, эгоизму. Частная собственность, объявленная одной из главных ценностей капитализма, заставляет индивида переживать действительность по типу негативной свободы, когда не существует препятствий или ограничений для собственного волеизъявления, нацеленного на реализацию эгоистических стремлений в накоплении материальных благ, не считаясь с правилом коллективного их распределения, как задумывалось при коммунизме.

Согласимся, что несмотря на ощущение человеком свободы в том демократическом обществе, в котором он пребывает, сама свобода не является подлинной, поскольку маловероятно, что от индивидуального выбора человека что-либо зависит, скорее, его действия так или иначе предопределяются «обществом, властью, социальными институтами» [1, с. 175]. Следовательно, часть российского общества, несмотря на желание обрести уникальную идентичность, в большинстве своем встроена в систему массовой культуры, которая диктует необходимость выбора товаров, продуктов, услуг, информации и других материальных и духовных благ, обладающих массовым спросом. Культура массового потребления, которая быстрыми темпами превратила российское общество в общество потребления, вызвана таким глобальным процессом, как вестернизация. В итоге можно говорить о власти рыночной экономики, материальных благ, которые порождают неравенство среди населения, увеличивают свободу одних и ограничивают свободу других. Нельзя не согласиться с И. Джохадзе в том, что свобода в рамках «безграничной демократии» имеет оборотную сторону, результатом которой является «социальный и этико-политический конформизм» [1, с. 176]. Таким образом, человек лишается возможности не только самостоятельно выбирать, но и мыслить, и действовать. Поэтому возможно такую свободу представить как иллюзорную, которая реализуется в потребительски насыщенном обществе, утратившем свою подлинность.

Остросоциальной проблемой становится вопрос о переоценке ценностной составляющей общества. В данном случае перепотребление на Западе решается переходом к ценностям, не имеющим под собой материальной привязанности, под чем понимаем формирование некой культуры антипотребления, нацеленной на ограничение потребления, которое вызывает проблему глобального уровня – экологическую. В свою очередь, данная проблема подразумевает направленность на будущее благополучие, а не

на необходимость сиюминутного получения счастья за счет постоянного удовлетворения материальных потребностей. В России же движение за антипотребительство не получило развития, что объясняется феноменом недопотребления, обуславливающего склонность населения к материальным ценностям и собственной безопасности, получаемой от государства. Это же служит и причиной того, что в российском обществе не нашли практического применения либертарные ценности, а остались только в сознании россиян в форме выражения сопротивления авторитарному типу правления.

Таким образом, методологией для решения данной проблемы могут послужить философские теории, критически оценивающие последствия процессов, происходящих в посткапиталистическом постиндустриальном обществе. Прежде всего, это концепции Э. Фромма, Ж. Бодрийяра, Х. Ортеги-и-Гассета и др. Однако более пристального внимания заслуживают трансгуманистические теории, предсказывающие неизбежность технологического прогресса, вызванного разрастанием капитализма, что сказывается на субъективном состоянии человека, не позволяющем найти ему путь к подлинной свободе, которая кроется в его гармоничном взаимодействии с природой, обществом и самим собой через нравственность и мораль как основы высших потребностей. Особенно это важно для российской действительности, поскольку специфика русского народа состоит именно в духовности и коллективности, а также, как утверждали славянофилы, в единении с природой. Это лежит в основе коллективного–бессознательного, которое должно проявиться через возвращение к собственной культуре как способу борьбы с мультикультурализмом, содержащим ложные ценности и идеалы.

В целом многие философские концепции XX в. ориентируются на анализ процессов западного общества, которые имеют свои последствия на мировом уровне, поскольку кризис европейской цивилизации сказывается и на постсоветском пространстве. Прежде всего, среди таких процессов выделяется трансформация ценностей, которые в условиях несформированности демократии ведут к проблеме высокого социального расслоения и нестабильности, что вынуждает придерживаться индивидуалистических материальных ценностей, а не коллективных, сопровождаемых развитой системой всеобщих гражданских прав и обязанностей, являющихся условием социальной свободы.

В связи с этим при исследовании свободы в рамках общества потребления, которое пред-

ставляет собой одно из проявлений современной российской действительности, вызванных принятием западных ценностей, важным представляется обратить внимание на проблематику трансформации национальной культуры и нахождения пути для сохранения ее специфики. Очевидно, что массовое потребительство (консюмеризм) служит препятствием для развития и сохранения духовности. В связи с этим А. Н. Ильин предлагает стремиться не к прогрессу технологий, нередко приводящих к экологическим, нравственным, человеческим издержкам, а к развитию общества, человека, культуры, то есть обращать внимание на результаты действия технологий, которые должны подвергаться гуманизации [2]. Такая гуманизация подразумевает изменение сферы труда, когда большинство должно быть занято в производстве, контролируемом самими людьми и не зависящем от вызовов современности, обусловленных доминированием экономической системы. В данном случае отпадет потребность в обеспечении себя материальными благами, поскольку прекратится конкуренция за обладание ими, что послужит толчком к переходу к высшим нравственным ценностям. Однако заметим еще одну неопределенность, мешающую воплотиться – нестабильность, которая охватила в том числе российское общество по причине международных кризисов. Поэтому современное человечество в целом окружено, по утверждению Бека, рискогенной средой [3, с. 60] и говорят об «обществе всеобщего риска» [4, с. 21–44]. Исходя из этого, возможен полный пересмотр свободы человека, поскольку в условиях риска и неопределенности социальные действия индивида носят совершенно иной характер, нежели в период стабильности и подъема общественного воспроизводства. Касаясь российского общества, которое пока в большинстве своем привержено, скорее, материальным, нежели постматериальным ценностям, можно сказать, что любые изменения способны вызвать страх, но при этом отсутствуют и представления о будущем, о какой-либо социальной перспективе в нем. Данным обстоятельством и объясняется потребность в безопасности как одна из главных потребностей в российском обществе. В свою очередь, государство оказывается вправе ограничить степень свободы россиян, что проявляется в предоставлении возможностей, ограниченных интересами высших властных структур.

Х. Ортега-и-Гассет подытоживает: «Жить – это вечно быть осужденным на свободу, вечно решать, чем ты станешь в этом мире» [5, с. 48]. Однако в современном мире люди склонны подчиняться не внутреннему волеизъявлению,

а массе. Манипулирование массами позволяет меньшинству действовать в своих целях. Поэтому хоть свобода и воспринимается как возможность свершения выбора, он все же продиктован состоянием рыночной экономики, способной изменяться в пользу высших классов. Следовательно, обстоятельства, вызванные состоянием социально-экономической системы, не могут не оказывать воздействия на тот или иной выбор, сделанный человеком. К. Маркс по этому поводу говорил, что «люди делают историю в обстоятельствах, которые не выбирают» [6, с. 119]. Поэтому имеющиеся обстоятельства и являются некими ограничениями в свободе выбора.

Добавим, что уже в первой половине XX в. Ортега-и-Гассетом был раскрыт кризис демократии буржуазного общества. Критикуя капиталистическое общество, он отметил, что «мы живем под жестокой властью масс». Это значит, что не просто социум, а массовое общество как явление современного глобализованного мира является фактором подавления человеческой индивидуальности, его свободы в формировании своей непохожей на других идентичности. Таким образом, противоречие видится в том, что, с одной стороны, массовость капиталистического общества служит подавлению уникальности и индивидуальности людей. С другой стороны, каждый член общества стремится обрести эту индивидуальность, которая принимает крайние формы, обращается в отчужденность от социума, ведет к обезличиванию общественных отношений, но вместе с тем и формирует новую повседневную социальную реальность, обусловленную типизацией сознания. Данный феномен проявляется в следовании новым культурным формам поведения, которые выстраиваются на основе массового предложения в информационной и повседневной бытовой реальности. В качестве примера стоит обратить внимание на предложенный Бодрийяром формат торгового центра, называемый Дрогстором, который охватывает все объективную общественную жизнь, смешивая и гомогенизируя все атрибуты повседневности в одном пространстве. Это проецирует некую субстанцию, лишенную смысла, проникающую в сферу социальной повседневности, делая ее неразличимой и гомогенной, наполненной знаками. Знаки служат средством безопасности, отказа от действительности как таковой. Повседневность, выраженная в знаковой форме, по определению Бодрийяра, выступает в качестве «места потребления» [7, с. 11] и трактуется как система интерпретации, которая переинтерпретирует мир «для внутреннего потребления». Тем самым обеспечивается безопасность, которая влечет за со-

бой пассивность в противовес активной деятельности, опосредуемой общественной моралью.

На примере современной действительности становится вероятным, что российское общество также подвержено усиленному потреблению с тем его отличием от западного, что рынок товаров в России наполнен низкосортным, стандартизированным товаром, не соответствующим показателю качества в развитой социально-экономической системе. Вызвано это тем, что в связи с возможностью формирования среднего класса в общественном устройстве государство ставило целью обеспечение населения материальными и социальными благами, чтобы достигнуть уровня жизни западного общества. В результате появилась тенденция массового потребления. Однако неразвитость капитализма, провал демократических реформ привели к недопотреблению. И несмотря на то, что сегодня в России наблюдается определенная «система потребления», большинству российских граждан остается малодоступным потребление высококачественных товаров. А. Ю. Заболотнов считает, что в России существует «вторичное общество потребления» [8], для которого доступен рынок товаров невысокого качества. Исходя из этого, большая часть российского населения ограничена в плане пользования благами той сферы потребления, которая охватила наиболее материально благополучные слои общества. Вызвано это тем, что импорт товаров широкого потребления из развивающихся стран, заполонивший Россию в перестроечные годы, трансформировался в явление, называемое «масс-маркет», направленное на демократизацию массового рынка, его доступность для широких слоев населения. Стало заметно общее удовлетворение членов российского общества расширившимся спектром массового производства, по сравнению с тем, что было прежде. Возникла некая иллюзия возможности свободно действовать в сфере потребления.

Несмотря на то, что многие западные общества перешли к пониманию необходимости ограничения потребления в условиях формирования новой культуры, которая разворачивается в рамках постматериальных ценностей, российское общество остается подвержено потреблению. В связи с этим под угрозой находятся те ценности, которые исторически определяли духовность и коллективность русского народа [2, с. 63]. Причиной послужило то обстоятельство, что российское общество еще с 1990-х гг. ориентировано на образцы, сформировавшиеся в условиях тотального дефицита, что определяет стремление к «удовлетворению растущих потребностей», в основном относящихся к «сфере престиж-

ного, статусного, вторичного потребления» [9, с. 321–342]. Исследования, проведенные в первое десятилетие после распада СССР, показали, что ценности, связанные со свободой действия, например, «мобильности, свободы информации, печати, слова», не так важны для россиян, как права на гарантированный материальный достаток, медицинское обслуживание, работу и т. д., т. е. всего того, что предоставляет государство [9, с. 321–342].

Таким образом, общество потребления – это результат капитализма и процессов демократизации. Опираясь на наиболее важные положения марксизма, утверждающего включенность человека в производственные отношения, стоит сказать, что рыночная экономика, нацеленная на общество потребления, делает общество все более массовым и обезличенным, направленным на неограниченное потребление материальных благ, что вызывает необходимость более рационального потребления [10, с. 110]. Рынок информации и технологии не направлены на развитие человеческой личности, не преследуют гуманистических идеалов, поскольку человеческий труд начинает заменяться использованием техники, что деградирует личность [11, с. 161–162]. Кроме того, усиливающееся отчуждение человека от системы, порожденной самим социумом, ведет к индивидуализации. Взамен подлинной свободы возникает ее иллюзия в возможности выбора, порожденного развитием рыночной экономики, а затем и общества потребления. Однако вместе с тем человек стремится обрести еще большую индивидуальность в условиях массовости всех сфер жизни. Возникает борьба за материальные блага, порождающая неравенство, что подавляет свободу одних и приумножает свободу других, коих меньшинство.

В связи с этим над российским обществом, которое захватила культура массового потребления вследствие принятия либеральных буржуазных идей, без учета особенностей и исторического опыта российской действительности, нависает угроза превращения его в массовое обезличенное общество, где могут быть разрушены духовные ценности, нравственность, которое может стать лишь некой «копией» общества западного, но при этом по причине большого неравенства может прийти в упадок и потерять свою национальную идентичность, поскольку будет выражать интересы лишь немногих. Тем не менее не существует единой точки зрения насчет будущего развития общества, как и отсутствуют стратегии, позволяющие определить цели этого развития.

Следовательно, первоочередная задача состоит в формировании многочисленного актив-

ного потребительского слоя, владеющего производством и контролирующего экономическую систему в целом. Такой активной силой должен стать средний класс, способный поднять уровень развития социально-экономической системы как основы для перехода к высшим потребностям, базирующимся на нравственных ценностях и дающим свободу для самовыражения и самореализации. Нарастающее неравенство в российском обществе, показательное потребление среди его высших слоев могут послужить толчком к недовольству среди трудящегося населения, которое все больше консолидируется для отстаивания своих интересов. Это должно быть не молодое поколение, не испытывающее недопотребление, а та часть общества, которой довелось пережить все тяготы социально-экономических кризисов и неудачных последствий проводимых в 1990-е годы реформ. Как правило, это представители интеллигенции, бюджетной сферы, рабочие в сфере производства. Именно они могут составить основу для формирования активного среднего класса.

Список литературы

1. *Джохадзе И.* Массовое общество и демократический тоталитаризм : свобода без выбора // Логос. 2005. № 5 (50). С. 65–178.
2. *Ильин А. Н.* Культура общества массового потребления : критическое осмысление. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014. 208 с.
3. *Воробьев Г. А.* Энтропийные процессы в российском обществе в свете социально-философской рефлексии : ценностное измерение // Гуманитарий Юга России. 2017. № 3, т. 6. С. 58–68.
4. *Яницкий О. Н.* Россия как «общество риска» : контуры теории // Россия трансформирующееся общество. М. : Канон-пресс-ц, 2001. С. 21–44.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 509 с.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. 705 с.
7. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры // пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика ; Культурная революция, 2006. 269 с.
8. *Заболотнов А. Ю.* Общество потребления в современной России // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 9. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/09/5901> (дата обращения: 6.03.2018).
9. *Мартьянов В. С.* Шанс для России : выйти из общества потребления // Прогнозис. 2008. № 2. С. 321–342.
10. *Мирошина Е. Ю.* Общество потребления : критика и пути преобразования // Изв. Тульск. гос. ун-та. 2017. № 2. С. 105–112.
11. *Семененко В. В.* От общества потребления к обществу развития // Российские регионы в фокусе перемен : X междунар. конф. : сб. докл. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 160–164.

Образец для цитирования:

Литвякова Л. А. Свобода в условиях российского общества потребления // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 371–376. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-371-376>

Freedom within the Context of the Russian Consumer Society

L. A. Litvyakova

Larisa A. Litvyakova, <https://orcid.org/0000-0002-7524-9578>, Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia, litlaramusic@mail.ru

The article is devoted to the phenomenon of freedom in the conditions of modern Russian consumer society. The relevance of this problem is expressed in replacing the understanding of the meaning of freedom as the freedom “for” with such an understanding, which includes the interpretation associated with such a phenomenon as consumerism, that does not allow to perceive it as a true universal freedom. Various philosophical concepts of modernity are aimed at criticism of consumption as an attribute of post-capitalist society. The purpose of the article, therefore, is to analyze, on the basis of various theoretical data, modern global processes which affect the nature of public consciousness, determined by the replacement of existing values in favor of consumerism as an integral element of “freedom” in its modern public perception. In this regard, it should be noted that the modern sense of freedom is determined by individualistic

tendencies in society. On the basis of this, it can be concluded that such freedom is understood as “illusory”, since it is conditioned by the whole system of a capitalist society, where production is not the main component of the realization of genuine collective freedom, which allows to reveal human possibilities by means of the realization of one’s work as the factor of development not only of the individual, but also of the society as a whole. The main role in the socio-economic system of society is now played by the market, aimed at a greater capital increase through the increase in consumption among the population and the formation of mass consumer culture, which limits the degree of genuine freedom. Thus, the novelty of the study can be expressed in identifying the need to move from material values to collective ones based on morality and becoming the basis for higher needs which are aimed at the interests of the whole society. These ideas should be expressed by a stable middle class, which plays an important role in the economic system. The tendency of its formation is explained by the challenge of time, characterized by the threat of hegemony of capitalism in the post-Soviet space, that does not give a chance to establish a free, fair and prosperous society in Russia.

Keywords: freedom, consumer society, consumption, production, mass culture, class structure.

References

1. Jokhadze I. Mass Society and Democratic Totalitarianism: Freedom Without Choice. *Logos*, 2005, no. 5 (50), pp. 65–178 (in Russian).
2. Il'in A.N. *Kul'tura obshchestva massovogo potrebleniya: kriticheskoe osmyslenie* [Culture of Mass Consumption Society: Critical Conception]. Omsk, OmGPU Publ., 2014. 208 p. (in Russian).
3. Vorobiev G. A. Entropy Processes in Russian Society in the Light of Social and Philosophical Reflection: Value Dimension. *Gumanitarnij Yuga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia], 2017, no. 3, vol. 6, pp. 58–68 (in Russian).
4. Janicki O. N. Yanickij O. N. Russia as a «Risk Society»: Contours of the Theory. *Rossijskoe transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia Transforming Society]. Moscow, Kanon-Press-c Publ., 2001, pp. 21–44 (in Russian).
5. Ortega y Gasset H. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow, Kanon-Press-c Publ., 2002. 509 p. (in Russian).
6. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Izd. 2-e [Works]. Vol. 8. Moscow, Gos. izd-vo polit. literatury, 705 p. (in Russian).
7. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer Society. Its myths and structures]. Moscow, Respublika; Kul'turnaya revolyuciya Publ., 2006. 269 p. (in Russian).
8. Zabolotnov A. Yu. Consumer Society in modern Russia. *Ekonomika i menedzhment innovacionnyh tekhnologij* [Economics and innovations management]. 2014, no. 9. Available at: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/09/5901> (accessed 6 March 2019) (in Russian).
9. Martyanov V. S. The Chance for Russia to Withdraw from the Consumer Society. *Prognosis*, 2008, no. 2, pp. 321–342 (in Russian).
10. Miroshina E. Yu. The Consumer Society: Critique and Ways of Transformation. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestija TulGU)*, 2017, no. 2, pp. 105–112 (in Russian).
11. Semenenko V.V. *Ot obshchestva potrebleniya k obshchestvu razvitiya* [From Consumer Society to Development Society]. In: *Rossijskie regiony v fokuse peremen: X mezhdunar. konf.: sb. dokladov* [Russian Regions in the Focus of Change. X International Conference. Collection of reports]. Ekaterinburg, UMC UPI Publ., 2016, pp. 160–164 (in Russian).

Cite this article as:

Litvyakova L. A. Freedom within the Context of the Russian Consumer Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 371–376. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-371-376>

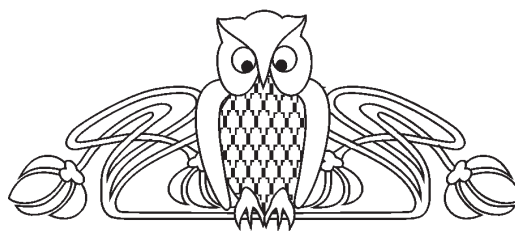

УДК 111.1:1; (091) (44): 141.131; 502,12:1

Проблемы и концепции философии и философии науки: феномен контекстуальности

С. Ф. Мартынович, М. О. Орлов

Мартынович Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sfmart@mail.ru

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, orok-saratov@mail.ru

Авторы статьи обращаются к анализу соотношения науки и культуры в контексте новоевропейской философии. Наука как социокультурный феномен всегда занимала в культуре особое место. Ее бурное развитие в течение последних двух столетий закономерно заставляет философию искать новые подходы к пониманию природы научного познания и научной деятельности. Одним из способов приближения к решению этой задачи может быть осмысление перехода от акцентированного поиска инвариантных структур познания к исследованию контекстуальности познавательных действий. Обобщая эту установку, видится возможным применить ее к осмыслению исторического опыта философии науки. Представлено авторское видение категории контекстуальности, которое тесно связано с понятиями текста, языка и семантики. Исходя из базовой взаимосвязи понятий «текст» и «контекст» устанавливается способность языка к изложению научных и философских умозаключений. Анализируя текст как последовательность языковых символов и принимая во внимание то обстоятельство, что языковой знак является единством означаемого и означающего, авторы выделяют три основных типа соотношений: означаемого и означаемого, означаемого и означающего и означающего и означающего. Семантика в этом контексте предстает наукой по выявлению смыслов языковых знаков. Текст как ряд связанных между собой языковых знаков начинает выполнять функцию контекста по отношению к ним. Исходя из такого понимания контекстуальности формулируется закономерный вывод о возможности понимания философии как процесса самоопределения человека и общества в современном мире посредством разума, т. е. научно. Таким образом, в человеческой культуре формируется архетип объективности, предполагающий возможность позитивного знания об этом мире. Однако в завершение статьи отмечается и тот факт, что многовековое философское осмысление мышления как инструмента познания закономерно выявляло противоречия в познавательных возможностях человека, что, в свою очередь, привело к формированию архетипа субъективности.

Ключевые слова: философия, наука, философия науки, культура, текст, контекст, контекстуальность, язык, языковой знак, семантика, аналитическая философия, мышление, объективность, субъективность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-377-381>

Исследование феномена контекстуальности проблем и концепций философии и философии науки, которые возникали в историческом бытии философии, функционируют и сегодня. Метод диверсифицирующей реконструкции возможной логики контекстуальности исследования природы познания, как она представлена в философии науки, в историческом аспекте применяется для решения возникающих задач.

Наука и культура, соотнесенные в историческом бытии человека и общества как часть и целое, являются традиционными предметами философских размышлений. Философы, осмысливающие культуру с позиций философии, приходят к пониманию актуальности определения места науки в содержании культуры, культурного бытия человека и человечества. Потому последовательное философское осмысление культуры, т. е. философия культуры, гармонично взаимодействует с концепциями философского понимания науки, с философией науки. Философские концепции, представленные в истории философии, осмысливают природу науки и культуры в целом, т. е. выстраивают своеобразные концепции философии культуры и философии науки, которые представляют собой либо учения о теоретическом и практическом разуме, либо критику теоретического разума и разума практического, либо учение об антропологической, праксиологической или герменевтической природе культуры.

В процессе всесторонних радикальных изменений современной жизни, обусловленных развитием новых технологий, связанных с продолжающейся научной революцией, хаотизацией социальных процессов, актуализируется задача понимания характера этих изменений, осмысления возможностей не только науки, но и традиции, исследующей ее природу, – философии науки в ее истории. Одним из способов приближения к решению этой задачи может быть осмысление перехода от акцентированного поиска инвариантных структур познания к исследованию контекстуальности познавательных действий. Осмысливая и обобщая эту установку, применим ее к осознанию исторического опыта философии науки.

Для прояснения феномена контекстуальности философии науки, ее проблем и концепций желательно хотя бы кратко описать смыслы ряда ключевых терминов, которые программируют возможности поиска в этой области. Контекстуальность бытия, мышления, познания, деятельности можно понимать как феномен, так или иначе обусловленный некоторым контекстом. Термин «текст» здесь имеет конститутивное значение. Текст (от лат. *textus* – соединение), понятый как связанный знаковый комплекс, в свою очередь, отсылает к теме знака. Текст как последовательность знаков, созданная в соответствии с правилами определенной знаковой системы, синтаксисом языка, информативен, производит сообщение. Отношения текста и языка осознаются как необходимые. Их сложность составляет проблемы для философии, социальных и гуманитарных наук, культурологических исследований.

Отношения, в которых знаки могут находиться, составляют предметный мир семиотики. Поскольку философские тексты, в том числе и парадигмальные тексты философии науки, существуют посредством языка, постольку, говоря о знаках, будем иметь в виду знаки сферы языка. Языковой знак сформировался как единство означающего и означаемого. Различные методы идеализации и абстрагирования применяются для исследования знаков этого рода. Означающее соотносится с означаемым. Знаки языка соотносятся друг с другом. Они употребляются в различных видах деятельности. Эти три типа отношений посредством систематически проведенных идеализаций и абстрагирований становятся предметными мирами различных познавательных стратегий.

В синтактике изучаются отношения между языковыми знаками, что выявляет синтаксис языка. Глубинные структуры синтаксических отношений обнаруживаются в процессах различений грамматического синтаксиса и синтаксиса логического. Правил логического синтаксиса, например, может быть требование: утверждение является осмысленным, если его субъект и предикат относятся к одному и тому же предметному универсуму.

Семантика выражает значение знаков. Поскольку языковой знак сформировался как единство означающего и означаемого, постольку полезно прояснить его генезис и функционирование. Означаемое есть абстракция содержания языкового знака (понятие), означающее – абстракция его выражения (акустический образ). Языкознание и логика дополняют семиотику, имея дело с исследованием знаков языковых выражений.

Прагматика исследует контексты употребления языковых знаков. Целеполагание функционирует в этой области как закон знаковой деятельности употребления.

Тексту как связанному знаковому комплексу свойственно качество целостности и внутренней относительности. Текст по отношению к своим собственным элементам выполняет функцию контекста (как смысловой целостности). Языковое выражение может состоять из слов. Слова имеют значение. Проблемным является вопрос: чем определяется значение слова? Определение значения слова может быть неявным – остенсивным, посредством указания на предмет, а также контекстуальным, посредством вовлечения определяемого слова в некоторый контекст употребления. Значимость контекстуального определения значения слова актуализировалась в процессе преодоления психологизма в философии вообще и в философии науки в частности.

Проблема преодоления психологизма оказалась одной из центральных в процессе лингвистического поворота в философии сознания, новоевропейской философии субъект-центрированного разума. Программа анализа сознания в логико-лингвистических формах его объективации открыла возможности формулировки контекстуалистских тезисов. Так, согласно Г. Фреге «только в контексте предложения слова что-либо значат» [1, S. 73].

Психологические образы нашего воображения не состоят в необходимой связи с логическими элементами предложения. Поскольку предложение как смысловая целостность есть осмысленный ряд слов, постольку согласно этому принципу контекста предложение определяет значения своих частей. Контекст фактически понимается здесь как осмысленная часть речи (устной или письменной), в структуре которой уточняется значение ее элементов (слов и выражений).

Контекстуальность можно понять как обусловленность смысла контекстом. Номинально контекстуальность есть отнесенность всего того, что происходит, к конкретному «контексту» – к среде, ситуации, условиям осуществления сингулярного бытия, к определенной целостности действительности, традиции, культуры. Контекстуальность может быть метафорически осмыслена в качестве атрибутивной характеристики любого события, осуществления любого действия, всего того, что существует индивидуально, всего того, что «имеет место», происходит в заданном временном интервале, всего того, что взаимодействует в своем существовании со сре-

дой. Контекстуальность может быть осмыслена как универсалия мышления – обыденного, научного, философского.

Я, Это, Здесь, Теперь – основные эгоцентрические слова, с необходимостью используемые для описания познаваемых явлений нашего опыта. Описания повседневного дискурса и описания научные по природе своей контекстуальны, что выражается смыслами эгоцентрических слов.

Я вижу, слышу, воспринимаю, наблюдаю, описываю, объясняю, предсказываю. Эти модусы познавательного отношения, очевидно, контекстуально эгоцентричны. «Это» указывает на предметные области соответствующих познавательных отношений. «Здесь» фиксирует места действий. «Теперь» обозначает интервалы (моменты) осуществления описываемых событий.

Размышления о знании, свойственные философии, с неизбежностью обращают внимание на контекст незнания. Конкретизация представлений о непознанном *бытии как существовании* привела к метафоре «черного лебедя», под которым понимается аномальное, экстремально воздействующее и лишь ретроспективно «предсказуемое» событие. Соотнесенность знания и незнания, помеченная необходимостью, может быть экстраполирована в прошлое человеческого опыта, культуры, практики. Потребность объяснить непознанные, но значимые события инициировала воображение древнего человека. Эта потребность актуализировалась в процессе становления техногенной цивилизации. Научные описания, объяснения и предсказания непознанных событий различной природы становятся средством выживания современного и будущих поколений людей. Поэтому исследование возможностей научного познания имеет особое практическое значение. Для систематического осмысления этой темы важно понять характер соотношения научного познания с таким видом культуры, как философия. Особой значимостью в этом отношении обладает философия науки.

Философия науки является историческим процессом и историческим результатом систематического применения всего смыслового потенциала философии к осмыслению феномена науки, истории науки. Философия науки возникает там и тогда, где и когда философия относится к науке систематически как к уникальному феномену исторического опыта бытия человека в мире. Такое понимание статуса философии науки в контексте философского познания предполагает необходимость самосознания философии, целесобразность прояснения ее проблемности и методологичности, концептуальности и предметности.

Если философия науки есть исторический процесс и исторический результат систематического применения всего смыслового потенциала философии к осмыслению истории науки, то необходимо по возможности ясно понимать, что собой представляет «весь смысловой потенциал философии». Понимание философии науки невозможно без осмысления природы самой философии. Возможные следствия для деятельности философов, вытекающие из понимания философии как процесса самоопределения человека, общества, человечества в современном мире посредством разума, актуализируют метафилософский дискурс. Прояснение «всего смыслового потенциала» философии составляет задачу метафилософии.

Весь опыт бытия человека изначально «вписан» в контексты жизненных мировых процессов. Любое практическое, познавательное, оценочно-ценностное действие осуществляется в контексте определенной ситуации, некоторой среды, сложившегося состояния жизни.

Творческое мышление человека может осуществляться, интерпретируя целостность контекста реальной жизни. Тогда объект и(или) субъект, практика и(или) представление, язык, культура и(или) история могут быть разнообразно предпосланы процессу истолкования опыта бытия человека в мире. Так, реальный мир является исходной посылкой в мышлении материалистов. Парменид и Спиноза в роли такой посылки видели нечто абстрактное. Аналогичную функцию в учении пифагорейцев выполняло число. В диалектической системе Гегеля саморазвивающаяся, опосредованно познающая себя «логическая идея всеобщей сущности вещей» реализовывает функцию универсальной субстанции-субъекта.

Диверсификация философских концептов свойственна традиции *мышления бытия* на протяжении всей ее истории. Концепты творились и творятся либо имманентно по отношению к опыту, либо трансцендентно по отношению к нему.

Изначально, в период формирования традиции, бытие мыслилось как нечто само по себе сущее, объективное. Этот исторически возникший интеллектуальный контекст философского творчества может быть назван архетипом философии объективности. Для него характерно вопрошание о природе вещей, о природе в себе всеобщего, о том, что такое знание само по себе, истина сама по себе, справедливость сама по себе, благо само по себе. Для этого способа мышления бытия легитимен горизонт очевидностей: вне меня

существуют вещи. Проблемой, тем, что не очевидно, является познание природы вещей. Этим делается акцент на онтологической проблематике философии данного архетипа.

Истолкование философии как исследования природы вещей, как познания вечного, непреходящего сущего, как науки о первопричинах и началах вещей, как пути для достижения счастья посредством разума свойственно античной философии. В ее контексте реализована проективная функция философии науки. Философский разум Античности сформировал проекты развития математики, теоретической науки и науки эмпирической. Множественность философских концептов, сотворенных в этом интеллектуальном контексте («атомы» Демокрита, «бытие» Парменида, «идеи» Платона, «субстанции» Аристотеля...), требовала своего обоснования и объяснения.

Особое значение имеет проблема понимания текстов, что связано с их многообразной контекстуальностью. Так, констатируется, что «Физика» Аристотеля – скрытая, никогда не изученная должным образом основополагающая книга западной философии [2, с. 185]. Для современного читателя-исследователя важнейшей для объективной оценки книги является проблема ее адекватного понимания. Возможности в этом отношении возрастают, если исследователь руководствуется принципом контекстуальности возникновения текста, его трансляции в истории культуры, специфики этнического языка и языка концепции философии Стагирита.

Вне контекста философии природы Аристотеля невозможно понять его осмысление природы времени, мотивы его интереса к постижению феномена времени. Интерес Аристотеля в этом отношении отличался от того, как интересовались временем, скажем, Августин, Фома, Галилей, Ньютон, Эйнштейн. «Аристотель интересовался временем только потому, что он интересовался природой ...» [3, с. 8]. Наблюдаемым природным процессам свойственны изменения, которые составляют «природу жизни».

Отношение интеллектуалов к теме времени в «Физике» Аристотеля определялось спецификой интеллектуального контекста того или иного исторического периода. Так, в эпоху Возрождения отмечается тенденциозность в

оценке натурфилософской концепции автора «Физики». Превалировал мотив защиты авторитета Аристотеля, а не стремление к достижению объективной оценки идей концепции. Когда эта задача актуализировалась, была осознана необходимость исследовать сам инструмент (мышление), возможностями которого творились концепты. В новом историческом контексте в традиции «мышления бытия» бытие осмысливалось как «бытие в сознании» (в сознании Божественного абсолюта – Средние века; в сознании эмпирического я – Новое время). На этой тропе субъективности был найден ответ на вопрос о природе тождества мышления и бытия. Cogito Декарта имплицитно подразумевает понимание того, что мое мышление тождественно моему бытию в моем сознании. Этот исторически возникший новый интеллектуальный контекст философского творчества концептов может быть назван архетипом философии субъективности.

Позиционирование философии как мирской мудрости, основанной на естественном свете человеческого разума, характеризует осмысление проблемности и предметности философии Средних веков. Понимание философии как единой науки, существующей в форме понятия, как трансцендентальной истории самосознания, как науки о разуме, постигающем самого себя, характеризует осмысление проблемности, методологичности, концептуальности и предметности новоевропейского философствования. Философия науки этого периода, закрепляя свою проективную функцию посредством разработки программы развития эмпирической психологии и социологии, исследует условия возможности субъективного синтеза научного знания (математики и естествознания) в сознании эмпирического Я.

Список литературы

1. Frege G. Die Grundlagen der Arithmetik. Eine logisch mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl. Breslau : Verlag von Wilhelm Koenner, 1884. 119 S.
2. Heidegger M. Pathmarks. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 385 p.
3. Harry C. C. Chronos in Aristotle's Physics. On the Nature of Time. Heidelberg : New York : Springer, 2015. 75 p.

Образец для цитирования:

Мартынович С. Ф., Орлов М. О. Проблемы и концепции философии и философии науки: феномен контекстуальности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 377–381. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-377-381>

**Problems and Concepts of Philosophy
and Philosophy of Science:
the Phenomenon of Contextuality**

S. F. Martynovich, M. O. Orlov

Sergey F. Martynovich, <https://orcid.org/0000-0002-5128-8978>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, sfmart@mail.ru

Mikhail O. Orlov, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, orok-saratov@mail.ru

This article refers to the analysis of a ratio of science and culture in the context of the new European philosophy. Science as a sociocultural phenomenon always had a special place in culture. Rapid development of science within the last two centuries naturally forces philosophy to look for new approaches to understanding of the nature of scientific knowledge and scientific activity. The understanding of transition from the accentuated search of invariant structures of knowledge to the research of contextuality of cognitive actions can be one of the ways of approaching the solution to this problem. Generalizing this guideline, it seems possible to apply it to the understanding of historical experience of philosophy of science. The author's view of category of contextuality which is closely connected with the concepts of text, language and semantics is presented in the article. Proceeding from the basic interrelation between the concepts of "text" and "context", the author carries out the analysis of the capacity of language to state scientific and philosophical conclusions. Analyzing the text as the sequence of language symbols, and proceeding from the idea that

the language sign is the unity of what is meant and what is meaning, the author highlights three main types of ratios: meant and meant, meant and meaning and meaning and meaning. Semantics in this context appears to be the science capable to identify the meanings of language signs. The text as a number of the interrelated language signs thus begins to perform the function of a context in relation to them. Proceeding from such understanding of contextuality the natural conclusion about a possibility to understand philosophy as the process of self-determination of a person and society in the modern world by means of reason, that is with the help of science, is drawn. Thus in human culture the archetype of objectivity assuming the possibility of a positive knowledge of this world is formed. However, in the end of the article it is also noted that centuries-old philosophical understanding of thinking as the tool of knowledge naturally revealed contradictions in cognitive abilities of a person that, in turn led to the formation of an archetype of subjectivity.

Keywords: philosophy, science, philosophy of science, culture, text, context, contextuality, language, language sign, semantics, analytical philosophy, thinking, objectivity, subjectivity.

References

1. Frege G. *Die Grundlagen der Arithmetik. Eine logisch mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl.* Breslau, Verlag von Wilhelm Koenner, 1884. 119 p.
2. Heidegger M. *Pathmarks.* Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 385 p.
3. Harry C. C. *Chronos in Aristotle's Physics. On the Nature of Time.* Heidelberg, New York, Springer. 2015. 75 p.

Cite this article as:

Martynovich S. F., Orlov M. O. Problems and Concepts of Philosophy and Philosophy of Science: the Phenomenon of Contextuality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 377–381. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-377-381>

УДК 101.1::316

Идея справедливости и гражданственность в современной России

С. И. Мозжилин

Мозжилин Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mozhilinsi@list.ru

В статье анализируется взаимосвязь гражданственности и понимания справедливости в современном российском обществе. Справедливость играет определяющую роль в поведении граждан, проявлении ими гражданских позиций, потому исследования в данной области всегда актуальны. Настоящая работа базируется на фрейд-марксистском подходе и осуществляется методом критической философской рефлексии. Главное внимание уделяется специфике российской гражданственности в аспекте господствующих идеалов. Низкий уровень гражданской активности автор связывает с отсутствием идеалов, способных консолидировать представителей различных социальных групп в борьбе за свои интересы в условиях капитализма. Вместе с тем логика исследования позволяет сделать вывод, согласно которому понимание справедливости, а вместе с тем и проявление гражданских позиций в первую очередь обусловлены социально-экономической системой, на ценности и цели которой ориентированы граждане. Переход от более высокой, социалистической стадии развития с ее идеалами, создателями материальных и духовных благ, ориентирующими на приоритетность общественного перед индивидуальным, к капитализму с идеалами потребителей, которым свойственна приоритетность личных интересов, обусловил этическую дезориентацию граждан, чреватую проявлением различного рода фобий. Новизну исследования составляет авторское рассмотрение проявлений гражданственности в ракурсе соответствия идеи справедливости в распределении доходов социально-экономической системе.

Ключевые слова: справедливость, гражданственность, глобализация, идеал, социально-экономическая система, распределение доходов, фобии.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-382-386>

Общеизвестно, что людям, независимо от их национальной принадлежности, свойственно размышлять о справедливости. Но, пожалуй, российский народ, как показывает история, один из наиболее озадаченных данной проблемой. Идея справедливости всегда играла одну из первостепенных ролей в российской философской рефлексии социальных процессов. Думается, во многом это пристрастие определено наличием огромной территории, на которой проживают русские люди, а сильная государственная власть играла и играет немаловажную роль в их жизни. Обширная территория России оказала влияние и на особенности менталитета людей, ее населяю-

щих. Одним из важных факторов, определяющих ментальность россиян, является осознание принадлежности к огромной стране, на территории которой находится 40% всех природных ресурсов планеты. В этой связи многие люди верили и верят в возможность пусть не равного, но более справедливого распределения доходов от реализации этих ресурсов. Поэтому не удивительно, что большинство граждан России уповают на сильное государство, которое справедливо будет распределять доходы. Во всяком случае подтверждением тому служат социологические исследования, которые показывают, что 36% россиян видят в качестве главного показателя справедливости не равенство перед законом, а распределение доходов. При этом с тем, как в настоящее время происходит это распределение в России, не согласны 84% [1, с. 81]. Вера в возможность справедливого распределения доходов от природной ренты, а вместе с тем и материальных благ дает надежду, которой живет большинство представителей российского общества. И если веру в возможность справедливого распределения благ разрушить, то и перспектив сплочения нации практически не останется. Собственно, потеря веры в справедливое распределение представителями государственной власти ресурсов являлась одним из первостепенных факторов революции в Российской империи и контрреволюции в Советском Союзе. Заметим, что в Российской империи большинство граждан не верили в возможность справедливого распределения благ в условиях капитализма, а у граждан Советского Союза была поколеблена вера в справедливость социалистического распределения. Вместе с тем необходимо признать, что ни капитализм, ни социализм в нашем Отечестве так и не были окончательно построены. В результате реставрации капитализма российское общество оказалось вообще в социально-экономической системе без развитых институтов гражданского общества, соответствующих его современному состоянию. К тому же заметим, что современный капитализм в развитых странах многие исследователи таковым уже не считают. По этому поводу весьма уместно замечание О. С. Сухарева: «С позиций современных представлений о типах экономической системы вред

ли уместно проводить четкую грань между капитализмом и социализмом. Распространенным стал термин “смешанная экономика”, которую можно воспринимать в качестве первого этапа “движения к социализму” или конвергенции двух систем» [2, с. 49].

Уже третье десятилетие россияне живут в капиталистической социально-экономической системе, но идея коммунизма, которая, как показывают опросы, зачастую у респондентов ассоциируется с Советским Союзом, имеет много приверженцев. По данным Фонда общественного мнения, 59% респондентов уверены в том, что в коммунизме больше положительных сторон, чем отрицательных [3]. Надо полагать, что идея коммунизма имела много приверженцев, поскольку распределение доходов в нынешней капиталистической социально-экономической системе несправедливо. Кроме того, коммунизм являлся светлой мечтой, объединявшей большинство советских граждан. Вера в возможность построения справедливого общества, в котором будет всеобщее благосостояние, давала надежду на светлое будущее, пусть не для нас, но для потомков, воодушевляла граждан. Действительно, благосостояние граждан в советское время росло. О безработице не могло быть и речи. Большинство советских людей жили пусть не шикарно, но стабильно: всегда можно было найти работу, причем имелся широкий выбор; зарплаты, даже самой маленькой, хватало на все жизненно необходимые нужды; бесплатными были медицина и образование; люди получали бесплатные путевки в санатории и дома отдыха; бесплатно в порядке очередности предоставлялось жилье; работали «социальные лифты». В этой связи граждане Советского Союза были более оптимистичными, нежели современные россияне, потому и рожали больше детей. Ярким свидетельством этому являются показатели постоянного роста населения СССР. Следует признать, что в настоящее время идеи, альтернативной коммунистической, способной вселить уверенность в благополучное будущее россиян, нет.

Заметим, что надежда на лучшее будущее играет одну из первостепенных ролей в механизме сплочения нации. Примером тому является «американская мечта», изложенная в книге Джеймса Адамса во времена Великой депрессии. Это мечта о стране, где жизнь всех людей будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает. При этом предполагается, что для осуществления данной мечты необходимо лишь развивать институты демократии и гражданского общества. Собственно, «американская мечта» как активно

пропагандируемая общенациональная цель изначально являлась буржуазной, либеральной альтернативой коммунистической идее. Между тем внедрение этой мечты в умонастроения части советского общества стало важной составляющей в деле развала СССР.

Идея построения коммунизма была интернациональной. Пожалуй, в этом и заключалось ее главное отличие от «американской мечты». Данная идея отвергала возможность построения общества с высоким благосостоянием за счет других государств. Более того, необходимо было оказывать поддержку всем народам, которые вступили или намеревались вступить на путь построения социализма. В отличие от этого «американская мечта» – это мечта о счастливой, материально обеспеченной жизни в США, другие же народы могут использоваться как средство достижения этой цели. И если представители народов начинают возмущаться, не желая быть лишь средством достижения чужой цели, идеологи США заявляют: устраняйте тоталитаризм и авторитаризм, живите как мы и у вас все будет в порядке. Однако следует понимать, что жить подобно американцам могут народы, разделяющие их идеалы. Кроме того, в свою экономическую нишу американцы никого не собираются пускать.

Вполне очевидно, что социально-экономическая жизнь и традиции советского общества существенно отличались от американских. Тем не менее одни с целью развала СССР, другие просто, не осознавая пагубности своих действий в годы «перестройки», вместе с лозунгами свободы и гласности стали открывать «Окна Овертона», через них подбрасывались идеи, согласно которым высокого уровня жизни можно достичь и без плановой экономики и интернационалистического напряжения в рамках капиталистической системы с рыночными механизмами регулирования производства и распределения доходов. При этом внимание в СМИ и иных информационных источниках смещалось с негативных сторон капиталистической системы (безработица, нищенские кварталы, расовая дискриминация и т. д.) на позитивные, сопряженные с демонстрацией высокого уровня жизни представителей среднего класса в США и наиболее экономически развитых европейских странах. Также активно демонстрировались чуть более высокие темпы экономического роста в развитых капиталистических странах, нежели в СССР на момент «перестройки». Научные и популярные журналы пестрили статьями, убеждающими в преимуществах рынка перед плановой экономикой. Это сейчас трезво мыслящие экономисты задаются вопросами: «Но зачем нужен высокий

темپ роста живущим людям, зачем нужны все напряжения ради парадигмы «высокого роста»? [2, с. 52]. В то время подобные вопросы заглушались «повернутым» на рыночной идее отечественным экономическим «бомондом». Вместе с тем демонстрация высокой зарплаты персонала капиталистических предприятий в развитых странах колебала идею социалистической справедливости в распределении доходов. Никто же не акцентировал внимание на том, что за достойную жизнь граждане развитых капиталистических государств вели длительную борьбу, создавая при этом соответствующие институты гражданского общества. Между тем большинство обывателей и не могли предположить, что установление буржуазной демократии в стране, которая жила иными ценностями, приведет к ее разрушению, а улучшат свое положение далеко не все, при этом богатства огромной страны, присвоенные небольшой группой олигархов, устремятся за рубеж, прежде всего – в США.

Конечно, «американская мечта» не является лишь фантастической выдумкой, она работает как идея, спланирующая американскую нацию. Такая мечта, возведенная в ранг пусть и неофициальной, государственной идеологии, может сплотить и российский, и иной народ. Однако надо понимать, что в условиях капитализма с современными глобализационными процессами реализовать мечту, сопряженную с повышением благосостояния граждан своего государства, не встретив внешних препятствий, практически невозможно. В этой связи четко прослеживается, как по мере разворачивания Российского государства в сторону решения внутренних социальных проблем, сопряженных с необходимостью повышения жизненного уровня граждан, обостряются внешнеполитические отношения.

Безусловно, экономический рост, который может повысить благосостояние россиян, в условиях капитализма невозможен без консолидации государства и гражданского общества. Это отмечается в огромном количестве исследований, касающихся данной проблемы. При этом некоторые исследователи откровенно заявляют, что у нас не было и нет гражданского общества [4], иные полагают, что оно есть, но недостаточно развито [5, 6]. Думается, что следует согласиться с исследователями, считающими, что гражданское общество было в СССР. Граждане Советского Союза не только активно сотрудничали с государством в решении многих вопросов, но и могли воздействовать на представителей органов власти, имея для этого существенные рычаги. Одним из главных средств воздействия граждан на представителей власти являлась коммунистическая партия: по партийной линии можно было

наказать или снять практически любого чиновника, который недолжным образом выполнял свои обязанности. И это было настолько действенное средство, что людям практически и не требовалось создавать какие-либо общественные объединения. Также неоспоримо, что «... в советский период русской истории, где и “советская кухня”, и трудовые коллективы были своеобразными ячейками гражданского общества» [7, с. 123]. Другое дело, что российским гражданам, которые пока еще в большинстве родом из Советского Союза, подменили ценности, исказив при этом историческую память. Современным россиянам продолжают активно внушать, как плохо было в СССР, исподволь подбрасывая идею, что люди не хотели жить при социализме. Большинство советских граждан и не могли знать, как они будут жить при капитализме. Они были воспитаны на социалистических этических ценностях, закрепляемых идеалами честных строителей коммунизма, и гражданский долг проявляли в соответствии с этими ценностями. Потому многие россияне уже третье десятилетие решают проблему выживания в чуждой, враждебной среде, пассивно наблюдая за происходящим, особо не проявляя гражданские позиции. При этом пусть не все, но многие понимают, что долг советского гражданина защищать социалистическое Отечество от посягательств капитализма они не исполнили. Если следовать психоанализу, то данный фактор должен вытеснять из памяти то, что вызывает чувство вины и муки совести. Между тем вытесненное порождает различные фобии. Все это наводит на размышления: не приведут ли отмеченные вытеснения к массовым неврозам. Хотя пассивность людей при жизни, оставляющей желать много лучшего, уже является симптомом невроза.

Следует откровенно признать, что формирование гражданственности, основанной на ценностях, аналогичных американским или европейским, возможно в обществе, имеющем подобную историю, зафиксированную исторической памятью. Также необходимо помнить, что гражданское общество с общественными организациями, адекватными условиям современного капитализма, формировалось длительное время. Его становление в западных капиталистических странах было обусловлено длительной борьбой за равные права и социальную справедливость между представителями различных социальных групп. В рамках этой борьбы рождались идеалы, на которые ориентируются их нормы морали. Вместе с тем изменялась и капиталистическая система. Эти изменения сопряжены с привнесением в нее элементов социализма: прогнозирование и планирование, гарантии социальной защищенности.

У нас была другая история. Наверное, не стоит говорить о том, что советским людям незачем было формировать общественные организации, позволяющие поддерживать социальную справедливость в капиталистическом обществе, так как социально-экономическая система была социалистической. При этом большинство граждан разделяли социалистический принцип распределения благ – каждому по труду, хотя могут заметить, что он не всегда выполнялся. Но разве капиталистическое распределение более справедливо? В этой связи следует заметить, что не патриархальность русской души мешает идти по европейскому пути эволюции капитализма, как полагают некоторые исследователи [8, с. 43], а тот факт, что этот путь является шагом назад, по сравнению с социалистическим.

Между тем многие граждане, разбогатевшие преимущественно за счет присвоения общенационального имущества при развале СССР, в большинстве не идентифицируют себя с Россией. Свидетельством тому является то, что их дети крайне редко служат в Российской Армии. Они и их близкие стремятся учиться и лечиться за границей, да и денежные средства эти граждане предпочитают держать за границей. Поэтому в среде так называемых «новых русских» проявления гражданственности связаны преимущественно с защитой личных интересов, без особых патриотических настроений. Это негативное явление усугубляется процессом глобализации, которая, как замечает В. Б. Устьянцев, «...подорывает национальную идентичность, ослабляет стремление этносов и других исторических общностей к саморазвитию» [9, с. 415]. В этой связи возникает вопрос: есть ли вообще у граждан России общее, сплачивающее нацию? Социологи на этот вопрос отвечают: «Результаты исследований ИС РАН показывают: объединяющим в российской идентичности являются, главным образом, единое государство, территория, историческое прошлое, государственный язык, элементы культуры (50–66% поддержки каждого признака) [10, с. 82]. Надо полагать, что отмеченные факторы, обуславливающие национальную идентичность, присущи любому государству. Исследователи также отмечают, что многие россияне ратуют за сильное государство, уповая на справедливую власть, замечая при этом, что поступиться чем-то материальным даже на какое-то небольшое время во благо укрепления государства они не вполне готовы: «...как только речь заходит о реальном “затягивании поясов” (замораживании зарплат и пенсий, повышении налогов), около 80% россиян высказываются против таких мер. Готовность “обменять” величие державы даже

на временное лишение работы выражают лишь 5% опрошенных, не согласны с этим – 79%» [11, с. 335]. Думается, в данных ответах россиян нет противоречий. Просто совмещение вопросов, поставленных социологами, не вполне корректно для людей, не лишенных рассудительности, коими являются большинство российских граждан. Люди не понимают, зачем «завязывать пояса» в такой богатой природными ресурсами стране, как Россия, в которой воруют миллиарды (а что и законно с позиции нынешнего российского законодательства получили олигархи), большей частью инвестируется за рубеж. Россияне полагают, что у представителей власти достаточно материальных и иных ресурсов для того, чтобы устранить данную несправедливость. Да и «завязывать пояса» во многих провинциальных городах и селах, уже некуда: доходов хватает только на выживание.

В заключение следует отметить, что установление справедливости в распределении доходов является главным фактором, способным обеспечить консолидацию российской нации. Гражданское общество, адекватное капиталистической системе, в современной России не сформировано, поскольку произошел переход к капитализму от социализма, в рамках которого не было нужды у граждан создавать общественные объединения, поддерживающие справедливость в распределении благ в капиталистическом обществе. Поэтому сплывают нацию представители современной государственной власти, поддерживая надежду граждан на более справедливое распределение благ. Перспективы дальнейшего пути России во многом зависят от того, какая идея справедливости в распределении доходов возобладает в умонастроениях российских граждан.

Список литературы

1. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М. : Институт социологии РАН, 2013. 81 с.
2. Сухарев О. С. Перспективы современного капитализма : взгляд экономической теории. // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2 (ч. 1). С. 48–58.
3. ФОМ web — [ФОМ: 59% граждан России видят в коммунизме больше хорошего, чем плохого]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/75896/> (дата обращения: 15.07.2019).
4. Афанасьев Ю. И. Опасная Россия. М. : РГГУ, 2001. 240 с.
5. Ирхин Ю. В. Гражданское общество в современной России : особенности, проблемы и тенденции развития // Социология власти. 2009. № 7. С. 16–28.

6. Рассадина Т. А. Гражданское общество в современной России : некоторые тенденции, факторы формирования // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 129–133.
7. Федотов А. С. «Детская болезнь» российского обществознания // Власть. 2014. № 7. С. 119–125.
8. Межуев Б. В. Есть ли у России свой «цивилизационный код» и в чем он может заключаться? // Вопр. философии. 2018. № 7. С. 35–43.
9. Устьянцев В. Б. Социальная память в жизненном пространстве социума // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 414–418.
10. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2 / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2015. 336 с.
11. Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2016. 400 с.

Образец для цитирования:

Мозжилин С. И. Идея справедливости и гражданственность в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 382–386. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-382-386>

The Idea of Justice and Citizenship in Modern Russia

S. I. Mozhilin

Sergey I. Mozhilin, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, mozhilinsi@list.ru

The article analyzes the relationship between citizenship and understanding of justice in modern Russian society. Justice plays a decisive role in the behavior of citizens and the specifics of their civic positions, therefore the research in this area is always relevant. The study is based on the Freudo-Marxist approach, and is carried out by means of the method of critical philosophical reflection. The main attention is focused on the specifics of Russian citizenship in terms of the dominant ideals. The author associates the low level of civic engagement with the lack of ideals capable of consolidating the representatives of various social groups in the struggle for their interests under capitalism. However, the logic of the study allows us to conclude that the understanding of justice, and at the same time the manifestation of civic positions, is primarily due to the socio-economic system, on whose values and goals citizens are oriented. The transition from a higher, socialist stage of development, with its corresponding ideals, the creators of material and spiritual benefits directing to the priority of the public over the individual, to capitalism, with the ideals of consumers, which are characterized by the priority of personal interests, led to the ethical disorientation of citizens, fraught with the manifestation of various kinds of phobias. The novelty of the study is the author's consideration of the manifestations of citizenship, carried out in terms of compliance with the idea of justice in the distribution of income to the socio-economic system. The work can be used in preparing the special courses for the study of civil society, as well as for the development of new socio-philosophical and psychological-economic methodological approaches to the study of socio-economic processes.

Keywords: justice, citizenship, ideal, globalization, socio-economic system, income distribution, phobias

References

1. Gorshkov M. K., Tihonova N. E. *Sotsiokulturnye faktory konsolidatsii rossiyskogo obschestva* [Socio-cultural fac-

tors of consolidation of the Russian society]. Moscow, the Institute of Sociology of RAS, 2013. 81 p. (in Russian).

2. Suharev O. S. Perspectives of Modern Capitalism: A View of Economic Theory. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2017, no. 2, part 1, pp. 48–58 (in Russian).
3. FOM web — [FOM: 59% grazhdan Rossii vidyat v kommunizme bolshe horoshego, chem plohogo] [FOM: 59% of Russian citizens see more good than bad in communism]. Available at: <http://svpressa.ru/society/article/75896/> (accessed 15 July 2019) (in Russian).
4. Afanasev Yu. I. *Opasnaya Rossiya* [Dangerous Russia]. Moscow, RSUH, 2001. 240 p. (in Russian).
5. Irhin Yu. V. Civil Society in Modern Russia: Features, Problems and Development Trends. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2009, no. 7, pp. 16–28 (in Russian).
6. Rassadina T. A. Civil Society in Modern Russia: Some Trends, Factors of Formation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Political Science*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 129–133 (in Russian).
7. Fedotov A. S. “Children’s disease” of Russian Social Studies. *Vlast [Power]*, 2014, no. 7, pp. 119–125 (in Russian).
8. Mezhuев B. V. Does Russia Have Its Own Civilizational Code, and What Can It Be? *Voprosy filosofii*, 2018, vol. 7, pp. 35–43 (in Russian).
9. Ustyantsev V. B. Social Memory in the Life Space of Socium. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 414–418 (in Russian).
10. *Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kn. 2*. Pod red. M. K. Gorshkova, V. V. Petuhova [Russian society and the challenges of time. Book two. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov]. Moscow, Ves Mir Publ., 2015. 336 p. (in Russian).
11. *Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kn. 3*. Pod red. M. K. Gorshkova, V. V. Petuhova [Russian society and the challenges of time. Book three. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov]. Moscow, Ves Mir Publ., 2016. 400 p. (in Russian).

Cite this article as:

Mozhilin S. I. The Idea of Justice and Citizenship in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 382–386. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-382-386>

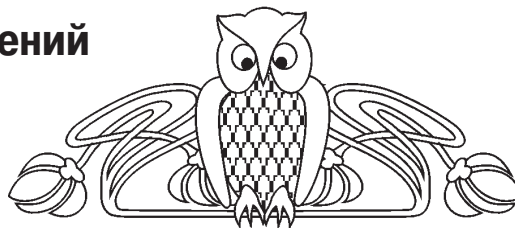

УДК 304.5

Технологизация общества как фактор социокультурных изменений

С. И. Пелевин

Пелевин Сергей Игоревич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Армавирский государственный педагогический университет, pelevin17@gmail.com

В статье исследуются основные процессы технологизации современного общества как фундаментальная причина ценностных и социокультурных преобразований общественной жизни. Анализируется реформирование ценностной трансформации общества, акцентируется внимание на связи социальных, культурных и индустриально-техногенных изменений. Общество рассматривается автором как гетерогенный с динамической точки зрения объект, подсистемы которого развиваются с различной скоростью. Поэтому для социально-философского анализа общественных изменений недостаточно изучать только процессы, происходящие в экономике или политической системе. Для системного анализа общественных преобразований необходимо учитывать, какие именно изменения происходят в культуре и социальной системе, цикл развития которых намного продолжительнее, чем в экономике или в индустриальной сфере; какие изменения в культуре следуют за экономическими и политическими реформами и как связаны между собой эти процессы. Также остро стоит проблема технологизации современного общества, которая рассматривается с точки зрения ценности и опасностей технократизма, отождествления технократического мышления и рациональности, а также проблем и перспектив развития техногенного общества в современной России.

Ключевые слова: современное общество, техногенное общество, техника, модернизация, социокультурный подход, «консервативная модернизация», глобализация, аксиологический подход, ценность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-387-392>

Технологизация – это процесс, теснейшим образом связанный с политическим, экономическим, культурным развитием общества, поэтому ее невозможно рассматривать как автономный феномен, особенно если исследование ведется в рамках социальной философии. Технологизация всегда предполагает тесную корреляцию с другими социокультурными преобразованиями и изменениями ценностной системы, даже если учесть, что они не происходят синхронно. В социокультурном смысле технологизация может быть понята как процесс перехода всей общественной системы от традиционного типа к индустриальному с последующим переходом к постиндустриальному, с формированием и

утверждением в ней соответствующих институтов и современных системных особенностей. Это своего рода экономическое и «политическое сопровождение» тех социокультурных процессов, которые происходят в ходе технологизации общества [1].

Таким образом, важным в методологическом плане является то, что при социально-философском анализе изменений, происходящих в современном обществе, следует обращать внимание не только на перемены в социокультурной сфере, но и в сфере экономики и политике. Если в условиях глобализации экономические изменения через широкое применение новых технологий и использование одинаковых моделей хозяйственной деятельности (банковское кредитование, лизинг и т. д.) в идеале способствуют унификации социальных отношений в разных частях земного шара, то характерные особенности политических подсистем общества в различных локальных сообществах придают уникальность социокультурной модернизации. Вот почему при социально-философском рассмотрении модернизационных процессов необходимо обращать пристальное внимание на политические условия их осуществления. Очевидно, что использование одних и тех же технологий не приводит в различных локальных сообществах к идентичности модернизационных процессов не только в силу разнообразия социокультурных практик, но и в силу различия существующих практик политических.

Иначе говоря, модель социокультурной модернизации, происходящей в технологизирующемся обществе, всегда проецируется на конкретное общество и показывает существенные отличия в зависимости от целого ряда факторов общественного развития. В разных странах эти два процесса – технологическая модернизация и социокультурная – проходят неодинаково и неравномерно. Совпадают они (да и то лишь отчасти) в тех странах, которые можно исторически отнести к «первому эшелону» модернизации, т. е.

сначала в развитых капиталистических государствах Западной Европы, а уже затем в Соединенных Штатах Америки. Политические изменения в этих странах стали ответом на происходящие техногенные преобразования в обществе, его повседневной жизни и востребованы именно социокультурной сферой, а не наоборот.

Говоря о странах «второго и третьего эшелона» модернизации, можно отметить специфику их социально-политической сферы. В этих странах социально-политические изменения чаще всего не носят масштаба модернизации, они происходят менее выражено и, как правило, имеют декоративный или имитационный характер. Дело в том, что если экономическая глобализация проявляет себя как сильный, выраженный импульс, с легкостью диффундирующий в различные культуры, то политические изменения, следующие за экономической волной, не обладают такой же принудительной и трансформирующей силой. Поэтому особенностью технологизации этих стран стало то, что политическая модернизация проводилась в них вынужденно, несмотря, а иногда и вопреки тем политическим потребностям, которые назревали в них изнутри [2]. Это породило такой противоречивый, на первый взгляд, политический феномен, как «консервативная» модернизация. Первый тип консервативной модернизации можно было наблюдать в Японии и России XIX в., когда политические верхи затевали системное обновление во избежание более радикальных разрушений старых порядков. Фактически систему «ремонтировали», подстраиваясь под новые мировые веяния, для того чтобы сохранить ее в традиционном русле развития. Правительство этих стран пыталось «перестраивать» свою политическую систему, борясь одновременно с наиболее реакционно настроенными слоями правящего класса.

Другой тип консервативной модернизации, который можно было наблюдать во второй половине XX в. в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, отличался от первого тем, что правящие круги модернизирующихся стран были ориентированы в будущее, однако понимали, что в социокультурной сфере их стран не сложилась объективная внутренняя потребность разрыва с прошлым. Для того чтобы создать данную потребность, приходилось искать точки преемственности и оправданности грядущих перемен в многовековых, чаще всего религиозных, традициях.

Необходимо заметить, однако, что во всех сценариях развития консервативной модернизации существует одна и та же проблема. При даль-

нейшем развитии построенные в этих странах традиционные структуры как в экономике, так и в политике, играющие поначалу позитивную амортизирующую роль, становятся со временем препятствием для дальнейшего перехода к постиндустриальной системе, предполагающей переход от «вертикальных» к «горизонтальным» типам социальных связей, повышение уровня подвижности и гибкости системы, возрастание степени свободы и разлом иерархических лестниц.

Политический режим оказывает огромное влияние на процессы модернизации социокультурной и экономической сферы общества, как развивающиеся изнутри, так и на приходящие извне.

Технологическая и техническая модернизация, даже если она катализирует экономическую модернизацию, при этом далеко не всегда влечет за собой политическую. Могут быть модернизированы только некоторые фрагменты политической системы, поскольку политическая модернизация – это тоже длительный очень специфический процесс, во многом зависящий от того, какой режим и как долго существовал в стране, насколько он соответствовал представлениям населения о власти и до какой степени был легитимным [3].

Если авторитарный режим в государстве меняется на демократический, то это еще не гарантирует стабильности последнего. Многое в данной ситуации зависит от того, каковы были мотивы этой модернизации. Если общество консолидировалось только на одном нежелании жить при репрессивной или неудачно ведущей экономической политике власти, на дальнейшую солидарность различных слоев общества можно не рассчитывать: новый демократический режим будут сопровождать перманентные встряски, вызванные стычками различных, несогласных между собой социальных групп. Такая демократия не способна решать накопившиеся экономические и социальные проблемы, поскольку у нее нет для этого средств, власть раздирают между собой различные политические и экономические силы.

Другое дело, если демократия устанавливается в государстве в процессе модернизации и перехода к «горизонтальным» формам управления и построения гражданского общества. В этом случае многое зависит от гибкости самой системы и дальновидности тех, кто оказался у рычагов ее управления. Старые политические и правовые институты, доставшиеся в наследство от авторитарного режима, нуждаются либо в сознательном и последовательном демонтиро-

вании, либо (это в лучшем случае) эволюционно перерастают в новые демократические правовые и политические институты, что обеспечивает преемственность и перерождение политических традиций, никогда не меняющихся скачкообразно. Падение авторитарного режима или его постепенная эрозия – это еще не залог успешного развития нового демократического режима, а всего лишь создание подходящих условий для начала нового процесса построения устойчивого демократического режима.

На протекание процессов технологизации и социокультурной модернизации большое влияние оказывают глобальные политический и экономический контексты. Большую роль в формировании и разрушении политических режимов играл и продолжает играть политически и экономически развитый Запад (чаще в лице США), зачастую довольно бесцеремонно вторгающийся во внутренние дела не слишком развитых стран. Вторжение может быть технологическое или экономическое, когда развитые страны выносят ряд промышленных отраслей в менее развитые, как происходило со странами Латинской Америки и Азии. Вкупе с политическими условиями сложились определенные социально-экономические предпосылки для установления и поддержания модернизационных авторитарных режимов, обеспечивавших начиная с 60-х гг. XX в. развитие ряда латиноамериканских стран. Важное значение имеет место «отнесения» страны к странам «первого», «второго» или «третьего» мира по уровню политического «веса» на международной арене и свободы действия внутри собственной страны и за ее пределами.

В существенной мере стремительно начавшиеся процессы глобализации оказывают влияние на внутренние социокультурные и политические модернизации отдельных стран. Например, с 80-х гг. XX в. в странах «третьего» мира происходило постепенное отступление авторитаризма, которое совпадает с модернизацией в Китае и Вьетнаме и на которое специфическим образом повлияло разрушение Советского Союза и формирование «однополярного мира». Нельзя говорить, что именно постиндустриальные тренды играют в данном процессе решающую роль, однако необходимо помнить, что они со своей стороны создают благоприятный мировой контекст, но сами по себе не предполагают переход от авторитаризма к демократии.

Иногда можно наблюдать обратные тенденции: под влиянием тех же мировых постиндустриальных трендов разрушается промышленный рабочий класс, ухудшается положение

среднего класса, происходит эрозия в системе образования, начинаются неконтролируемые процессы в самой культуре, что может сформировать у населения (любой его части) запрос на авторитаризм, как это происходит с разной степенью интенсивности последние 20 лет в России и странах бывшего соцлагеря [4].

В теориях техногенного общества в отличие от теорий постиндустриализма середины XX в. уже значительно преодолен технократический подход, в котором ведущим процессом модернизации считались изменения в материально-экономической сфере. Этот подход также предполагает отождествление технократического мышления с рациональностью, на котором строится ведущий и желательный тип мышления современного общества. Техника при таком подходе считается ведущей движущей силой общественного развития, власть в обществе предлагается отдать технократам, а информация превратится в важнейший ресурс общественного развития. В социальной философии при осмыслении изменений, происходящих в ценностной сфере, часто отмечается, что общество, смотрящее на мир «техническими глазами», переживает кризис деантропологизации, для которого характерны подчинение человека информационным и техническим средствам, воспроизведение техносферы в ущерб человеческим интересам и превращение человека в раба орудий труда. Из всех характеристик рациональности развитие получила лишь та, которая связала успех общества и его прогресс с наиболее скорым и эффективным техническим развитием, другие же точки зрения, в частности свидетельствующие о необходимости отказа от техногенного представления о мире, во внимание практически не принимаются. Такое общество также продуцирует ряд социальных мифов, в частности миф, согласно которому технократизм ведет к интеллектуализации общества, несмотря на достаточно убедительные данные о том, что между этими процессами нет прямой связи, а в некоторых случаях наблюдается даже обратная. Техногенное общество базируется на массовом типе культуры, задающем особый образ жизни общества и обеспечивающем особую глобальную связь между различными обществами, переступившими некий минимальный порог технологизации.

При социально-философском исследовании необходимо выявлять не только явные связи между элементами социальной системы, но и взаимосвязи, латентные, символические. Культура проникает во все сферы жизнедеятельности общества, способствует воспроизводству

поведенческого образца в разных сферах социальных отношений. При этом она проявляется преимущественно через ценности, поэтому рассмотрение ценностей и аксиологической сферы общества важно при анализе взаимосвязанных социокультурных изменений и процессов технологизации.

Действительно, устанавливая причинно-следственные связи, сложно определить, что именно первично в этом постоянно обновляющемся круге социальных изменений: техногенная сфера, задающая определенный стандарт жизни обществу или социальный запрос, требующий и легитимирующий данные изменения технической сферы. Однако исследователю, наблюдающему за этим процессом, не имея временной дистанции, понятно, что волны технологизации продуцируют социальные изменения, а социальные изменения, в свою очередь, производят ценностные трансформации, «многое из того, что считалось абсолютным, с течением времени обесценивается, и наоборот, новые моменты, нормы, ростки общественного бытия естественно будут порождать новые ценностные идеалы» [5]. В конечном счете техногенные изменения, если они достаточно последовательны и глубоко, всегда заканчиваются изменениями аксиологической сферы и актуализируют проблемы аксиологии. Кроме того, существующие и обозначаемые в будущем проблемы не могут быть преодолены без анализа ценностей общества, потому что доминирующие в культуре ценности охватывают собой все сферы общественной жизни и регулируют поведение и нормативную систему общества.

Технологизация общественной жизни в индустриальных странах принесла серьезные изменения в ценностной сфере, внося свои коррективы в экономические отношения, политику, право, этику и даже касаясь религии. Изменились также повседневная жизнь людей, их потребности и представления о том, какой должна быть их жизнь. Поскольку различные сферы общественной жизни развиваются с разной скоростью, человек уверенно наблюдает за преобразованиями, происходящими в экономической и материально-технических сферах, чуть хуже он понимает, как происходят изменения в политике, потому что они захватывают несколько больший период времени. Когда же речь заходит о том, как изменяются социальная сфера и культура, ценностная сфера, человек даже в современном обществе редко может операционализировать это, потому что, с одной стороны, цикл изменения культуры измеряется

десятилетиями, а с другой стороны, общественное сознание работает таким образом, чтобы ценности человек понимал как внеисторичный, вневременный феномен. Ценности – своеобразный гарант общественной жизни, неизменность ценностей – гарант того, что поведение людей не изменится даже в том случае, если внезапно окажутся переписанными все законы и нормы в государстве [6]. Универсализм ценностей выступает неким цементирующим культуру основанием. С одной стороны, это хорошо, потому что такое общество имеет все шансы сохранить собственную идентичность, а с другой стороны, неподвижность ценностей блокирует в обществе даже полезные инновации. Традиционализм архаического общества обеспечивался именно через ценности, которые отсекали всякие инновации как в культуре, так и любых других сферах общественной жизни.

В современном обществе чаще всего ценности понимаются все же не как универсальные, а как исторические феномены. Да и сама феноменальность ценностей – это открытие философов XX в., поскольку природа ценностей долгое время была под вопросом. Современный человек уже даже эмпирически не может говорить о неизменности ценностей, поскольку за свою жизнь он наблюдает переоценку ценностей неоднократно и сам участвует в ней на одной или другой стороне, защищая или опровергая прежние ценности, хотя следует отметить, что современная обостренная актуализация аксиологической проблематики сама по себе является симптоматичной. По словам Р. Ф. Абдеева, «проблема ценностей в предельно широком значении неизбежно возникала и возникает в эпохи обесценивания культурных традиций и дискредитации идеологических устоев общества» [7]. Нельзя не заметить, что информация в техногенном обществе становится ценностью первого порядка, обгоняя по значимости даже базовые общечеловеческие ценности жизни, свободы и справедливости, ради информации их часто приносят в жертву. Культура становится информационной, коммуникация по преимуществу – сетевой, социальные структуры – горизонтальными [8].

Таким образом, социокультурная трансформация общества оказывается в тесной взаимозависимости от технической и технологической модернизации несмотря на то, что они представляют собой различные, хоть и взаимозависимые процессы. Сложное взаимодействие происходит между путями развития этнических и национальных культур и процессом политической модернизации, непрым бывает соотнесение нового

политического режима с культурными традициями, ценностями, веками сформированной идентичностью [9]. Ценностная проблематика актуализируется не вопреки, а именно благодаря техногенным изменениям, стремительно возрастающим в современном обществе. Вместе с тем количество фундаментальных исследований снижается, уступая место прикладным, нацеленным на решение конкретных практических задач. Социальная философия призвана описывать базовые ценности общества и успешно справляется с задачей исследования современного мира, в котором информация и техника становятся основными ресурсами общественного развития и базовыми ценностями [10].

Список литературы

1. Фисун А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков : Константа, 2006. 351 с.
2. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Социально-философский анализ становления и развития концепции техногенного общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. С. 186.
3. Гавров С. Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М. : МГУКИ, 2002. 146 с.
4. Музыка О. А. Ценностно-оценочный фактор в контексте социосинергетической парадигмы. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2006. 240 с.
5. Кульжанова Ж. Т., Кульжанова Г. Т. Техногенные преобразования с самоизменением человека и общества // Новое слово в науке : перспективы развития. 2016. № 1-2 (7). С. 168–170.
6. Щербак С. И. Социально-философское осмысление образа жизни в техногенном обществе // Вестн. Вятского гос. ун-та. 2018. № 3. С. 57–65.
7. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М. : ВЛАДОС, 1994. 336 с.
8. Ворожейкина Т. Авторитарные режимы XX века и современная Россия : сходства и различия // Вестн. общественного мнения. Аналитический Центр Юрия Левады. 2009. № 4 (102). С. 51–55.
9. Красильщиков В. От авторитаризма к демократии на путях модернизации : общее и особенное // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / ред. В. Л. Иноземцева. М. : Европа, 2010. 318 с.
10. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Образец для цитирования:

Пелевин С. И. Технологизация общества как фактор социокультурных изменений // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 387–392. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-387-392>

Technologization of Society as the Factor of Sociocultural Changes

S. I. Pelevin

Sergei I. Pelevin, <https://orcid.org/0000-0002-3415-752X>, Law and Social Sciences of the Armavir State Pedagogical University, 159 Rosa Luxemburg St., Armavir 352901, Krasnodar Krai, Russia, pelevin17@gmail.com

The article considers the main processes of technologization of the modern society as a fundamental cause of value and sociocultural changes in public life. The author also describes the changes in the value transformation of society, focusing on the relationship between social, cultural and industrial-technogenic changes. The society is considered by the author as a heterogeneous object from the dynamic point of view, different subsystems of which develop at different speeds. Therefore, for a socio-philosophical analysis of social changes, it is not enough to study only the processes occurring in the economy or political system. For the system analysis of social changes, it is necessary to understand exactly what changes occur in culture and a social system, the development cycle of which is much longer than in the economy or in the industrial sphere. It is important to understand what changes in culture follow the economic and political reforms and what are the

links between these processes. There is also an acute problem of the technologization of the modern society, which is considered from the point of view of the value and dangers of technocracy, the dangers of identifying technocratic thinking with rationality, as well as the problems and prospects for the development of technogenic society in modern Russia.

Keywords: modern society, technogenic society, technique, modernization, sociocultural approach, "conservative modernization", globalization, axiological approach, value.

References

1. Fisun A. *Demokratia, neopatrionalizm i globalnye transformacii* [Democracy, Neopatrionalism and Global Transformations], Kharkov, Konstanta Publ., 2006. 351 p. (in Russian).
2. Demidenko E. S., Dergacheva E. A. Socio-philosophical Analysis of the Formation and Development of the Concept of Technogenic Society. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2015, no. 2-3, pp. 186 (in Russian).
3. Gavrov S. N. *Sociokulturnie tradicii i modernizacia v rossijskom obshestve* [Sociocultural Tradition and Modernization of Russian Society]. Moscow, MSIC, 2002. 146 p. (in Russian).

4. Muzyka O. A. *Cennostno-ocenochnyj faktor v kontekste sociosinergeticheskoy paradigmy* [The Value-evaluation Factor in the Context of Sociosynergetic Paradigm]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 2006. 240 p. (in Russian).
5. Kul'zhanova Zh. T., Kul'zhanova G. T. Technogenic Transformations with the Self-change of a Person and Society. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya* [New Word in Science: Prospects of Development], 2016, no. 1-2 (7), pp. 168–170 (in Russian).
6. Shcherbakova S. I. Socio-philosophical Understanding of the Way of Life in a Technogenic Society]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University], 2018, no. 3, pp. 57–65 (in Russian).
7. Abdeev R. F. *Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii* [The Philosophy of Information Civilization]. Moscow, VLADOS Publ., 1994, 336 p. (in Russian).
8. Vorozhejkina T. Authoritarian Regimes of the Twentieth Century and Modern Russia: Similarities and Differences. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public Opinion], 2009. № 4 (102), pp. 51–55 (in Russian).
9. Krasil'shchikov V. From Authoritarianism to Democracy on the Paths of Modernization: the General and the Particular. In: *Demokratiya i modernizatsiya: k diskussii o vyzovakh XXI veka* [Democracy and Modernization: Towards a Discussion on the Challenges of the XXI Century. Ed. V. L. Inozemceva]. Moscow, Evropa Publ., 2010. 318 p. (in Russian).
10. Huntington S. *Politika v menayshih obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow, Progress-Tradition, 2004. 480 p. (in Russian).

Cite this article as:

Pelevin S. I. Technologization of Society as the Factor of Sociocultural Changes. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 387–392. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-387-392>

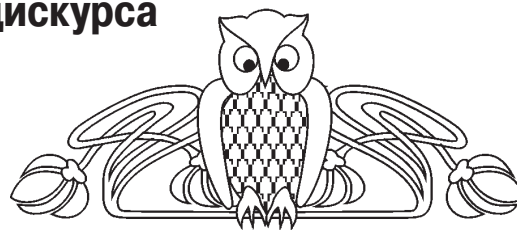

УДК 1:316

Проблемы традиционализма в рамках историко-философского дискурса

Е. В. Романовская

Романовская Евгения Васильевна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, evromanovskaya@mail.ru

В настоящей статье предпринята попытка понимания и разрешения проблемы идеологизации традиции в такой ее наиболее популярной форме, как традиционализм. Установлено, что возникновение и распространение идей традиционализма зависят от роли и степени осознания традиции в обществе. Влияние традиции менялось в истории социума – от традиционных архаических обществ, где традиция была его главным регулятором, до Нового времени, когда с традицией воевали, когда ее отрицали, считали предрассудком, пытались порвать со своим прошлым и связанными с ним ценностями. В наше время достигнуто понимание опасности пренебрежения традицией. Общество вернулось к идее традиции, и традиционализм как идеология стал очень привлекателен. Многие общества связывают с ним свое будущее. При рассмотрении проблемы традиционализма основной акцент был сделан на принципе историко-философского исследования – принципе историзма, позволяющем получить научный результат, когда анализ осуществляется в контексте и с учетом определенной эпохи. Использовались также элементы компаративного анализа и герменевтики как средства интерпретации социального мира. Традиционализм менялся с течением времени и сейчас он существует в нескольких формах: идеологический традиционализм, консерватизм, архаизм, интегральный традиционализм. Одна из основных целей статьи состоит в расширении круга понимания традиционализма, необходимости представить это явление в более объемном виде. Следует отметить, что важен анализ каждой из форм традиционализма, и мы попытались их рассмотреть, провести границы между ними, так как при всем сходстве форм традиционализма они существенно различаются.

Ключевые слова: традиция, традиционализм, консерватизм, интегральный традиционализм.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-393-397>

Идея традиции очень востребована в современном обществе. Эта востребованность отмечается повсеместно, и в странах Запада, и в России. Возрастающая роль традиции порождено многими причинами. Главная из них – изменение роли традиции в современном социуме.

Одна из самых важных проблем общества на данном этапе его развития – расстройство идентичности. Это отмечают многие исследователи. Например, З. Бауман считает, что сейчас наблюдается настоящий *взрыв интереса*

к идее идентичности [1, с. 176]. Как правило, идентичность связана чувством собственной самоидентичности и целостности. Многие исследователи объясняют расстройства идентичности личности изменением роли традиции в современном обществе, а идентичность – традицией, так как общеизвестно, что человек осознает себя как личность только с ощущением единения с определенным сообществом и с определенной традицией.

Разрушение привычного образа жизни, сужение традиций приводит также к возникновению в общественной жизни такого явления, как социальная ностальгия. Ностальгия в современных подходах понимается как тоска по прошлому – утраченному детству, отчужденности, по стабильности. Все это сопровождается страхом перед будущим и неуверенностью в настоящем.

Исчезновение традиционных сообществ, изменение традиционного образа жизни, связанного с процессами глобализации, демократизации и десакрализации, увеличение социальных рисков, усиливают мемориальные процессы как в интеллектуальной сфере, так и в обыденной жизни. Обращение к теме памяти объясняется тем, что в обществе и культуре происходят разрывы в традиции. Это связано также с процессами распада исторического сознания. В такой ситуации роль новой формы связи взяла на себя память. Все эти процессы иногда принимают болезненные формы (так называемые «войны памяти»).

Необходимо отметить, что традиционная проблематика, т. е. проблема самой традиции стала осознаваться таковой только с XVIII в. В архаическую эпоху, когда общество в противоположность современному было ориентировано не на генерацию нового, а на воспроизводство уже имеющихся образцов, о традиции не задумывались. Это, как часто говорят, был традиционализм до традиционализма. В эпоху Просвещения к традиции относились как к предрассудку, и в противовес идеям традиции мыслители руководствовались идеями разума. Разум, а не вера (как

главный предрассудок) стал главным. Просвещенческое общество выступало с критикой традиции, предрассудков, авторитетов. Естественно, что во многом это было связано с отношением к Средневековью, с неприятием религиозных предрассудков. «Просвещенцы» пытались порвать со своим прошлым, с традиционными ценностями.

Новое философское осмысление роли традиции в обществе начинается после Великой французской революции. Появляются мыслители, проявляющие резкое неприятие идей революции. Философы, критически относящиеся к рационалистическим идеям Просвещения – Э. Берк, Л. Бональд, Ж. де Местр, Ф. Шатобриан, У. Вордсворт, С. Колридж, Новалис, Ф. Савиньи, А. Токвиль, Н. Карамзин и другие, выдвигают идеи защиты традиционных ценностей. Английский философ Э. Берк (один из первых) писал: «Такое политическое устройство представляется мне плодом глубоких размышлений или скорее счастливым результатом следования мудрым законам природы. Дух новшеств присущ характерам эгоистическим с ограниченными взглядами. Английский народ прекрасно понимает, что идея наследования обеспечивает верный принцип сохранения и передачи и не исключает принцип усовершенствования, оставляя свободным путь приобретения и сохраняя все ценное, что приобретается. Преимущества, которые получает государство, следуя этим правилам, оказываются схваченными цепко и навсегда. В соответствии с конституцией, выработанной по подобию законов природы, мы получаем, поддерживаем и передаем наше правительство и привилегии точно так же, как получаем и передаем нашу жизнь и имущество. Политические институты, блага фортуны, дары Провидения переданы потомству, нам и для нас в том же порядке и в той же последовательности» [2].

Романтическая эпоха, пришедшая на смену Просвещению, возвращает философскую мысль к своим национальным истокам, исследованию своих корней, фольклора, прошлого, обычаев и традиций. Идеологизация традиции в форме традиционализма сформировалась именно в то время. Традиционализм как идейное течение очень разнообразен, но главное его отличие от идей Просвещения – это отношение к прошлому.

Определить традиционализм нелегко. Это довольно расплывчатое понятие. Традиционализм толкуется по-разному, и в истории общественной мысли существует множество его формулировок. А. И. Макаров и А. И. Пигалев дают следующее определение традиционализма: «Во-первых, это особенность мировоззрения

дописьменных и официальная идеология традиционных обществ, состоящая в идеализации и абсолютизации традиции; и, во-вторых, это идеология, которая направлена против современного общества и критикует это общество в связи с его отклонением от некоего реконструированного или специально сконструированного образца, который выдается за исторически изначальную, а потому идеальную социокультурную модель» [3, с. 183]. К. Манхейм называет и считает «традиционализмом» нерелективированную приверженность прошлому [4]. Е. Шацкий замечает, что этот термин также употребляется в четырех разных значениях. «Во-первых, он используется для обозначения всякой приверженности к прошлому. Во-вторых, это название совершенно конкретной философской доктрины..., согласно которой любое истинное знание исходит от Бога и приходит к нам посредством передачи общественного наследия. В-третьих, “традиционализмом” называют все консервативные и реакционные идеи начала XIX века. В-четвертых, этим термином обозначают определенный тип идеологии» [5, с. 366].

Очень распространено понимание традиционализма как особого типа мировоззрения. Одна из проблем трактовки и определения традиционализма – необходимость проведения границы между традиционализмом и традицией, традиционализмом и консерватизмом.

Если сравнивать традицию и традиционализм, то при всем разнообразии подходов и определений мы можем остановиться на определении традиции как «любого наследства, которое уходящие поколения передают поколениям, вступающим в жизнь» [5], а когда традиция осознается, то становится идеологией – традиционализмом.

Слово «консерватизм» часто употребляют как синоним понятия «традиционализм». Термин «консерватизм», как и термин «традиционализм», очень расплывчат. С обывательской точки зрения консерваторами называют тех, кто выступает против новаций, кто боится нового. Консерватизм – очень широкое понятие, и иногда как один из его подвидов рассматривают традиционализм. Однако в нашем понимании традиционализм – это более общее понятие, а консерватизм – одна из его форм. Консерватизм как философия родился в Англии. Он был в оппозиции к таким идеологиям, как либерализм и социализм. Консерватизм может рассматриваться и с экономической, политической, эстетической точек зрения, но в общем виде его часто определяют как идейно-политическое и культурное течение, которое опирается на идею традиции

и преемственность в социальной и культурной жизни. Главная ценность консерватизма – сохранение традиций общества, его институтов и верований, обычаев, старины. В своей основе консерватизм – это реакция на идеологию Прогресса и Просвещения; с субстанциональной точки зрения – это идеологическое течение, которое провозглашает свои главные цели – следовать позитивным традициям. Ядром, сердцевиной консерватизма служат религия, национализм и этатизм.

Имеется несколько форм или подходов к истолкованию такого явления, как традиционализм. Некоторые исследователи различают такие варианты традиционализма, как архаизм, идеологический традиционализм и интегральный традиционализм. Одной из разновидностей традиционализма является философский архаизм А. Тойнби, который так определял этот вариант традиционализма: «Архаизм в институтах и идеях. Архаизм, который представляет собой попытку вернуть некоторые былые формы жизни, заставляет идти вспять, сквозь пороги и водопады, в надежде отыскать ту тихую заводь, что поглотила их отцов в смутное время, о чем с горечью повествуют сохранившиеся предания» [6]. Речь идет о том, что «архаисты» обращаются к прошлому, когда оно почти исчезает, и власти пытаются вернуть его, но уже в новой действительности. А. Тойнби приводит примеры, такие как в рассказе Плутарха о ритуальной порке спартанских мальчиков, впоследствии возрожденные в Спарте, и др.

Если идеологию традиционализма, возникшего в XVIII в., Ж. де Местр, Э. Берк, Л. Бональд и другие стали называть идеологическим традиционализмом или консерватизмом, а его приверженцы выступали против идей Французской революции, подвергали жесткой критике политические и философские взгляды французских революционеров, выступали защитниками традиции, то интегральный традиционализм был сформулирован французским философом XX в. Рене Геноном [7]. У него много последователей – как в Европе (М. Вальзан, Ф. Шуон, Ю. Эвола), так и в нашей стране (А. Дугин, Е. Головин и др.). Идеи интегральных традиционалистов состояли в том, что для понимания самой традиции они выдвигали не социальные концепции, а некие эзотерические представления. Ими был разработан эзотерический вариант традиции. По Р. Генону традиция – это, прежде всего, сумма сверхчеловеческих знаний, полученных некогда через Божественное Откровение. Все остальное в традиционном производно от

них и является их приложением в какой-либо частной области общественной или индивидуальной жизни. основополагающим принципом метафизической системы Р. Генона выступает принцип Единства Истины. Единой Истиной человечества является Изначальная, Примордиальная Традиция, которая есть сверхвременный синтез всей истины человеческого мира и человеческого цикла. Все, что есть в истории, в религиозных формах, в человеческих поступках, присутствует в Примордиальной Традиции, которая на сущностном уровне, оставаясь сама собой, реализуется в истории поступательно и фрагментарно [7].

Интегральные традиционалисты выдвигали концепцию единого источника мира. Такой источник претендовал на роль онтологического, смыслового и ценностного центра. Человек в этой системе представлен как «микрокосм», который аналогичен «макрокосму». История в понимании «генонистов» возвращалась к архаическим представлениям, когда вместо линейной принималась циклическая форма времени. Идеи таких представлений о времени исследовал мифолог и историк религии Мирча Элиаде, сочувствовавшей идеям интегральных традиционалистов. Современная наука была, по представлениям интегральных традиционалистов, остатками древних наук. Наука традиционалистов – это астрология, алхимия, магия, традиционная математика, география и лингвистика.

Последователем и продолжателем идей генонизма и интегрального традиционализма в нашей стране выступает философ-традиционалист А. Дугин. Он понимает традиционализм не как историю религий, философию или структурную социологию, а как идеологию или даже метаидеологию, в значительной степени тоталитарную идеологию [8, с. 5]. В своей программной книге «Философия традиционализма» А. Дугин говорит о том, что «стремится приблизить читателей к пониманию важнейших метафизических пластов реальности» [9, с. 9]. Он пытается исследовать традицию методом структурного анализа и выделяет два языка – «язык современности» и «язык Традиции». В постгеноновских идеях Дугина это формулируется следующим образом: «Все существующие традиции на своем парадигматическом языковом уровне жестко конфликтуют с языком современности, поскольку в их базовых установках заложено противоречие основных онтологических представлений. Они абсолютно несводимы друг к другу, неконвертируемы, исключают друг друга» [9, с. 35].

Анализ современного состояния идей генонизма и постгенонизма в духе А. Дугина провел православный мыслитель, бывший «интегральный традиционалист» А. Миллер. Он считает, что «интегральный традиционализм» как таковой – это достаточно элитарная и в этом смысле достаточно маргинальная философия, и на месте «интегральных традиционалистов» честнее и вернее создать новую религию, чем предлагать учение Генона и Эволы в качестве надрелигиозной философии [10].

Идеи традиционализма в России были ярко представлены в консерватизме XIX в. В этой связи можно назвать таких деятелей, как Н. Карамзин, традиционалистов-охранителей М. Н. Каткова, С. С. Уварова, К. П. Победоносцева. Консервативное мировоззрение в России наиболее ярко проявилось также в творчестве Н. Я. Данилевского и К. Леонтьева, которые в своих сочинениях апеллировали к традиционным ценностям. Идеология консерватизма в итоге вылилась в защиту традиций существующего общества от разрушителей-революционеров, сохранение этих традиций, их преемственность и пропаганду общественного идеала, образцы которого находятся в прошлом.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993. 144 с. URL: larevolution.ru
3. Макаров А. И., Пигалев А. И. Традиционализм // История философии. Энциклопедия. Минск: Книжный Дом, 2002. 10376 с. URL: <https://ec-dejavu.ru/t/Traditionalism.html> (дата обращения: 27.06.2019).
4. Манхейм К. Консервативная мысль // Избранное. Диагноз нашего времени. М.: РАО «Говорящая книга», 2010. 744 с.
5. Шацкий Е. Традиция и утопия. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
6. Тойнби А. Постигание истории. Ч. 3: Архаизм. URL: gumilevica.kulichki.net/Toynbee/Toynbee305.htm (дата обращения: 5.07.2019).
7. Генон Р. Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. М.: НПЦТ «Беловодье», 2004. 304 с.
8. Дугин А. Абсолютная родина. М.: Арктогея-центр, 1999. 751 с.
9. Дугин А. Философия традиционализма. М.: Арктогея-центр, 2012. 623 с.
10. Миллер А. Интегральный традиционализм. URL: politconservatism.ru (дата обращения: 27.06.2019).

Образец для цитирования:

Романовская Е. В. Проблемы традиционализма в рамках историко-философского дискурса // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 393–397. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-393-397>

Problems of Traditionalism in the Framework of Historical and Philosophical Discourse

E. V. Romanovskaya

Evgenia V. Romanovskaya, <https://orcid.org/0000-0001-9204-7348>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, evromanovskaya@mail.ru

In the article we attempted to understand and solve the problem of ideologizing the tradition in its most popular form such as traditionalism. We tried to show how the emergence and spread of the ideas of traditionalism depended on the role and degree of awareness of tradition in society. The influence of tradition changed throughout the history of society. From the archaic societies which were traditional, and where tradition was its main regulator, till modern times, when they fought with tradition, when it was denied, and considered to be a prejudice; when they tried to break with their past and their values. In our time, there came an understanding of the danger of neglecting the tradition. The society returned again to the idea of tradition, and traditionalism, as an ideology, became very attractive. Many societies associate their future with it. In studying the problem of traditionalism, we focused on the

principle of historical and philosophical research - the principle of historicism, which allows us to obtain a scientific result, when the analysis is carried out in the context of and taking into account a certain epoch. It was also natural to use elements of a comparative analysis and hermeneutics as the means of interpreting the social world. Traditionalism has changed over time and now it exists in several forms – ideological traditionalism, conservatism, archaism, and integral traditionalism. One of the main aims of the article was to expand the circle of understanding of traditionalism, the necessity to present this phenomenon in a more voluminous form. It should be noted that the analysis of each of the forms of traditionalism is important and we tried to analyze them and to draw the boundaries between these forms, since within all the similarities of the forms of traditionalism, they are significantly different. **Keywords:** tradition, traditionalism, conservatism, integral traditionalism.

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obschestvo* [Individualized Society]. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p. (in Russian).

2. Berk E. *Razmyshlenia o revolutsii vo Francii* [Reflections on the Revolution in France]. Moscow, Rudomino, 1993. 144 p. (in Russian).
3. Makarov A. I., Pigalev A. I. Traditsionalizm [Traditionalism]. In: *Istoria filosofii. Entsiklopedia* [The History of Philosophy. Encyclopedia]. Minsk, Knizhny Dom, 2002. 10376 p. Available at: <http://www.ec-dejavu.ru/t/Traditionism.html> (accessed 27 June 2019) (in Russian).
4. Mannheim K. Conservative thought. In: *Izbrannoe. Diagnostika nashego vremeni* [Favorites. The Diagnosis of Our Time]. Moscow, RAO Govoryschaya Kniga, 2010. 744 p. (in Russian).
5. Shatsky E. *Traditsii i utopia* [Tradition and Utopia]. Moscow, Progress Publ., 1990. 456 p. (in Russian).
6. Toynbee A. Postizhenie istorii. *Chast' 3. Arkhaizm* (Comprehension of history. Part 3. Archaism). Available at: <http://www.gumilevica.kulichki.net/Toynbee/Toynbee305.htm> (accessed 5 July 2019) (in Russian).
7. Guenon R. *Izbrannyye proizvedeniya. Traditsionnyye formy i kosmicheskiye tsykly. Krisis sovremennogo mira* [Selected Works: Traditional Forms and Cosmic Cycles. The Crisis of the Modern World]. Moscow, NPTsT Belovodie Publ., 2004. 304 p. (in Russian).
8. Dugin A. *Absolutnaya Rodina* [Absolute Motherland]. Moscow, Arktogeya-tsender Publ., 1999. 751 p. (in Russian).
9. Dugin A. *Filosofia traditsionalizma* [Philosophy of Traditionalism]. Moscow, Arktogeya-tsender Publ., 2012. 623 p. (in Russian).
10. Miller A. *Integral'niy traditsionalizm* [Integral Traditionalism]. Available at: <http://www.politconservatism.ru> (accessed 27 June 2019) (in Russian).

Cite this article as:

Romanovskaya E. V. Problems of Traditionalism in the Framework of Historical and Philosophical Discourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 393–397. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-393-397>

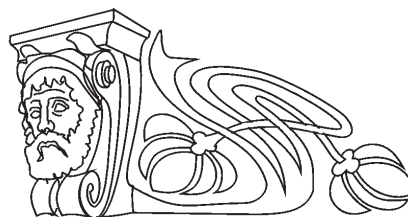

УДК 13

Научная и техническая рациональности: горизонты взаимодействия

И. В. Стеклова

Стеклова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., filos@sstu.ru

В статье развивается авторская концепция отношений связи и обособленности в структуре тотальности техники и науки, соотношения рациональных и нормативных научно-познавательных и технических структур. В центре внимания находятся природа идеалов и норм научного и технического поиска, типы научной и технической рациональности, их взаимообусловленность и роль в познании. Целью работы является сравнительный анализ научной и технической рациональности. Рассматриваются процессы перестройки типа рациональности в науке и технике, проблема их преемственности и научно-технического знания в целом. Исследование проводится на материале истории философии, науки и техники. Используется феноменологическая, герменевтическая, трансцендентальная методология, общелогические и теоретические научные методы. Представленная интерпретация взаимодействия технической и научной рациональностей демонстрирует возможность широкого понимания смысла и сущности процесса смены типов рациональности, целенаправленного использования процедур и подходов, которые позволяют следить за научной картиной мира; объяснять возникновение новых идеалов, норм в познавательной деятельности; выявлять динамику парадигм и использовать философские принципы при исследовании научно-технического пространства.

Ключевые слова: взаимодействие, методология, мышление, научная рациональность, отношение, познание, сознание, техническая рациональность, философия, ценности.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-398-402>

Проблема взаимодействия научной и технической рациональностей становится все более сложной и актуальной. Попытки современной методологической мысли обобщить накопленный за последние столетия научно-технический опыт должны были привести к синтезу различных подходов в решении данной проблемы. Однако этого не произошло по причине сохраняющейся конкуренции разных научных школ и направлений и из-за отсутствия у ученых стремления методологической рефлексии в отношении собственной деятельности, но совершенно очевидно, что от понимания процессов взаимозависимости форм рациональности и стиля мышления зависит восприятие науки и техники в настоящее время и в будущем.

Осмысление концепта «отношение» сопряжено с исканиями, философскими размышлениями, дискуссиями, начало которых восходит к Античности. Подходы Платона, который во главу угла ставил первичность отношений, и Аристотеля, шедшего от множественности вещей, и для которого сущность – причина и начало, формируют альтернативные взгляды, где в одном случае, соответственно, присутствует приоритет отношений перед вещами, а в другом – приоритет объектов перед отношениями.

Категория «отношение» разрабатывалась логикой. Философы, как и логики, стали интерпретировать отношение в логическом понимании: отношение присутствует не в собственной форме, а в «суждениях с отношениями», включающими в себя имена и предметы, и «имя отношения», которое существует между ними. В логике отношение является частью «суждения с отношением», а в философии оно получает сначала самостоятельность от предметов, нашедших свое воплощение в понятии «вещь», т. е. философы разъединяют единое «суждение с отношением» в логике на проблему «вещь–отношение», а затем – на проблему «вещь–свойство–отношение». При этом отмечалось единство этих категорий. Более того, сложилась тенденция анализировать отношение как бы само по себе, без связи с какой-нибудь другой категорией. Основное внимание в последние десятилетия уделялось выделению отдельных элементов отношения. Понятия «связь», «взаимодействие», «соотношение связи», логико-методологические аспекты принципа всеобщей связи, развитие категорий взаимодействия связи и обособленности в научном познании получили определенную разработку в отечественной философии. Обсуждалась в научной и философской литературе проблема синтеза многообразия наук и научного знания в целом. В итоге были выявлены особенности и механизмы взаимодействия естественных, общественных и технических наук, формы междисциплинарных синтезов и интеграции. Однако необходимо глубокое фило-

софское исследование соотношения рациональных структур научного и технического познания.

Цель статьи заключается в сравнительном анализе научной и технической рациональностей через призму многообразия отношений, в том числе отношений связи и обособленности; анализ специфики данных отношений, выявление их места и роли в структуре тотальности науки и техники.

Методологической базой и концептуальной основой исследования служат труды античных философов, классической европейской философии, современных отечественных исследователей науки и техники. Значительное внимание уделяется выводам философов – представителей Бостонской школы науковедческих разработок. Главным методологическим основанием статьи являются трансцендентальный, исторический и логический методы познания. Методологическим инструментом в анализе научной и технической рациональностей послужил принцип многообразия и единства мира, который позволяет рассматривать отношения науки и техники в структуре их тотальности.

Научное и техническое познание – это специфическая человеческая деятельность, а его искусственность – следствие совершенствования понимания субъектом его статуса в этом мире и возможностей сознания. В новоевропейском понимании оснований науки сформировалась мысль, согласно которой вне интеллектуальных искусственных структур невозможно осуществлять объективное познание реального мира. Специфику науки как законосообразного, рационального описания мира, а также технику, их отличие от других способов освоения и видения реальности можно понимать, только изучая организацию и специфику их субъекта. Идея трансцендентального метода И. Канта основывается на возможности исследования познающего мышления как конструктивного процесса. Такая возможность заключается в искусственности оснований научного и технического познания. Кантовская философская традиция предложила версию разрешения противоречия между эмпиризмом и рационализмом, свободой и научной рациональностью [1, с. 577].

Становление оснований современной науки неразрывно связано с религиозно-символическим контекстом этого периода. И. А. Ильин четко различал дефиниции «культура» и «цивилизация», стремясь определить место науки в истории человечества [2, с. 291–294]. Культура есть явление внутреннее и органическое, затрагивающее глубину человеческой мысли и слага-

ющееся на путях целесообразности. Достижения же цивилизации могут усваиваться внешне и поверхностно, так как они не требуют полноты человеческой духовности. В одном случае можно иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (жилище, одежда, пути сообщения, промышленная техника и т. д.) предстает картина отсталости и первобытности. В другом случае народ может стоять на вершине техники и цивилизации, а в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, искусство, политика и хозяйство) переживать упадок. В связи с этим можно оценить исключительное значение, которое имело в истории культуры христианство, внесшее в нее новый, благодатный дух, который должен был оживить саму субстанцию культуры. Культура начинается там, где духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму. Христианин призван нести свет Христова учения в земную жизнь и творчески раскрывать дары Святого Духа в ее ткани, т. е. создавать христианскую культуру на земле. В Новом Завете не содержится никаких или почти никаких прямых указаний на то, какова должна быть христианская культура. Для науки, в частности, за которой идет современное человечество, здесь не существует ни определенных требований и правил, ни какого-либо «идеального» начертания.

Представление об изучении мира и возможности «христианской науки» определяется присутствием мудрых и немудрых волхвов, «одобрением начитанности и многознания». Таким образом, решая проблему христианской культуры, необходимо учитывать отсутствие в тексте Нового Завета прямых указаний и правил для руководства в сфере науки. Можно найти общие указания, которые могут быть по-разному поняты и истолкованы и которые действительно находили себе различные толкования у Отцов Церкви. Изучение этих толкований представляет интерес, но требует значительной подготовки. Дальнейшие процессы секуляризации оснований научного исследования не отрицают влияния религиозных идей в момент зарождения классического типа научной рациональности. Более того, религиозная метафизика продолжает оказывать существенное влияние на происходящее в науке. Появление глобальных проблем современности потребовало осмысления оснований, на которых строится научное познание, чтобы решать их и прогнозировать последствия использования научных достижений.

По поводу дефиниции «научная рациональность» существует множество мнений. Понима-

ние рациональности как системы правил, норм и эталонов, принятых в рамках определенного научного общества, свидетельствует о том, что с изменением целей и задач происходит изменение уже существующей рациональности. Цель технической рациональности – не только построение теоретических конструкций, но и разработка практико-методических рекомендаций для применения знаний, которые получены теоретическим путем, в инженерной деятельности и в конструировании технических систем. Особенность техники заключается в ориентации технической теории на создание функционирующих систем и объектов, имеющих сложную организацию.

Концепция структуры научной теории, имеющая обширный круг приложений в методологии как естественных, так и технических наук, была предложена В. С. Степиным. Им представлена структура оснований науки, которая позволила выявить сложные механизмы влияния социокультурных факторов на построение и формирование стратегий научного и технического исследования, разработана идея типов научной рациональности (классический, неклассический, постнеклассический) и исследованы функции особых мировоззренческих универсалий культуры, концепция типов развития цивилизаций (традиционалистский и техногенный); выделена общая система ценностей для каждого из этих типов; интерпретированы изменения в данных смыслах как предпосылки для перехода к иному типу развития, который призван найти выход из глобальных кризисов. С его точки зрения, «во второй половине XIX столетия наука получает все расширяющееся применение в технике и технологии. Сохраняя свою культурно-мировоззренческую функцию, она обретает новую социальную функцию – становится производительной силой общества» [3, с. 104].

Концепция современной неклассической рациональности была разработана В. С. Швыревым. В качестве ее отличительных признаков он называет критико-рефлексивную направленность на возможности различных позиций рационального познания. «Открытость» рациональности ученый понимает как готовность к самокритике, самосовершенствованию, изменению изначальных установок рациональности, диалогости настоящей рациональности, по сравнению с монолизмом периода классики, в том числе и по отношению к типам внерациональной ментальности [4, с. 48]. По мнению В. С. Швырева, «открытая» рефлексивная рациональность преодолевает ограниченности «закрытой» рациональности,

деструктивные формы псевдорациональности, предполагает наличие духа свободы и риска.

Специфика технической рациональности заключается в том, что она рассматривает объекты мира как сырьевые ресурсы; возможности человека как трудовые ресурсы; формирует представления о естественном объекте как об используемом в определенных целях, а о методах познания – как об инструментах. Система стратегических и тактических ориентиров, которая задается технической рациональностью, является матрицей построения социальных техногенных практик. Она и воспроизводит сложившиеся в техногенном обществе отношения с естественной средой и сама их формирует. Техническая рациональность показывает себя во всех практиках. Выступая в качестве регулятора отношений технической среды, она игнорирует эмоциональные и оценочные аспекты предметов, оставаясь в рамках технологических свойств. Появилась новая дисциплина – антропология техники, которая изучает технику как деятельность человека, а человека – как субъекта воздействия на природу [5, с. 4]. Функционирование технической рациональности определяется следующими параметрами: во-первых, стратегической природой, ориентацией на рациональное вмешательство в технические и естественные процессы; во-вторых, вектором направленности на перестройку всего естественного в искусственное; в-третьих, готовностью к уничтожению различных неэффективных практик. Таким образом, техническая рациональность объединяет в единое целое все практические планы завоевания и освоения мира; анализ условий, связанных с деятельностью; регламентирование социальных практик.

При построении технической теории используют следующие теоретические схемы: естественнонаучные, структурно-морфологические, функциональные схемы технического объекта. В технической теории соединяются указанные онтологические модели, но их функции не являются одинаковыми. Схемы естественных наук как средства, позволяющие показывать соответствие между функциональными и структурными характеристиками изучаемых объектов, не выступают базовыми для разработки технической теории. В результате опорное значение имеют функциональные и структурные схемы, при этом слой, к которому привязывается аппарат технической теории, а также основанные на нем расчеты инженера, представляются структурно-морфологическими моделями [6, с. 162–177].

За последние десятилетия, с точки зрения В. Г. Горохова, в сфере научно-технических дис-

циplin наблюдаются существенные изменения, позволяющие говорить о становлении нового этапа их развития, который характеризуется:

новой формой организации знаний, направленных на повышение эффективности научной деятельности;

жесткой ориентацией на решение практических задач и для этого требуется привлечение специалистов разнообразных отраслей науки и техники;

проникновением в область науки инженерных методов, проектных методических приемов и установок работы, которые преобразуют традиционные идеалы и нормы научного исследования [7, с. 221–222].

В качестве основания данного различия в области технических наук В. Г. Горохов указывает на идею изменения типов научной рациональности в истории развития науки (классической, неклассической и постнеклассической). Он отмечает характерные черты современного этапа развития науки, называя в качестве одной из важнейших проектирование «человекообразных» систем с превалированием гуманистических ценностей.

Составной частью научной и технической рациональностей является парадигма. Т. Кун сопоставил ученых конкурирующих теорий, входящих в разные парадигмы, с представителями «различных культурных и языковых сообществ», между членами которых возникает проблема перевода [8, с. 258]. Он выделял общенаучную парадигму, частные или специализированные парадигмы, локальные парадигмы, которые несут отпечаток специфического познания и применения частных и общенаучных парадигм локальной цивилизации. Все эти парадигмы связаны между собой, а сменой парадигм является научно-техническая революция.

Для характеристики взаимодействия рациональности в науке и технике необходимо представить классификацию научных принципов, входящих в структуру рациональности, которую разработал В. И. Снесар [9, с. 42–47]. Он выделяет ряд типов научных принципов (философские, общенаучные, частнонаучные, региональные), что является попыткой решить проблему взаимосвязи естественнонаучных и философских принципов. Автор отмечает, что философские, а также частнонаучные принципы занимают

тройное положение в развитии и становлении научного и технического знания: могут быть исходными, промежуточными и заключительными теоретическими обобщениями. Речь идет о таких принципах, как принцип единства мира и принцип развития, а также общенаучных принципах, таких как дополнительность, соответствие, полнота, функциональная система и т. д.

Таким образом, исследование научной и технической рациональностей свидетельствует о том, что изначально наука ориентировалась на технику, затем ситуация изменилась, и техника стала ориентироваться на науку. В настоящее время при сохранении лидерства науки наблюдается тенденция роста взаимосвязей науки и техники, усложнения процессов детерминации в данных областях. При сохранении общей структуры оснований науки происходят приумножение идеалов и норм научного и технического исследования, усложнение научно-технической картины мира, возрастание роли философских принципов и мировоззренческих, ценностных ориентаций. В рамках различных парадигм и на основе существующих условий познавательной деятельности формируются научно-исследовательские и технические программы.

Список литературы

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 775 с.
2. *Ильин И. А.* Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. : Русская книга, 1993. С. 285–330.
3. *Степин В. С.* Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с.
4. *Швырев В. С.* Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
5. *Попкова Н. В.* Антропология техники : Проблемы, подходы, перспективы. М. : Книжный дом «Либроком», 2012. 352 с.
6. *Чешев В. В.* Техническое знание. Томск : Изд-во Томск. гос. архит.-строит. ун-та, 2006. 267 с.
7. *Горохов В. Г.* Основы философии техники и технических наук. М. : Гардарики, 2007. 639 с.
8. *Кун Т.* Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 304 с.
9. *Снесар В. И.* Роль принципов в познании. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 180 с.

Образец для цитирования:

Стеклова И. В. Научная и техническая рациональности: горизонты взаимодействия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 398–402. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-398-402>

Scientific and Technical Rationality: Horizons of Interaction

I. V. Steklova

Irina V. Steklova, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, filos@sstu.ru

The article develops the author's concept of relations between communication and isolation in the structure of the totality of technology and science, the ratio of rational to normative scientific, cognitive and technical structures. The focus is on the nature of ideals and norms of scientific and technical research, the types of scientific and technical rationality, their interdependence, and their role in cognition. The aim of the work is a comparative analysis of scientific and technical rationality based on the study of the foundations of science, technology and paradigms. The processes of restructuring the type of rationality in science and technology, the problem of their continuity and scientific and technical knowledge in general are considered. The research is carried out on the material of the history of philosophy, science and technology. In the article phenomenological, hermeneutic, transcendental methodology, general logical and theoretical scientific methods are used. The interpretation of the interaction between technical and scientific rationality presented in the article demonstrates the possibility of a broad understanding of the meaning and essence of the process of changing the types of rationality, the purposeful use of procedures and approaches which allow you to follow the scientific worldview; explain the emergence of new ideals and norms in cognitive activity; identify the dynamics of paradigms and use philosophical principles in the study of the scientific and technical space.

Keywords: interaction, methodology, thinking, scientific rationality, attitude, cognition, consciousness, technical rationality, philosophy, values.

References

1. Kant I. *Kritik der Vernunft*. Riga: Hartknoch, 1781. 865 p. (Russ. ed.: Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Soch.: v 6 t. T. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 775 p.).
2. Ilyin I. A. *Osnovy khristianskoy kultury* [Fundamentals of Christian Culture]. *Sobr. soch.*: v 10 t. [Collected Works: in 10 vols.]. Moscow, Russkaya kniga, 1993, vol. 1, pp. 285–330 (in Russian).
3. Stepin V. S. *Tsivilizatsiya I kultura* [Civilization and Culture]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2011. 408 p. (in Russian).
4. Shvyrev V. S. *Ratsionalnost kak tsennost kultury. Traditsiya i sovremennost* [Rationality as a Value of Culture. Tradition and Modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 176 p. (in Russian).
5. Popkova N. V. *Antropologiya tekhniki: Problemy, podkhody, perspektivy* [Anthropology of Technology: Problems, Approaches, Prospects]. Moscow, Knizhnyy dom "Librokom" Publ., 2012. 352 p. (in Russian).
6. Cheshev V. V. *Tekhnicheskoye znaniye* [Technical Knowledge]. Tomsk, Izd-vo Tomsk. gos. arkhiv-stroitel. un-ta, 2006. 267 p. (in Russian).
7. Gorokhov V. G. *Osnovy filosofii tekhniki i tekhnicheskikh nauk* [Basic Philosophy of Engineering and Technical Sciences]. Moscow, Gardariki Publ., 2007. 639 p. (in Russian).
8. Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, 1962. 210 p. (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Moscow, Progress Publ., 1977. 304 p.).
9. Snesar V. I. *Rol printsiptov v poznanii* [The Role of Principles in Knowledge]. Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta, 1985. 180 p. (in Russian).

Cite this article as:

Steklova I. V. Scientific and Technical Rationality: Horizons of Interaction. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 398–402. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-398-402>

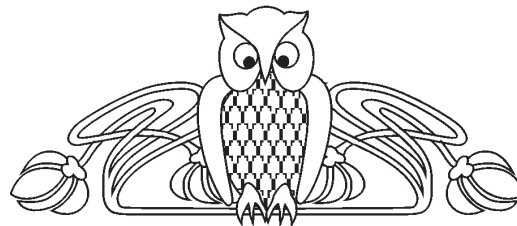

УДК 001.3

Топосы современного социума: рефлексия путей информатизации

В. Б. Устьянцев

Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ystvb@mail.ru

В целевую программу авторского подхода, изложенного в статье, входит исследование методологических функций концептов-топосов, способных раскрыть суть изменений в жизненном пространстве социума, изменений, вызванных нарастающим воздействием Интернета. Основные этапы информатизации современного общества представлены в статье топосами позднего индустриализма и информационными топосами постиндустриализма, сложившимися в эпоху «пост». Топосы позднего индустриализма, сформировавшиеся на ранних стадиях компьютерной революции, в техногенных и социокультурных сегментах индустриальных стран отличаются рискогенной направленностью, незавершенностью. Информационные топосы, выражая цифровой уровень информатизации в обществе, создают весьма разветвленную институциональную систему нового типа, где информационные рынки становятся факторами глобализации информационной экономики. Вместе с тем в информационных топосах, как это отмечается в статье, появляются конфликты и риски экономического, институционального, политического плана. Представляется целесообразным дальнейшее развитие категориального аппарата топологического подхода в исследованиях информационных процессов в жизненном пространстве российского общества.

Ключевые слова: Интернет, информационное общество, информация, информационное поле, общество позднего индустриализма, коммуникация, пространство, топосы.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-403-407>

В движении человечества к информационному обществу все четче обозначаются контуры нового пространства. Необычная социальная конфигурация пространственных структур, вызванная информатизацией и виртуализацией общества, создает новую реальность. Быстрое распространение информационных сетей и телекоммуникаций расширяет и уплотняет информационное пространство социума. В это пространство вслед за развитыми странами входят страны, способные осуществлять информационную модернизацию и создавать новые электронные средства передачи информации. Компьютерное структурирование пространства становится жизненно необходимым для инновационной деятельности, проникает в экономику,

политику, сферы быта, досуга. Фундаментальные технологические перемены влияют на среду обитания, социальные связи между людьми, которые теряют привычные предметно-вещные основания, приобретают виртуальную направленность.

Меня давно укоренившиеся в сознании общества представления об основах человеческого бытия, образы информационного, виртуального пространства дают возможность по-новому подойти к философским вопросам пространства общества и человека. В этой связи весьма актуальной становится дальнейшее развитие философской концепции информационного пространства. Из всего круга проблем в статье выделяется дискурс, направленный на исследование новых свойств социального пространства в стремительно изменяющемся мире. Новые возможности человеческого разума, открывшиеся с компьютеризацией интеллектуальной деятельности, приводят к появлению новых единиц пространства – топосов. В предельно общем виде топос – это территориальная структура, отличающаяся социально-экономической организацией, сложной системой территориального управления, особым образом жизни населения. В отличие от социальных полей, обеспечивающих функционирование и развитие сфер жизнедеятельности индустриального человека, постиндустриальные топосы дают возможность выявить уровень преобразования техногенного пространства, раскрыть качественную сторону информатизации национальных территорий, их социальную адаптированность к изменяющемуся миру. Под этим углом зрения, по мнению автора статьи, целесообразно выделить два вида концептов: «топосы позднего индустриализма» и «информационные топосы», распространенные в обществах, вступивших на путь постиндустриального развития. Названные концепты усиливают методологическую направленность топологического подхода в исследовании пространственных структур.

Топосы позднего индустриализма формируются на начальных стадиях компьютерной революции, раскрывают локальные изменения в социальном пространстве индустриального общества. Модернизации подвергаются прежде всего средства передачи информации, обеспечи-

вающие возможность появления информационных инфраструктур. Вместе с тем существенные черты пространства индустриального общества связаны с опредмечиванием и распределением живого труда и отличаются, по мнению К. Маркса, «консолидированием нашего собственного продукта в какую-то вечно великую силу, господствующую над нами и вышедшую из-под контроля» [1, с. 26]. Движение продукта-товара сопровождается его консолидацией в важнейших сегментах промышленного пространства. В экономическом, политическом, культурном пространстве техногенного общества перемещения объектов и социальных агентов физически ощутимы и социально осознаваемы. П. Бурдьё с позиций реалий второй половины XX в. указывает на прямую связь индустриального пространства с создаваемыми людьми продуктами, способами распределения благ и услуг [2, с. 70]. Общие тенденции динамики индустриального пространства обретают свою специфику в национальных фронтах.

В индустриальном пространстве России сохраняется преобладание техногенных структур, связанных с добывающими отраслями, крупными индустриальными комплексами, соответствующими им социальными инфраструктурами и промышленными трудовыми ресурсами. Преобладание в структуре социального пространства индустриальных форм, не поддающихся быстрой и эффективной модернизации, ограничивает возможности перехода техногенного общества к постиндустриальному этапу развития. Неравномерность экономических и социальных ритмов рыночных реформ во многом объясняется наличием консервативных форм организации индустриального пространства, недостаточно динамичным развитием наукоемких институциональных структур, способных управлять научно-техническим прогрессом.

В топосах позднего индустриализма ключевую роль играют крупные города. Как справедливо отмечает О. Ф. Филимонова, «города организуют оперативные артерии, влияют на транспортную политику правительств и местных властей и оглядывают алчным взглядом наиболее заманчивые территории и осуществляют свои проекты в свете наиболее благоприятных для бизнеса факторов» [3, с. 105]. Экономическая и социальная пульсация городских топосов во многом обусловлена рыночными отношениями, экономическими и политическими интересами бизнес-элит.

Классические и постнеклассические концепции топосов индустриального пространства в определенном контексте применимы к анализу

пространства постиндустриального общества. Степень применимости определяется тем, что информатизация социума не подрывает сложившиеся десятилетиями пространственные структуры, а изменяет формы социальной детерминации человеческой деятельности в пространстве. На конфигурацию социального пространства, созданного движением капитала закрепившимися позициями техногенных страт, влияют социальные поля, появившиеся под воздействием компьютерных технологий, нового распределения человеческих ресурсов и соответствующих им информационных институтов. Социальные поля консолидации инфопотребностей, инфоресурсов, сервисных услуг и благ в сочетании с новыми индустриальными образованиями становятся структурными элементами позднего индустриального пространства. Эти новые элементы первоначально совпадают с социальными полями индустриального пространства. Пространство больших городов, крупных научных центров и наукоемких производств, созданных техногенной цивилизацией, образуют исходные матрицы информационного пространства. Разнородные рынки труда техногенного общества превращаются в информационные рынки, выражают динамику спроса и предложения не на дешевую рабочую силу, а на интеллектуальные ресурсы, необходимые для развития информационных технологий.

Совпадение разнокачественных пространственных структур оказывается неустойчивым и недолговечным. По мере нарастающей информатизации равновесие нарушается, появляется пространство социальной напряженности и конфликтов. Эти конфликты оказываются на поверхности жизненного пространства регионов, их внутренние источники связаны с различием субстанциальных начал техногенного и информационного общества.

Структурные сдвиги, вызванные компьютерной революцией и распространением Интернета, порождают эпоху Постмодерна, где формируются новые топосы, воплощающие постиндустриальное развитие социума.

Информационные топосы – это территориальные единицы высокоэффективного и мобильного информационного пространства развитых стран. Концентрируя на территории крупных городов и пригородов наукоемкие объекты (научно-исследовательские центры, университеты, лаборатории), передовые компьютерные технологии, информационные организации, высококвалифицированные кадры программистов, менеджеров, инженеров, информационные топосы наиболее полно отражают системные качества

постиндустриального общества. Информационные банки интегрируют огромные информационные ресурсы на инновационных территориях. Топосы становятся информационными нишами, где рождаются передовые информационные технологии, осуществляется программное обеспечение национальных и глобальных инфомагистралей.

Весьма показательно, что информационные топосы как познавательные концепты могут применяться в исследовании временных структур настоящего, прошлого и будущего. Информационные потоки социальной памяти образуют топосы в виде своеобразных «информационных хранилищ», которые используются правящими элитами или системной оппозицией для закрепления своих позиций в обществе [4, с. 416]. В информационных топосах, сформировавшихся в условиях цифровой экономики, происходят удивительные метаморфозы: *во-первых*, опредмеченная в информационных ресурсах, человеческая деятельность приобретает новые свойства. Информация в процессе потребления миллионами и миллионами пользователей не исчезает, как это происходит с обычными продуктами и добытыми полезными ископаемыми, а непрерывно увеличивается в объеме, предстает общечеловеческим достоянием и ценностью посткнижной культуры. *Во-вторых*, сохраняя не только потребительскую и меновую стоимость, информация превращается в товар, вливается в систему рыночных отношений. Информационные рынки становятся факторами глобализации информационной экономики. *В-третьих*, непрерывный обмен информацией и функционирование инфомагистралей возможны при весьма разветвленной институциональной системе. Информационные институты, обладающие информационными технологиями, становятся показателем адаптации социального строя и политического порядка к достижениям информационного общества. *В-четвертых*, информационные потоки, вызванные распространением Интернета, способствуют возникновению в информационных топосах новых форм конфликтов и рисков. Эту особенность информационного пространства выделяют исследователи процессов виртуализации социумов: «...неинституциональные коммуникации, которые осуществляются в сети Интернет, служат причиной конфликтов между пользователями сети и функционерами государственных учреждений, крупных компаний, политических и религиозных организаций» [5, с. 31]. Иными словами, конфликты рыночного общества в эпоху «пост» приобретают новые формы проявления, предполагают разработку институтами гражданского общества иных антикризисных стратегий.

Огромный экономический и социальный эффект человеческой деятельности, оснащенной компьютерными технологиями и высокотехнологичными средствами передачи информации, ощущается не только в экономическом, но и в политическом пространстве информационного общества. Глубинные сдвиги происходят в институтах власти. Появление в обществе новых форм господства над информацией сопровождается образованием субъектов такого господства – информационных бизнес-элит. В академических кругах информационно развитых стран растет беспокойство по поводу возможных путей применения информационными элитами права владения глобальными банками информации для реализации собственных корпоративных интересов – от контроля за ценами на международных рынках до установления тоталитарных информационных режимов. Видимо, эти опасения не лишены реальных оснований.

Динамизм информационных топосов во многом обусловлен образованием все новых информационных полей, обеспечивающих функционирование наукоёмкой экономики, социально-стратной, бытовой, социокультурной сфер общественной жизни, вовлекаемых в коммуникационные процессы. Каждое относительно устойчивое информационное поле обладает стабильной структурой и сферой действия. В строении инфополя постиндустриальной экономики особое место занимают информационные макроячейки. Одни авторы называют их информационными комплексами, другие – информационными зонами. По мнению Ю. Затуливеттера, в каждой макроячейке (автор обозначает ее не совсем удачным термином «резервация») содержатся миллионы единиц техники, программ, средств производства, десятки тысяч разработчиков и нечисленное число потребителей, причем каждая корпорация борется за собственную макроячейку, «стремится закрепить за собой собственное пространство» [6, с. 36]. В каждом информационном поле новейшие компьютерные технологии переплетаются с техногенными и социальными структурами, которые подвергаются непрерывной модернизации. Институт собственности в таком информационном поле цифровой экономики наиболее полно реализуется в правах владения фирмы или транснациональной корпорации на инновационные компьютерные программы и передовые технологии. Такие технологии открывают возможность в условиях жесточайшей конкуренции занять ключевые позиции в массовом электронном производстве, заполнить важнейшую нишу информационного про-

странства, приобрести соответствующий статус в социальной структуре общества.

Свои отличительные черты обнаруживают информационные поля, сложившиеся под влиянием компьютеризации жизненного пространства семьи, явлений быта, досуга, развлечений. Локализация информационного поля сферы быта во многом определяется интересами и потребностями семьи. Телекоммуникации, ориентированные на семью, приводят к появлению телемагазинов, телебанков и других инфоуслуг. Компьютерные технологии открывают широкие перспективы для программирования профессиональной и воспитательной деятельности родителей, дистантного обучения детей, реализации компьютерных форм организации досуга и отдыха. Виртуальное пространство открывает возможность приобретения нового жизненного опыта в информационной среде. По мнению представителей бурно развивающихся на Западе течений киборгпостмодернизма и киберкультуры, киберпространство как феномен виртуальной реальности будет иметь революционные социальные последствия для духовной и телесной бытийственности человека. В этой связи уже сегодня информатизация повседневной жизни не проходит бесследно для жизненного мира человека. В информационном пространстве изменяются поведенческие стандарты и ценностные ориентации личности. Возникают ранее не осознаваемые этические, социопсихологические проблемы обживания межличностных информационных полей. Исследователи информационной культуры обращают внимание на необходимость учитывать тот факт, что локализация информационных полей, вытекающих из основных видов человеческого общения, порождает множество гуманитарных проблем, связанных с освоением человеческими сообществами пространства электронного мира.

По мнению известного в области философии культуры А. С. Запесоцкого, «интернет, социальные сети – сфера зла. В социальных сетях насаждается единомыслие. Каждый блогер поддерживает у себя единомыслие, а если туда приходят даже люди, склонные к самостоятельному мышлению, они быстро превращаются в “хомячков”» [7, с. 53]. Распространение прямопротивоположных точек зрения о роли Интернета в современном обществе обусловлено сложностью возникающих проблем. Технологические и социальные границы социальных топосов весьма подвижны. В зонах пересечения различных информационных потоков обнаруживается увеличение нелинейных сред. Состояние нелинейности в информационном пространстве

переходного общества приобретает различные социальные формы, начиная от столкновения корпоративных интересов различных фирм и транснациональных корпораций, выбрасывающих на компьютерные рынки десятки тысяч компьютерных программ, миллионы макропроцессов до социально-психологических феноменов (стрессов), вызванных массовым давлением быстро меняющихся компьютерных технологий на человеческую психику. Усиление нелинейности информационных сред в жизнедеятельности социума приводит к увеличению зон информационных рисков. Такие зоны содержат широкий спектр вероятностных решений: с одной стороны, управленческие ошибки регионального или общенационального масштаба таят угрозу социальной стабильности и благополучию миллионов пользователей, а с другой – заставляют инновационные структуры и информационные элиты разрабатывать гибкие технологии управления информационными процессами.

Первые десятилетия XXI в. свидетельствуют о сложной взаимозависимости технологических и коммуникационных факторов в странах, оказавшихся вовлеченными в международную информатизацию. Расширение информационного пространства современного социума связано с созданием широкой сети дублирующих и дополняющих средств информации, все более доступных широкому кругу пользователей. Обновление средств передачи информации, включая социальные сети, мобильную сотовую связь, массовое тиражирование постоянно совершенствуемых компьютеров и микропроцессоров, неизбежно будет расширять доступ к информационным ресурсам новых территорий и групп населения. В этой связи проведение гибкой институциональной политики преобразования информационного пространства России в систему инновационных территорий путем создания национальных информационных структур и соответствующих им интеллектуальных рынков труда создает реальные возможности для широкой и динамичной интеграции России в мировое информационное пространство.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Избр. произв. : в 3 т. М. : Изд-во полит. литературы, 1980. Т. 1. С. 2–43.
2. Бурдые П. Начала. М. : Socio Logos, 1994. 228 с.
3. Филлимонова О. Ф. Публичное пространство города. Саратов : Саратовский источник, 2017. 185 с.
4. Устьянцев В. Б. Социальная память в жизненном пространстве социума // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер.

- Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 414–418.
5. *Гасилин В. Н., Тягунова Л. А.* Виртуализация социума. Саратов, 2007. 113 с.
6. *Затуливетер Ю.* Компьютерная революция в социальном пространстве // *Вопр. философии.* 1977. № 3. С. 36–42.
7. *Занесоцкий А. С.* Трансформации российской культуры под влиянием телевидения и Интернета. СПб. : Анатолия, 2014. 60 с.

Образец для цитирования:

Устьянцев В. Б. Топосы современного социума: рефлексия путей информатизации // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2019. Т. 19, вып. 4. С. 403–407. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-403-407>

**Toposes of Modern Society:
the Reflection of the Ways of Informatization**

V. B. Ustyantsev

Vladimir B. Ustyantsev, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ystvb@mail.ru

The target programme of the author's approach presented in the article includes the study of the methodological functions of concepts-toposes capable of uncovering the essence of changes in the life space of a society, changes caused by the increasing influence of the Internet. The main stages of the informatization of the modern society are presented in the article by toposes of late industrialism and information toposes of post-industrialism which have emerged in the "post" era. The toposes of late industrialism, which were formed at the early stages of the computer revolution, are characterized by a risk orientation and incompleteness in the technogenic and socio-cultural segments of industrialized countries. Information toposes, expressing the digital level of informatization in society, create a very extensive institutional system of a new type, where information markets become factors of the globalization of the information economy. At the same time, as noted in the article, conflicts and risks of an economic, institutional and political nature appear in the information toposes. It seems expedient to develop the categorical apparatus of the topological approach further in the research of information processes in the living space of Russian society.

Keywords: Internet, information society, information, information field, society of late industrialism, communication, space, toposes.

References

1. Marx K., Engels F. *Feuerbach. Das Gegenteil von materialistischen und idealistischen Ansichten: in 3 Bd.* (Russ. ed.: Marks K., Engel's F. *Feyyerbakh. Protivopolozhost materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzreniy. Izbr. proizv.: v 3 t.* Moscow, Izd-vo polit. literatury, 1980, vol. 1, pp. 2–43) (in Russian).
2. Bourdieu P. *Choses dites.* Paris, 1987. 229 p. (Russ. ed.: Burdye P. *Nachala.* Moscow, Socio-Logos, 1994. 228 p.) (in Russian).
3. Filimonova O. F. *Publichnoye prostranstvo goroda* [Public Space of the City]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2017. 185 p. (in Russian).
4. Ustyantsev V. B. Social Memory in the Life Space of Socium. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 414–418 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-414-418>
5. Gasilin V. N., Tyagunova L. A. *Virtualizatsiya sotsiuma* [Virtualization of Society]. Saratov, 2007. 113 p. (in Russian).
6. Zatuliveter Yu. Computer Revolution in the Social Space. *Voprosy filosofii*, 1977, vol. 3, pp. 36–42 (in Russian).
7. Zapesotsky A. S. *Transformatsii rossiyskoy kultury pod vliyaniyem televideniya i Interneta* [Transformation of the Russian Culture under the Influence of Television and the Internet]. St. Petersburg, Anatoliya, 2014. 60 p. (in Russian).

Cite this article as:

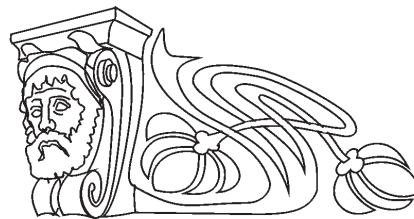
Ustyantsev V. B. Toposes of Modern Society: the Reflection of the Ways of Informatization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 403–407. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-403-407>

УДК 101.1::316

Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление

С. М. Фролова, Е. В. Листвина

Фролова Светлана Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, frolovasvetla777@yandex.ru

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, listvamer@yandex.ru

В статье рассматривается феномен цифрового общества, цифровой культуры как следствие проникновения цифровых технологий в основные составляющие сферы культуры, влияющих на формирование нового культурного опыта, меняющих поведенческие и культурные предпочтения. Выделяются специфические характеристики цифровой культуры, связанные с качественным изменением таких социальных параметров, как изменение восприятия времени, появление новых форм коммуникации, выработка иного стиля поведения индивидов, изменение форм занятости индивидов, формирование новых институциональных установок повседневного бытия. Отмечается неоднозначность исследуемого феномена, который, с одной стороны, активно внедряется во все сферы социального бытия, становится неизбежным условием существования социальных институтов, социокультурной коммуникации, социального прогнозирования и в целом планетарной перспективы. С другой стороны, авторы задаются вопросом: насколько необходим технический прогресс, который оборачивается против самого человека и приводит к ликвидации рабочих мест, отказу от аналитического восприятия информации, к утрате способности логического мышления, замене живого общения на экранное. Авторы акцентируют внимание на возникших в последние годы явлениях: медийная аскетика (сознательное ограничение доступа к медийной информации и использования гаджетов), которая становится признаком социальной элиты; усиливающаяся архаизация регионов во всем мире при использовании для архаизационных процессов новейших технологий.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровая культура, аналоговая культура, социальные параметры цифровой культуры, культура повседневности.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412>

Культура как онтологический феномен характеризует общество в целом, поскольку отражает выработанные устои, обеспечивающие его бытие в процессе повседневной деятельности. Культурная картина повседневной жизни во многом определяет предметно-практическую направленность бытия человека.

Можно утверждать, что в современную эпоху технологии и цифровые средства коммуникации стали неотъемлемой составляющей нашего бытия. Они настолько распространили свое влияние на все стороны жизни, что мы спокойно теперь рассуждаем о цифровом обществе, цифровом образовании, цифровой религии [1], цифровой культуре. Последнее не случайно, поскольку, как уже было сказано, культура – бытийственный фактор, и цифровые технологии, проникшие в основные составляющие сферы культуры, не могут не влиять на формирование нового культурного опыта, кардинально меняя поведенческие и культурные предпочтения.

Важно отметить, что, несмотря на широкое применение, понятие «цифровая культура», или «культура эпохи цифровизации», не имеет четкой формулировки, хотя такие попытки на протяжении уже четверти века предпринимаются отечественными и зарубежными учеными [2]. Одни исследователи полагают, что цифровая культура – это феномен, «появившийся вследствие развития цифровых медиа» [3, с. 70]; другие связывают цифровую культуру с представлением об «артефактах и символических структурах, основанных на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенных в институциональную систему...» [4, с. 12].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает мнение Н. Л. Соколовой, согласно которому «исследование влияния цифровых средств коммуникации на культуру оборачивается не только изучением цифровой культуры, но и культур – «нецифровой», «прецифровой», – взаимосвязанных и взаимодействующих между собой», поскольку в соответствии с точным замечанием исследователя для понимания культуры в цифровую эпоху важны «различия поколений в отношении к цифровым технологиям», так как на культурное самоопределение оказывают влияние многие процессы, в том числе и «поколенческие различия, способы, которыми люди разных поколений общаются друг с другом...» [5, с. 10]. В этом смысле можно предположить, что основная проблема сегодняшнего дня – это проблема выстраивания новой конфигурации социокультурных схем и парадигм социального существования, когда происходят диффузия,

взаимопроникновение цифровой и аналоговой культур, где у аналоговой есть еще все фундаментальные традиционные возможности, но цифровая уже активно создает в тотальном культурном пространстве свои ниши, тесня аналоговую и в то же время «внедряясь» в нее, «произрастая» на ее онтологическом основании.

Исходя из сказанного, можно заключить, что цифровая культура – многоаспектный феномен, который характеризуется иным (сжатым) восприятием времени; совмещает архаичные и новейшие (в том числе цифровые) методы и формы коммуникации; определяет выработку иного стиля поведения индивидов и вырабатывает иные институциональные установки повседневного бытия; отказывается от привычных форм занятости. Именно с этих позиций предлагается рассмотреть такое явление, как цифровая культура.

Изменение восприятия времени. Не вызывает сомнений, что культура – это феномен, отличающийся динамичностью, каждый этап исторического развития которой характеризуется наличием особых черт социокультурных изменений. Однако в современном мире прогресс настолько стремителен, что ученые серьезно начинают обсуждать «феномен сжатия времени» (В. В. Миронов) как одну из особенностей цифровой культуры. Э. Тоффлер обращал внимание на существенное сокращение времени между изобретением и внедрением новых технологий, отмечая, что «первый патент на пишущую машинку был выдан в 1714 г., а в продажу машинки поступили через полтора столетия». Сегодня «такой разрыв между идеей и ее реализацией невозможно представить» [6, с. 40], поскольку усилия современной индустрии целенаправленно сокращают время между изобретением и его внедрением. Необходимо отметить, что скорость введения новаций в нашу повседневность опережает все прогнозы фантастов. Мы являемся свидетелями того, как быстро совершенствуются, например, модели iPhone, производители не успели информировать о выходе новой модели, как через несколько дней она считается устаревшей, поскольку выпущена следующая, гораздо совершеннее. Более того, это социально-экономически запланированное явление, призванное удерживать общество в консьюмеристской «стабильности». В. В. Миронов обращает внимание на то, что «сегодня достаточно часто студенты старших курсов не вполне уже понимают студентов первого курса, так могут различаться их интересы, связанные с использованием технологий. Для многих сегодня уже непредставимо, что можно писать черниль-

ной перьевой ручкой (а ведь еще было гусиное перо!), так же, как и уметь вести беседу» [7, с. 8].

Здесь мы переходим к следующему аспекту цифровой культуры, тоже подверженному временной трансформации, – *форме коммуникации*.

Платоновский Сократ в диалоге «Федр» считал умение вести диалог одним из наиважнейших искусств, поскольку в «подлинном искусстве речи» познается истина («кто не знает истины... у того искусство речи будет... неискusstvenным» [8, с. 820]); оратор руководствуется общим благом, а не личной пользой («оратор, не знающий, что такое добро, а что – зло..., учтя мнение толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего...» [8, с. 818]); речь должна быть упорядоченной, взаимосвязанной, последовательной, речь «словно живое существо, – у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому» [8, с. 823].

Современная коммуникация отличается новыми характеристиками: на поиск истины в споре уже никто не ориентируется. «У субъекта, оперирующего большими данными, формируется в значительной степени иной тип мышления, в основе которого лежит количество и корреляция разнообразных массивов информации, а истина отступает на второй план...» [7, с. 7]; ориентир на общее благо сомнителен (достаточно вспомнить искажение информации СМИ), и также нельзя назвать благом общение посредством коротких СМС-сообщений, с применением особой терминологии и сокращениями в словах; структурированность речи оставляет желать лучшего, поскольку, чтобы грамотно выстроить речь, необходимо уметь анализировать прочитанное, а это затруднительно на фоне снижения интереса к чтению и отсутствия стремления к запоминанию информации (есть Интернет). На фоне цифровизации образования и планируемого перевода лекций в режим онлайн вопрос о совершенствовании навыков ведения диалога остается открытым.

Понятно, что изменение восприятия времени, новые формы коммуникации предполагают *изменение поведенческих установок*.

Для современного общества характерно приобретение предметов, упрощающих коммуникацию, которые «из объектов обладания превращаются в средства общения... Получается, что характер потребляемых благ определяется не личностью данного человека, не его индивидуальными предпочтениями, а тем, кем он хочет казаться в глазах окружающих» [9, с. 96–104]. В условиях виртуального общения создать себе

желаемый образ не составляет никаких трудностей, виртуальность – это стиль жизни, от которого никто (мы имеем в виду прежде всего молодое поколение) не желает отказываться. В последнее время в выстраивании идентичности культура общения и стиль поведения отличаются от начального периода пользования Интернетом.

Исследователи отмечают «парадокс» эпохи Интернета, который «заключается в том, что хотя применение цифровых технологий и предоставляет в распоряжение представителей нового поколения практически неограниченные возможности для создания многочисленных вариантов своего «я» на самых разных виртуальных платформах, тем не менее, они гораздо сильнее привязаны к своей идентичности в реальном мире. Личный профиль в социальных сетях у представителей цифрового поколения практически идентичен описанию личности» [10, с. 8]. Подросткам интереснее общаться с теми, кого они никогда не видели, чем со своей семьей.

Еще Э. Тоффлер отмечал, что неуправляемый «поток нового» безжалостно «прочерчивает линию по человечеству, разделяя нас на лагеря, вызывая горькое непонимание между родителями и детьми...» [6, с. 47, 50]. Причем этот разрыв иного плана, нежели привычное противостояние отцов и детей в предыдущие эпохи. Он характеризуется качественно новыми формами хранения и передачи информации, что в ряде случаев делает реально невозможным коммуникацию между людьми разных поколений. Как следствие этого индивид наделяет человеческими качествами животных. Наблюдается распространение так называемой «собачьей культуры, когда общение с людьми заменяется на общение с животными» [11, с. 227]. Американские исследователи замечают, что животные стали играть «новую роль в нашем обществе». Общение с «братьями нашими меньшими» перестало отличаться от общения с людьми или даже стало восприниматься как более выигрышное. Если «раньше на приобретении домашних животных настаивали именно дети» [12, с. 168], то теперь основными покупателями становятся взрослые люди, называя себя «родителями домашних животных». Животные наследуют имущество, для них развивается мощная индустрия, открываются кафе и рестораны, оборудуются автомобили. Такое очеловечивание животных «выдает невосполнимые потери, понесенные гуманизмом в современном мире» [13, с. 223], а приписывание животным не присущих им свойств выдает «душевную неустроенность» и является попыткой компенсации недополученной радости коммуникации.

Сказанное обуславливает изменение привычных (особенно для старшего поколения) *форм занятости*.

Если верить прогнозам аналитиков, «... через 40 лет от 50 до 70% работников из производства будут убраны и заменены роботами. Сейчас исключительно роботами производится 10% всех товаров, к 2025 г. прогнозируется 40%. В зоне риска находятся не только “синие”, но и “белые воротнички”: пострадают управленцы, водители автомобилей, фармацевты, страховые агенты, продавцы, коллекторы» [14]. Надо сказать, что они уже фактически ощущают на себе последствия цифровизации ряда отраслей экономики. Создаются новые социальные слои и страты, которые еще ждут своих исследователей, а в реальности требуют формирования новых общественных институтов, культурных парадигм, коммуникаций и перестройки социума в целом.

При трудоустройстве, как отмечают исследователи, к базовым знаниям относят навыки информационной грамотности, «которая означает умение целенаправленно, самостоятельно, ответственно и эффективно обходиться с информацией, составляющей рабочий контент трудящегося» [15, с. 381]. К сказанному следует добавить и то, что для комфортного существования в современном цифровом обществе важно не только мастерски владеть цифровыми технологиями, но и уметь обезопасить себя от спама, отстоять неприкосновенность персональных данных, поставить защиту от компьютерных вирусов. Все это требует, кроме знаний, еще и финансовых вложений, что в условиях сокращения рабочих мест не для всех возможно. Учитывая стремительное снижение объемов сфер, где будет задействован трудовой потенциал человека, исчезновение или невостребованность существующих ранее видов профессиональной деятельности, повышение пенсионного возраста, можно предположить, что в скором времени многие представители старшего поколения, а возможно, и не только они, останутся без работы.

Подводя итоги, можно сформулировать несколько выводов и даже в большей степени проблем, которыми задаются исследователи современного социума. С одной стороны, есть закономерный вопрос: так ли необходим нам *такой* технический прогресс, который оборачивается против самого человека: когда нет рабочих мест, но есть огромный поток информации, для усвоения которой не хватает времени, когда по этой причине происходит отказ от чтения книг, анализа объемных текстов, что ведет к утрате способности логического мышления, замене

«живого» общения на «общение» с экраном или животными? С другой стороны, этот процесс не так однозначен и в первую очередь в том, что восприятие и включение в реальную обыденную жизнь социума технологических, экономических, кажущихся неизбежными для человечества новаций неминуемо перерабатывается культурой, которая по сути своей не может это пересомыслить, не опираясь на богатый фундамент наработанных паттернов, парадигм, ценностей, традиций. И поэтому в последние годы можно наблюдать ряд интересных явлений, например, медийную аскетику (сознательное ограничение доступа к медийной информации и использования гаджетов), которая в настоящее время становится признаком социальной элиты, могущей себе позволить не быть зависимой от медийного пространства и иметь собственное время для живой коммуникации, персонального времени и пространства [16]. Это, например, усиливающаяся архаизация регионов во всем мире, когда социокультурной реакцией на стремительное внедрение цифровых технологий становится массивное возвращение к традиционным, чуть ли не дописьменным ценностям (пусть и в новой «цифровой упаковке»), как, в частности, постсекуляризация в развитых странах незавершенного проекта модерна, но имеющим целью активизировать вульгаризированное восприятие традиции и использовать его в качестве инструмента социального, культурного, политического и экономического воздействия [17]. Действительно, мы сейчас находимся в процессе сложной перекодировки, реформировании всего привычного социокультурного пространства [18, с. 83]. Это ведет к появлению различных непредсказуемых конфигураций с открытым социокультурным финалом, результаты которого еще предстоит пережить и осмыслить.

Таким образом, можно отметить, что обозначенные в статье вопросы являются одной из серьезных проблем современной гуманитаристики, требующей дальнейшего пристального внимания и социально-философского анализа.

Список литературы

1. *Иванов А. В.* Цифровая религия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 377–381.
2. *Кузнецова Т. Ф.* Цифровая культура // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 233–237.
3. *Шамиурин Д. А.* Цифровые медиа как фактор культурной глобализации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 6 (72), ч. 2. С. 70–75.
4. *Галкин Д. В.* Digital Culture : методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 11–16.
5. *Соколова Н. Л.* Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 7–10.
6. *Тюфлер Э.* Шок будущего. М. : АСТ, 2008. 560 с.
7. *Миронов В. В.* Платон и современная пещера big-data // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, вып. 1. С. 4–24.
8. *Платон.* Федр // Платон. Диалоги. Книга первая. М. : Эксмо, 2008. 1360 с.
9. *Погудаева М. Ю., Семенова-Слабкович Я. А.* Особенности поведения потребителя в условиях информационной экономики // Экономический журнал. 2012. № 4 (28). С. 96–104.
10. *Максимова О. А.* «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2013. № 22 (313). Филология. Искусствоведение. Вып. 81. С. 6–10.
11. *Слезин В.* Геноцид белой расы. Кризис Европы. Как справиться, как преуспеть. М. : АСТ ; СПб. : Астрель-СПб., 2010. 285 с.
12. *Пенн М. Дж.* Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М. : АСТ, 2009. 510 с.
13. *Касавин И. Т., Щавелев С. П.* Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 432 с.
14. *Четверикова О.* Как цифровой мир меняет человека. URL: <https://view-w.ru/2017/05/06/kak-cifrovoy-mir-menyayet-cheloveka/> (дата обращения: 13.02.2019).
15. *Сизова И. Л., Хусяинов Т. М.* Труд и занятость в цифровой экономике : проблемы российского рынка труда // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10, вып. 4. С. 376–396.
16. *Соловьев Д., Белоус П.* Медийная аскетика как феномен цифровой культуры // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 2, vol. 8. С. 77–92.
17. *Абрахманов Д. М., Буранчин А. М., Демичев И. В.* Архаизация регионов как социальная проблема. Уфа : Мир печати, 2016. 405 с.
18. *Прокудин Д. Е., Соколов Е. Г.* «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. Вып. 4. С. 83–91.

Образец для цитирования:

Фролова С. М., Листвина Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 408–412. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412>

Culture in the Era of Digitalization: Social and Philosophical Understanding

S. M. Frolova, E. V. Listvina

Svetlana M. Frolova, <https://orcid.org/0000-0002-2586-1291> Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, frolovasvetla777@yandex.ru

Evgeniya V. Listvina, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477> Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, listvamer@yandex.ru

The article deals with the phenomenon of a digital society and a digital culture as a consequence of the penetration of digital technologies into the main components of the sphere of culture, influencing the formation of a new cultural experience and changing behavioral and cultural preferences. The article highlights the specific characteristics of a digital culture associated with qualitative changes in such social parameters as changing the perception of time, the emergence of new forms of communication, the development of a different style of behavior of individuals, changing forms of employment of individuals, and the formation of new institutional settings of everyday life. The authors note the ambiguity of the phenomenon under study, which, on the one hand, is actively implemented in all spheres of social life and becomes an inevitable condition for the existence of social institutions, socio-cultural communication, social forecasting and the planetary perspective on the whole. On the other hand, the authors raise the question – how much technical progress is needed, which turns against the person himself and leads to the elimination of jobs, the rejection of the analytical perception of information, to the loss of the ability of logical thinking, the replacement of live communication with the screen one. At the same time, the authors note the phenomena which have evolved in recent years: media asceticism (conscious restriction of access to media information and the use of gadgets), which is becoming the sign of a social elite; increasing archaization of regions around the world when using the latest technology for archaization processes. All this requires further attention and socio-philosophical analysis of the problems raised in the article.

Keywords: digital society, digital culture, analog culture, social parameters of digital culture, culture of everyday life.

References

1. Ivanov A. V. Digital Religion. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 377–381 (in Russian).
2. Kuznetsova T. F. *Digital Culture. Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2018, no. 4, pp. 233–237 (in Russian).
3. Shamshurin D. A. Digital media as a factor of cultural globalization. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2018, no. 6 (72), part 2, pp. 70–75 (in Russian).
4. Galkin D. V. Digital Culture: Methodological Issues of Research of Cultural Dynamics from Digital Automats to Techno-Bio-Creatures. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Studies], 2012, no. 3, pp. 11–16 (in Russian).
5. Sokolova N. L. Digital Culture or Culture in the Digital Age. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Studies], 2012, no. 3, pp. 7–10 (in Russian).
6. Toffler A. *Future Shock*. New York, 1970. 286 p. (Russ. ed.: Toffler A. *Futuroshok*. Moscow, AST, 2008. 560 p.).
7. Mironov V. V. Platon and Modern Cave Big-Data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, iss. 1, pp. 4–24 (in Russian).
8. Platon. Fedr [Phaedrus]. In: *Platon. Dialogi* [Dialogues]. Book one. Moscow, EKSMO, 2008. 1360 p. (in Russian).
9. Pogudaeva M. Yu., Semenova-Slabkovich Ya. A. Features of Consumer Behavior in the Information Economy. *Economic Journal*, 2012, no. 4 (28), pp. 96–104 (in Russian).
10. Maximova O. A. “Digital” Generation: Lifestyle and Identity Construction in Virtual Space. *Bulletin of Chelyabinsk state University*, 2013, no. 22 (313), Philology, Art criticism, iss. 81, pp. 6–10 (in Russian).
11. Slezin V. *Genotsid beloy rasy. Krizis Evropy. Kak spastis', kak preuspet'* [Genocide of the White Race. The Crisis of Europe. How to Escape, How to Succeed]. Moscow, AST ; St. Petersburg, AST-SPb, 2010. 285 p. (in Russian).
12. Penn M. J. Zalesne E. Kinney. *Microtrends: The Small Forces Behind Tomorrow's Big Changes*. Hachette Book Group USA, 2007. 425 p. (Russ. ed.: Penn M. Dzh. *Mikrodendentsii: Malen'kie izmeneniya, privodyashchie k bol'shim peremenam*. Moscow, AST, 2009. 510 p. (in Russian).
13. Kasavin I. T., Shchhavelev S. P. *Analiz povsednevnosti* [Analysis of Everyday Life]. Moscow, Kanon+, 2004. 432 p. (in Russian).
14. Chetverikova O. *Kak tsifrovoy mir menyaet cheloveka* [How the Digital World Changes a Person]. Available at: <https://view-w.ru/2017/05/06/kak-cifrovoy-mir-menyaet-cheloveka/> (accessed 13 February 2009) (in Russian).
15. Sizova I. L., Khusyainov T. M. Work and employment in the digital economy: the problems of the Russian labour market. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2017, vol. 10, iss. 4, pp. 376–396 (in Russian).
16. Soloviev D., Belous P. Media Asceticism as a Phenomenon of Digital Culture. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace], 2014, no. 2, vol. 8, pp. 77–92 (in Russian).
17. Abrakhmanov D. M., Buranchin A. M., Demichev I. V. *Arkhazatsiya regionov kak sotsial'nayach problema* [The Archaization of Regions as a Social Problem]. Ufa, Mir pechati, 2016. 405 p. (in Russian).
18. Prokudin D. E., Sokolov E. G. “Digital Culture” vs “Analog Culture”. *Vestnik of Saint Petersburg University, Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Cultural Studies. Religious Studies*, 2013, iss. 4, pp. 83–91 (in Russian).

Cite this article as:

Frolova S. M., Listvina E. V. Culture in the Era of Digitalization: Social and Philosophical Understanding. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 408–412. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412>

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

Этико-смысловые коды организационной культуры

Л. Н. Аксеновская

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, декан факультета психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, liudmila_aksenovskaya@mail.ru

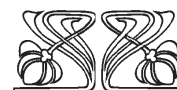
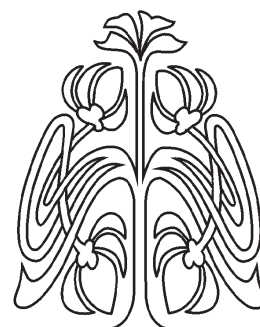
В статье представлены результаты исследования этико-смысловых кодов организационной культуры с позиций ордерного подхода, а также результаты эмпирического исследования в региональных предприятиях двух российских госкорпораций (репрезентативная выборка составила 46 человек). Раскрыто содержание понятий «этико-смысловая подсистема культуры», «культурная программа» и «этико-смысловой код культуры». Методики исследования – ордерная диагностика степени выраженности субордеров организационной культуры и степени сформированности субордеров. Результат исследования показал сходство выявленного этико-смыслового кода организационной культуры обоих предприятий (А–С–Ц), что соответствует задаче «выживания» как прохождения периода повышенных трудностей. Выделены шесть типов этико-смысловых кодов, связанных с решением определенных задач (прорыв в условиях дефицита временного ресурса – код «А–Ц–С», прорыв в условиях отсутствия ограничения по времени – код «Ц–А–С», создание «корпоративной религии» – код «Ц–С–А», начало деятельности или перезапуск – код «С–А–Ц», стабилизация – код «С–Ц–А», выживание – код «А–С–Ц».

Ключевые слова: организационная культура, ордерный подход, этико-смысловая система, этико-смысловой код культуры.

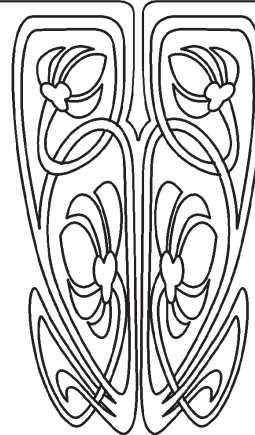
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-413-421>

Введение

Стремительному росту интереса к изучению феномена организационной культуры, начавшемуся с 80-х гг. XX столетия с работ Г. Хофштеде, предшествовал длительный период поиска подходов к тематизации данного явления, начало которого связано с именами выдающихся психологов Г. Саймона и Э. Джейкса (Жака). За последние почти 40 лет развития организационно-культурных исследований наблюдались периоды как роста, так и спада интереса к данному феномену. Организационная культура, будучи частным случаем (подсистемой) более сложного, фундаментального феномена – культуры – обладает всеми ее характеристиками и аналогичной степенью проницаемости для современных исследовательских подходов. Раскрытие механизмов формирования, развития и деградации культуры напрямую связано с раскрытием механизмов действия человеческой психики, поскольку культура является продуктом именно психической активности человека, а культуротворческая деятельность – видовым признаком человеческого существа. Можно утверждать, что новый шаг в развитии организационно-культурных исследований будет связан с достижениями именно научной психологии, работающей над открытием законов действия психики и порождаемых ими процессов и явлений.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

К числу наиболее значимых фундаментальных психологических процессов и явлений, связанных с культуротворческой активностью, относятся процессы порождения смыслов (смыслопроизводство/sense making), функционирования и развития смысловых систем. Разработкой данного направления занимаются многие философы, культурологи, социологи и психологи. Даже неполный перечень исследователей, занимавшихся и занимающихся проблемой смысла, свидетельствует о ее значимости: В. Франкл [1], Д. А. Леонтьев [2]. Применительно к феномену организационной культуры о смыслообразовании пишут К. Вейк [3], А. Н. Занковский [4], Л. Н. Аксеновская [5].

Особый интерес представляют психологические исследования и подходы, связанные с изучением этических аспектов смыслообразования, поскольку взаимообусловленность культуры и этики и бесспорная неслучайность этической детерминации культуры наиболее близко подводят нас к черте, за которой возможен выход на принципиально новый уровень понимания психической природы и психической организации человека как социального существа. Этическую феноменологию культуры изучали С. Л. Франк [6], Н. О. Лосский [7], Г. Г. Шпет [8], Э. Нойманн [9], Э. Фромм [10], В. А. Лефевр [11] и др. Большой интерес представляют в контексте нашего исследования обобщающие работы по психологии нравственности [12].

Открытие этических, или этико-смысловых кодов, культуры, безусловно, станет прорывом на новый уровень понимания человеческой природы и человеческого предназначения, основанием для формирования новых фундаментальных направлений в социально-психологическом изучении человека и общества. С точки зрения прикладной, практической мы можем рассчитывать на результаты, связанные с разработкой диагностических инструментов оценки культуры, в частности организационной. Также большим потенциалом обладают разработки в области прогнозирования сценариев развития организаций в различных средовых условиях в зависимости от этико-смысловой кодировки их культур. Общий смысл подобной постановки задачи – выход на более экологичный (этичный) для человека и более управляемый уровень развития человечества не только в научно-техническом и технологическом, но и в духовно-нравственном плане, поскольку без равновесия между первым и вторым существование человеческой цивилизации и культуры оказывается под вопросом.

Цель статьи – представить результаты сравнительных исследований этико-смысловых кодов организационной культуры реальных российских

предприятий (на уровне анализа кейсов) и предложить к обсуждению типологическую модель этико-смысловой подсистемы организационно-культурной системы.

Понятие этико-смыслового кода культуры в ордерном подходе

В рамках ордерного подхода к социально-психологическому изучению организационной культуры данный феномен определяется как сложный социально-психологический порядок организационно-управленческих интеракций, конституируемых и регулируемых подсистемами этических смыслов участников взаимодействия. В структуре социально-психологического механизма функционирования организационной культуры смысловая система играет ключевую роль. Она является базисом, обеспечивающим направление развития культуры и ее содержательное наполнение. В структуре самой смысловой системы особо выделяется подсистема этических смыслов (личности и группы – малой и большой). Именно эта подсистема, с позиции ордерного подхода, определяет фундаментальные характеристики организационной культуры и ее своеобразие.

В описании основных параметров ордерного подхода используется ряд взаимосвязанных понятий, характеризующих этическую составляющую феномена организационной культуры – *этико-смысловая подсистема смысловой системы культуры, этико-смысловая матрица культуры, этическая программа и этический код культуры*. В наших ранее опубликованных работах даны определения этих понятий в контексте исследования конкретных социально-психологических явлений, характерных для различных исторических эпох (в частности для эпохи Античности) [13]. Обратимся к этим определениям для более четкого понимания различий между ними и последующего эмпирического исследования феномена этико-смыслового кода организационной культуры:

1) *этико-смысловая подсистема смысловой системы культуры (организационно-культурной) системы* – это сеть значений, конституируемых или приписываемых участниками взаимодействия стандартным и новым элементам потока жизнедеятельности, которая создает субъективную групповую культурную реальность. Этический компонент значений связан с влиянием базовых этических смыслов на процесс принятия лидером решений о значении (смысле) того или иного явления (действия, поступка, ситуации);

2) *этико-смысловая матрица культуры* – это базовые этические смыслы, служащие основой этико-смысловой подсистемы и имеющие собственные системные характеристики (структуру,

уровни, элементы, функции). Базовые этические смыслы есть этико-смысловая матрица культуры, включающая в свой состав четыре пары фундаментальных смыслов, представленных смысловыми бинарными оппозициями: жизнь – смерть, сотрудничество – борьба, улучшение – ухудшение, ответственность – безответственность. Первая диада (жизнь – смерть) соотносится в ордерной модели организационной культуры с субордером «семья» (основная ценность – человек), вторая – (сотрудничество – борьба) – с субордером «армия» (основная ценность – цель и результат) и третья диада (улучшение – ухудшение) соотносится с субордером «церковь» (основная ценность – Идея, Идеал). Последняя диада (ответственность – безответственность) является интегральной характеристикой и результатом делаемых личностью или группой этико-смысловых выборов в различных жизненных и профессиональных обстоятельствах. Критерием ответственного выбора служит ориентация на заботу об интересах Целого;

3) **этическая программа и этический код культуры (этико-смысловой код культуры)** – специфические устойчивые особенности функционирования этико-смысловой матрицы конкретной культуры (личности, группы, организации, этноса, конфессии, исторической эпохи).

Подвидом этического кода культуры является **этико-смысловой код организационной культуры** – комбинация трех субордерных характеристик организационной культуры – «семьи» (С), «армии» (А) и «церкви» (Ц), полученных с помощью ордерной диагностики организационной культуры. Порядок букв в коде характеризует *степень выраженности и сформированности субордеров организационной культуры*. Код соотносим с функциональными этическими смыслами и соответственно представляет «поверхностный» слой этико-смысловой подсистемы культуры;

4) **этическая (этико-смысловая) программа культуры (культурная программа)** – совокупность содержательных, статических (структурных) и динамических характеристик культуры. В содержательном плане речь идет об идеалах и базовых положениях культуры.

Сравнительное исследование этико-смысловых кодов организационной культуры (кейс)

Исследование проводилось в двух региональных предприятиях российских госкорпораций в форме групповых диагностических семинаров. Общее число участников – 48 человек (16 – предприятие «А», 32 – предприятие «Б»).

Предприятие «А» – 2 подразделения, всего 16 человек (управленческая команда – 8 человек; группа ведущих психологов – 8 человек). Отраслевая специфика – обеспечение безопасности ГТС.

Предприятие «Б» – 4 подразделения, всего 32 человека (управленческая команда – 8 человек; 1-я группа специалистов – 8 человек; 2-я группа специалистов – 8 человек; 3-я группа специалистов – 8 человек). Отраслевая специфика – разработка электронных систем управления. Группы специалистов представляют репрезентативную выборку крупных отделов (по возрасту, полу и опыту работы).

Методики исследования: 1) ордерная диагностика степени выраженности субордеров организационной культуры; 2) ордерная диагностика степени сформированности субордеров организационной культуры.

Обе методики в соответствии с ордерной методологией измеряют этико-смысловые характеристики организационной культуры [14].

Ордерная диагностика организационной культуры носит характер самооценки. Участники процедуры сами выбирают оценку на предложенной 10-балльной шкале. Субъективизм оценок компенсируется повторяемостью утверждений, наблюдением за реакциями и высказываниями участников в процессе заполнения диагностических форм и дополнительными сведениями, полученными в ходе предварительных консультативных сессий.

Процедура исследования. Исследование проводилось в форме группового диагностического семинара с последующим групповым обсуждением полученных результатов. Участники семинара в подгруппах заполняли специальные Альбомы диагностических форм и совместно обрабатывали полученные данные, перенося индивидуальные результаты в общую для группы форму, и комментировали итоговые данные.

В таблицах с числовыми данными результатов оценки для целей данной статьи сохранены только показатели существующего состояния (далее – СС) организационной культуры.

Результаты ордерной диагностики предприятия «А»

По первой ордерной методике («Оценка степени выраженности субордеров организационной культуры регионального предприятия») результат отражен в табл. 1.

Этико-смысловой (культурный «код») группы менеджеров: А («армия») – С («семья») – Ц («церковь»). Этико-смысловой «код» группы психологов: А («армия») – С («семья») – Ц («церковь»). При этом «семья» подразумевает заботу о людях в организации, «армия» – фокусировку на поставленных задачах (цели), «церковь» – идеологическую работу с персоналом для обеспечения смыслового единства коллектива.

Таблица 1

Оценка степени выраженности субордеров организационной культуры

Показатели существующего состояния (СС)	Команды					
	Менеджеры			Психологи		
	Субордеры					
	Семья	Армия	Церковь	Семья	Армия	Церковь
Баллы / проценты	658 / 33	831 / 41	540 / 26	606 / 34	740 / 42	450 / 24

Результат по первой методике идентичен в обеих группах, что свидетельствует о существовании единого корпоративного культурного пространства в организации. Доминируют забота о результатах деятельности и о людях. На последнем месте в настоящее время находится забота об идеологии как факторе внутренней мотивированности сотрудников к результативной деятельности и организационной сплоченности.

Таким образом, при оценке степени выраженности субордеров (аспектов) сложившейся организационной культуры команды показали следующие результаты:

1) управленческая команда предприятия («менеджеры»): 33% (С) – 41% (А) – 26% (Ц) – степень выраженности субордеров культуры *средняя* (при оценке по шкале от 26 до 47%). Эталонная выраженность «семейного» субордера (забота о людях), несколько избыточная выраженность «армейского» субордера (забота о результатах деятельности) и невысокая выраженность «церковного» субордера (идеологические аспекты работы с персоналом);

2) группа психологов («психологи»): 34% (С) – 42% (А) – 24% (Ц) – степень выраженности субордеров культуры *низкая, ближе к среднему*.

Близкая к эталонной выраженность «семейного» аспекта культуры (в комментариях психологи неоднократно отмечали, что выполняют «родительскую» функцию по отношению к сотрудникам предприятия); еще более избыточная (по сравнению с менеджерами) выраженность «армейского» аспекта культуры (в комментариях психологи фиксировали жесткую регламентацию своих процедур и ориентацию на выполнение поставленной задачи). Еще меньше, чем у менеджеров, выражен «церковный» (идеологический) субордер культуры у психологов (в комментариях прозвучало, что эту функцию выполняет в настоящее время профессиональный кодекс психологов (Этический кодекс)).

Наиболее выраженным управленческая команда предприятия и психологи региональных предприятий считают «армейский» аспект организационной культуры; на втором месте находится «семейный» аспект организационной культуры; на третьем месте – «церковный» аспект организационной культуры.

По второй методике («Оценка степени сформированности субордеров организационной культуры регионального предприятия») получен результат, отраженный в табл. 2.

Таблица 2

Оценка степени сформированности субордеров организационной культуры

Показатели существующего состояния (СС)	Команды					
	Менеджеры			Психологи		
	Субордеры					
	Семья	Армия	Церковь	Семья	Армия	Церковь
Проценты	72,7	69,6	61,8	65,6	75,5	65,3

Высокую оценку степени сформированности в группе менеджеров получил «семейный» субордер как наиболее сформированный (72,7% из 100%) – «доверяю». Члены управленческой команды доверяют руководству предприятия, его политике, друг другу. Они полагают, что руководство предприятия в достаточной степени заботится о них, обучает и поддерживает в сложных профессиональных ситуациях.

В группе психологов высокую оценку степени сформированности получил «армейский» субордер (75,5% из 100%) – «уверен». Психологи в большей степени, чем менеджеры, уверены в своей подготовленности и способности справиться с поставленными задачами.

Недостаточно сформированными у менеджеров оказались «армейский» субордер («скорее не уверен») – 69,6% и «церковный» субордер

(«скорее не верю») – 61,8%. В первом случае речь идет о недостаточной уверенности руководителей в своей управленческой подготовке и способности на высоком уровне справиться с поставленными перед ними задачами. Возможные причины этого были обсуждены с участниками, и полученные результаты обсуждения были приняты во внимание руководством предприятия. Что касается недостаточной сформированности «церковного» субордера – 61% (при оценке по шкале от 50 до 70%), данный результат подтверждает результат предыдущей диагностической процедуры, показавшей общее состояние идеологической работы на предприятии.

Недостаточно сформированными у психологов оказались «семейный» субордер («скорее не доверяю») – 65,6% и «церковный» («скорее не верю») – 65,3%. В первом случае более низкий результат, по сравнению с менеджерами, объясняется менее высоким уровнем «заботы» организации о психологах по сравнению с менеджерами. Психологи чувствуют себя в менее привилегированном положении и это отразилось на результатах самодиагностики. Во втором случае («церковный» субордер) причина та же самая, что и у менеджеров, – недостаточное развитие идеологических аспектов корпоративной культуры.

Таким образом, при оценке степени сформированности субордеров (аспектов) сложившейся организационной культуры команды показали следующие результаты: 1) управленческая команда регионального предприятия («менеджеры»): из 3-х субордеров сформированным является только один – «семейный» (72,7% из 100%) – «доверяю»; 2) группа психологов («психологи»): из 3-х субордеров сформированным является только один – «армейский» (75,5% из 100%) – «уверен».

Выводы по результатам ордерной диагностики организационной культуры предприятия «А»

Выраженность аспектов (субордеров) организационной культуры предприятия, отвечающих за эмоционально-ценностное единство организации («семья»), целевое единство организации («армия») и смысловое единство организации («церковь»), является в обеих группах средней и обладает общим «культурным кодом»: «армия» – «семья» – «церковь» (А–С–Ц). Это свидетельствует: 1) о существовании достаточно сильной корпоративной культуры в организации, способной обеспечить единый культурный стандарт в географически удаленных друг от друга предприятиях; 2) о доминировании целевого и эмоционально-ценностного единства в предприятии и необходимости усилить внимание к смысловому (идеологическому) фактору культуры, отвечающему за уровень мотивированности сотрудников.

Сформированность аспектов (субордеров) организационной культуры не одинакова в группах менеджеров предприятия и психологов организации. У менеджеров – высокий показатель сформированности «семейного» субордера (чувство защищенности и готовности заботиться о сотрудниках) при несформированности «армейского» (забота о результате деятельности) и «церковного» (забота об обеспечении соответствия между словами и делами). У психологов – высокий показатель сформированности «армейского» субордера (забота о результатах деятельности) при несформированности «семейного» субордера (не ощущают в должной степени заботы о себе со стороны руководства) и «церковного» субордера (забота об обеспечении соответствия между словами и делами). Это свидетельствует: 1) о преобладании в сознании группы менеджеров ценности поддержки и стабильности, которые дает им организация (за это они доверяют руководству) и второстепенности значения ответственности за результат деятельности; 2) о доминировании в сознании группы психологов ценности результата деятельности, который достигается в ряде случаев путем самопожертвования, поскольку цели организации и деятельности являются главенствующими. Психологи имеют возможность сравнить уровень заботы организации о себе с уровнем заботы о других категориях работников и оценивают уровень заботы о себе как не вполне достаточный. Однако, невзирая на отсутствие развитой корпоративной идеологии, психологи сохраняют высокий уровень мотивированности к результативной деятельности. Функцию идеологического мотиватора для них выполняет профессиональный Этический кодекс; 3) о необходимости продолжить формирование всех аспектов организационной культуры и особое внимание уделить формированию «общего знаменателя» организационной культуры – «церковного» субордера, обеспечивающего смысловое единство организации.

Представим обобщенные сравнительные данные двух групп, основанные на ранее полученных результатах (табл. 3).

Приведенные данные свидетельствуют о следующем: 1) этико-смысловой код организационной культуры предприятия «А» идентичен для обеих групп сравнения (менеджеров и психологов) – «А (армия) – С (семья) – Ц (церковь)», или А–С–Ц; 2) сформированность субордеров в оценках участников групп различна – менеджеры считают сформированным «семейный» субордер организационной культуры, а психологи – «армейский» субордер, поскольку этико-смысловые доминанты в организации различны для обеих групп сравнения.

Таблица 3

Обобщенные сравнительные данные групп менеджеров и психологов

№ п/п	Вид диагностики	Менеджеры	Психологи
1	Выраженность субордеров организационной культуры	А–С–Ц средняя степень выраженности	А–С–Ц низкая степень выраженности, ближе к средней
2	Сформированность субордеров организационной культуры	С – сформирован А – нет Ц – нет	А – сформирован С – нет Ц – нет

Результаты ордерной диагностики предприятия «Б»

Как и в предыдущем случае, для сравнения используются результаты, полученные путем применения двух методик (оценка степени *выраженности* субордеров организационной культуры и оценка степени *сформированности*

субордеров организационной культуры) без учета данных о ЖС (желательном состоянии). По первой ордерной методике («Оценка степени выраженности субордеров организационной культуры регионального предприятия») был получен результат, отраженный в табл. 4.

Таблица 4

Оценка степени выраженности субордеров организационной культуры: сравнительный результат 4-х групп

Группы	Субордеры		
	Семья	Армия	Церковь
	Показатели существующего состояния (СС), баллы / проценты		
Управленческая команда	633 / 33,3	705 / 37	559 / 29,7
Группа № 1	640 / 35	614 / 34	557 / 31
Группа № 2	587 / 34	653 / 38	476 / 28
Группа № 3	596 / 35,5	654 / 38	440 / 26,5

Сравнение результатов диагностики степени выраженности субордеров организационной культуры предприятия, полученных в 4-х группах (управленческая команда и 3 отдела (далее – группы)) свидетельствует о том, что существует сходство в оценке степени выраженности аспектов культуры у 3-х из 4-х групп сравнения в существующем состоянии (СС): это управленческая команда и группы № 2 и № 3. Они оценили выраженность субордеров кодом А («армия») – С («семья») – Ц («церковь»). Группа № 1 дала другую оценку: С–А–Ц. Вместе с тем

все 4 группы сравнения поставили выраженность «церковного» субордера на последнее место.

Таким образом, «А–С–Ц» – доминирующая оценка степени выраженности субордеров культуры предприятия в СС с точки зрения групп сравнения. Оценка управленческой команды разделяется большинством отделов.

По второй ордерной методике («Оценка степени сформированности субордеров организационной культуры регионального предприятия») результаты представлены в табл. 5.

Таблица 5

Оценка степени сформированности субордеров организационной культуры: сравнительный результат групп

Группы	Субордеры		
	Семья	Армия	Церковь
	Показатели существующего состояния (СС), баллы / проценты		
Управленческая команда	2529 / 72,2	2382 / 72,6	1453 / 69,8
Группа № 1	1683 / 50	2086 / 64	1272 / 61
Группа № 2	1797 / 53	1752 / 53	872 / 41,9
Группа № 3	1420 / 42	1806 / 55	797 / 38

При сравнении результатов оценки степени сформированности субордеров организационной культуры обращает на себя внимание тот факт, что наиболее высоко степень сформированности трех аспектов организационной культуры оценили члены управленческой команды. Максимальную оценку получила сформированность «армейского» субордера (72,6%), на втором месте с небольшим отставанием находится «семейный» субордер (72,2%) и наименьшую оценку получила сформированность «церковного» субордера (69,8%). Оценки групп заметно отличаются от оценок управленческой команды в сторону понижения, когда мы сравниваем порядки цифр. Все оценки групп на используемой шкале располагаются на уровне ниже, чем оценки управленческой команды (низкая степень сформированности аспектов организационной культуры).

Можно заметить, что оценки всех трех групп хотя и различаются между собой, но имеют сходство в уровне восприятия культуры, тогда как между управленческой командой и группами наблюдается существенный разрыв в восприятии уровня сформированности культуры.

Выводы по результатам ордерной диагностики организационной культуры предприятия «Б»

Существует сходство в оценках степени выраженности субордеров организационной культуры предприятия, данных управленческой командой и группами, а также различия, связанные с оценкой степени сформированности субордеров организационной культуры. Также наблюдается принципиальное рассогласование по отношению к доле «церковного» субордера в структуре организационной культуры: управленческая команда стремится к его уменьшению, в то время как все без исключения группы продемонстрировали заинтересованность в увеличении его доли.

Оценка степени выраженности организационной культуры регионального предприятия: А («армия») – С («семья») – Ц («церковь») или А–С–Ц.

Оценка степени сформированности трех аспектов культуры показала *среднюю* (забота о результатах и забота о людях) и *низкую* (забота о смысле) степени сформированности. Это свидетельствует о недостаточном качественном состоянии всех трех культурных аспектов.

Общая оценка существующего культурного «кода» предприятия «Б»: А («армия») – С («семья») – Ц («церковь») или А–С–Ц.

К построению модели этико-смысловых кодов организационной культуры

Анализируя выводы по полученным результатам диагностики организационной культуры в региональных предприятиях, отметим, что общий результат в обеих организациях оказался

схожим: этико-смысловой код организационной культуры: А–С–Ц («армия» – «семья» – «церковь»). Данный результат подлежит дальнейшей интерпретации, позволяющей предприятию определить *степень приемлемости* выявленного состояния организационной культуры, в частности ответить на вопрос: соответствует ли существующее состояние организационной культуры потребностям сотрудников (субъективный аспект) и стоящим перед предприятием задачам (объективный аспект)? и принять решение о действиях в отношении культуры предприятия (сохранить или изменить).

В ходе общего цикла наших исследований организационной культуры (2009–2019 гг.) были установлены шесть типов этико-смысловых кодов, связанных с различными задачами жизнедеятельности организаций: 1) код «А–Ц–С» (характерен для организаций, совершающих «прорыв» в условиях дефицита времени); 2) код «Ц–А–С» (решает аналогичную задачу без временных ограничений); 3) код «Ц–С–А» (решает задачу формирования «корпоративной религии»); 4) код «С–А–Ц» (начало деятельности или ее перезапуск); 5) код «С–Ц–А» (задача стабилизации после периода экстремальной активности); 6) код «А–С–Ц» (задача выживания организации).

Раскроем связь выявленной в предприятиях сравнения кодовой комбинации с типом решаемой задачи. Код «А–С–Ц» (задача выживания организации). Организация воспринимает стоящую перед ней задачу как трудную для себя: имеющийся уровень подготовки сотрудников и другие ресурсы, находящиеся в распоряжении организации, воспринимаются как недостаточные. Трудность ощущается как результат несоответствия поставленной цели (задачи) и имеющегося ресурса для ее достижения (информация, знания, навыки, опыт, творчество, технологии, время, финансы и т.д.).

Полученный нами результат ордерной диагностики организационной культуры (А–С–Ц) для региональных подразделений обеих организаций свидетельствует о том, что региональные предприятия находятся в ситуации «выживания» и решают именно эту задачу. Результат представляется, на первый взгляд, парадоксальным, поскольку речь идет о крупных организациях с государственной собственностью, являющихся монополистами в своих отраслях. Однако беседы с руководителями и ведущими специалистами позволяют выявить причины полученного результата.

Так, для предприятия «А» значимым обстоятельством является жесткая система контроля за выполнением системы показателей деятельности, которая предполагает внутрикорпоративное рейтинговое региональных предприятий, постоянное сравнение их показателей и жесткую реакцию руководства на отклонения от задан-

ных параметров. Соответственно региональное предприятие постоянно борется за выполнение производственных показателей. Это состояние руководства региональных предприятий усвоено специалистами-психологами, непосредственно работающими с руководителями и помогающими им в решении возникающих задач. Задача, поставленная перед предприятием, заключается в безупречном выполнении стандартов служебной деятельности, которые соответствуют высоким мировым стандартам или превосходят их. Постоянно происходящее обновление кадрового состава, в том числе управленческого персонала, ставит вопрос о скорости и качестве вывода новых сотрудников на требуемый (высокий) уровень профессиональной деятельности. Несоответствие между классом решаемых предприятием задач и общим уровнем подготовленности персонала создает ситуацию «выживания» для региональных предприятий, вынужденных работать на пределе имеющихся возможностей.

Предприятие «Б» находится в несколько иных условиях деятельности. В частности, оно осуществляет, среди прочего, производственную и торговую деятельность и, таким образом, участвует в рыночной конкуренции со своими продуктами. Конкуренция носит как внутрикорпоративный характер (с другими предприятиями организации), так и осуществляется на международных рынках. Региональное предприятие в настоящее время решает ряд задач по модернизации своей деятельности и имеет определенные «обременения», связанные с предыдущим этапом развития. Для предприятия «Б» тема выживания – это тема закрепления на своих традиционных рынках в изменившихся условиях хозяйствования и возврата на ранее утраченные рынки.

Оба предприятия сравнения не формулируют свое состояние в терминах «выживания» (по крайней мере, публично). Однако в ходе обсуждения полученного результата признается актуальность именно этой задачи.

Интерпретация «правильности» или «неправильности» того ли иного этико-смыслового кода организационной культуры определяется «из будущего», из желательного состояния для предприятия. Например, в случае с предприятием «Б» выбор руководителя в пользу кода «А–Ц–С» (задача – «прорыв» в условиях дефицита времени) означает разработку и реализацию программы по изменению организационной культуры, которая обеспечит поддержку «прорывной» активности на запланированный период времени и позволит из состояния «осады» перейти в состояние «наступление». «Перекодировка» культуры является сегодня решаемой задачей и обеспечивает выход на новый уровень управления организационным поведением.

Заключение

В практическом плане целью социально-психологической диагностики организационной культуры является стремление сопоставить сложившиеся параметры организационной культуры (качественные и количественные) с поставленными целями, принятыми стратегиями их достижения и получаемыми организацией результатами. На протяжении длительного времени решение этой задачи осуществлялось путем использования полученного «диагноза» состояния организационной культуры, заключающегося в оценке ее типовой принадлежности либо выраженности параметров, различающихся в конкретных социально-психологических моделях организационной культуры. Безусловным шагом вперед станет вывод социально-психологических исследований организационной культуры на уровень оценки глубинных механизмов действия данного феномена и их связи с «внешними» аспектами деятельности организаций (результативности и эффективности). В этом отношении триада «смысл – взаимодействие – культура» является перспективным направлением изучения социально-психологического механизма функционирования организационной культуры, а новые гипотезы о строении и работе смысловой системы организационной культуры и полученные в результате их проверки данные – развитием фундаментальной проблематики социально-психологического изучения феномена организационной культуры.

Список литературы

1. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 367 с.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М. : Смысл, 2003. 487 с.
3. Вейк К. Смыслопроизводство в организациях. Харьков : Гуманитарный Центр, 2015. 320 с.
4. Занковский А. Н. Анализ базовых «координат» организационных культур : когнитивные репрезентации организационных понятий в сознании японских и российских менеджеров // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 3. С. 26–36.
5. Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры. М. : Академический проект ; Трикста, 2007. 303 с.
6. Франк С. Л. Сочинения. М. : Правда, 1990. 608 с.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра : Основы этики. М. : Политиздат, 1991. 368 с.
8. Шпет Г. Г. Явление и смысл : феноменология как основная наука и ее проблемы. Томск : Водолей, 1996. 192 с.
9. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. Человек мистический. СПб. : Академический проект, 1999. 206 с.

10. Фромм Э. Психоанализ и этика. М. : Республика, 1993. 415 с.
11. Лefевр В.А. Алгебра совести. М. : Когито- Центр, 2003. 426 с.
12. Moral Psychology : in 3 vols. Vol. 1 : The Evolution of Morality : Adaptation and Innateness / ed. by W. Sinnott-Armstrong. L. : The MIT Press Cambridge, 2008. 584 p.
13. Аксеновская Л. Н. Природа богов и природа людей : функция идеала в этико-смысловой программе античной культуры // *Hypothekai* : сб. ст. по истории античной педагогической культуры / под ред. В. К. Пичугиной. М. : Неолит, 2017. С. 77–107.
14. Аксеновская Л. Н. Ордерная диагностика организационной культуры. Саратов : Наука, 2016. 190 с.

Образец для цитирования:

Аксеновская Л. Н. Этико-смысловые коды организационной культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 413–421. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-413-421>

Ethical and Sense Bearing Codes of Organizational Culture

L. N. Aksenovskaya

Liudmila N. Aksenovskaya, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, liudmila_aksenovskaya@mail.ru

The article presents the results of the study of ethical and sense bearing codes of organizational culture in the framework of the order approach. The content of the concepts of ethical and sense bearing subsystem of culture, cultural program and ethical and sense bearing code of culture is revealed. There are a total of 46 participants in this study from two regional enterprises of Russian state corporations. The main research methods were two order diagnostics of organizational culture (the expression of suborders of organizational culture and the degree of suborder formation). The result of the study showed the similarity of the identified ethical-sensing code of the organizational culture of both enterprises ("Army" – "Family" – "Church"), which corresponds to the task of "survival" as passing through a period of heightened difficulties. There are six types of ethical-sensing codes associated with the solution of certain tasks (a breakthrough in the conditions of a shortage of a temporary resource – code "A–C–F"; a breakthrough in the absence of a time limit – code "C–A–F"; the formation of "corporate religion" – the code "C–F–A"; the beginning of activity or the restart – the code "F–A–C"; stabilization – the code "F–C–A"; "survival" – the code "A–F–C").

Keywords: organizational culture, order approach, ethical-sense system, ethical-sensing code of culture.

References

1. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Men's Search for Sense]. Moscow, Progress Publ., 1990. 367 p. (in Russian).
2. Leontev D. A. *Psichologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy realnosti* [Psychology of sense: the nature, the structure, and the dynamic of the sense reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 487 p. (in Russian).
3. Weick K. E. *Sensemaking in organizations*. London – Thousand Oaks – New Delhi, 1995. 248 p. (Russ. ed.: Veyk K. Smysloproizvodstvo v organizatsiyakh. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2015. 320 p.).
4. Zankovskiy A. N. Analysis of the basic «coordinates» of organizational culture: cognitive representations of organizational concepts in the minds of Japanese and Russian managers. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 1996, vol. 17, no. 3, pp. 26–36 (in Russian).
5. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya model organizatsionnoy kultury* [The Order Model of Organizational Culture]. Moscow, Akademicheskij proekt; Trikssta, 2007. 303 p. (in Russian).
6. Frank S. L. *Sochineniia* [The Works]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 608 p. (in Russian).
7. Losskiy N.O. *Usloviya absolyutnogo dobra: osnovy etiki* [Conditions of Absolute Good: the Basics of Etic]. Moscow, Politizdat, 1991. 368 p. (in Russian).
8. Shpet G. G. *Yavlenie i smysl: fenomenologiya kak osnovnaya nauka i ee problemy* [Phenomenon and Sense: Phenomenology as Fundamental Science and Its Problems]. Tomsk, Vodoley Publ., 1996. 192 p. (in Russian).
9. Neumann E. *Depth psychology and a new ethic*. Boston, London, 1990. 168 p. (Russ. ed.: Noymann E. *Glubinnaya psikhologiya i novaya etika. Chelovek misticheskij*. St. Petersburg, Akademicheskij proekt, 1999. 206 p.).
10. Fromm E. *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 415 p. (in Russian).
11. Lefebvre Vladimir A. *Algebra of Conscience*. Springer Science&Business Media, 2001. 358 p. (Russ. ed.: Lefevr V. A. *Algebra sovesti*. Moscow, Kogito-Tsentr, 2003. 426 p.).
12. *Moral Psychology in 3 vols. Vol. 1: The Evolution of Morality: Adaptation and Innateness*. Ed. by W. Sinnott-Armstrong. London, The MIT Press Cambridge, 2008. 583 p.
13. Aksenovskaya L. N. The Nature of Gods and the Nature of People: the Ideal Function in Ethical – Sensing Program of Ancient Culture. In: *Hypothekai: sbornik statey po istorii antichnoy pedagogicheskoy kultury* [Hypothekai: the Collection of Articles on the History of Ancient Pedagogical Culture]. Ed. by V. K. Pichygina. Moscow, Neolit Publ., 2017, pp. 77–107 (in Russian).
14. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya diagnostika organizatsionnoy kultury* [Order Diagnostics of Organizational Culture]. Saratov, Nauka Publ., 2016. 190 p. (in Russian).

Cite this article as:

Aksenovskaya L. N. Ethical and Sense Bearing Codes of Organizational Culture. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 413–421. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-413-421>

УДК 316.6

Соотношение зависти, субъективного благополучия и владения социальными навыками

Р. М. Шамионов

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shamionov@mail.ru

Проблема детерминации завистливости, разноуровневых механизмов ее регуляции – одна из актуальных в современном динамичном и весьма дифференцированном обществе. Исследование соотношения зависти, субъективного благополучия и владения социальными навыками способно раскрыть направленность связей между этими переменными. Цель исследования – изучить соотношение завистливости и характеристик субъективного благополучия и социальных навыков. В исследовании приняли участие 196 человек обоего пола (44% мужчин) в возрасте $M = 28,6$; $SD = 8,5$. Использованы методика диагностики завистливости личности и предметных областей зависти (Т. В. Бескова), методика измерения субъективного благополучия личности Р. М. Шамионова и Т. В. Бесковой, опросник уровня сформированности социальных навыков (разработан Д. Н. Хломовым, С. А. Баклушинским, О. Ю. Казьминой на основе модели социального поведения А. П. Гольштейна). Определена регулирующая роль социальных навыков (умений) в функционировании зависти и роль последней в вариациях субъективного благополучия личности. Показано, что 14% вариаций зависти-неприятности, 8% вариаций зависти-уныния и 7% вариаций предметной зависти объясняются уровнем владения социальными навыками. Эмоциональная удовлетворенность объясняет до четверти вариаций зависти в разных ее проявлениях: 22% предметной зависти, 14% зависти-неприятности, 17% вариаций зависти-уныния. Результаты структурного моделирования позволили выявить опосредующую роль зависти во взаимосвязи социальных умений и субъективного благополучия.

Ключевые слова: зависть, субъективное благополучие, социальные навыки, структура, модель SEM.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-422-431>

Зависть как целостное явление

Социально-психологические исследования зависти, активизировавшиеся в последние десятилетия, позволили в значительной степени продвинуться в психологическом понимании этого феномена, его структуры, детерминант, динамики и компенсаторных механизмов [1–12]. Несмотря на остающиеся противоположные позиции относительно трактовки этого явления как сугубо негативного, разрушающего личность и систему отношений человека с окружающим миром, и как явления, имеющего две стороны, характеризующие зависть со стороны ее негативных и позитивных (стимулирующая к развитию, к активности) функ-

ций («черная» и «белая»), существует понимание того, что зависть в современном обществе играет важную роль с точки зрения не только межличностных (и даже межгрупповых) отношений, но и социально-экономических и даже политических. Вместе с тем важным обстоятельством является то, что зависть может играть опосредующую роль между эффектами социализации личности и ее субъективным благополучием, тем самым, с одной стороны, отражая связь с критериальными характеристиками социальной успешности личности, а с другой – с переживанием комфорта, удовлетворенности и осмысленности бытия.

Эмпирические исследования зависти как злонамеренной и доброкачественной (мотивирующей на достижения) в последние годы заметно активизировались. В результате получены данные как подтверждающие, так и опровергающие ее дифференциацию. Так, в исследовании роли злонамеренной и доброкачественной зависти на рабочем месте было показано, что активизация злонамеренной зависти («черная» зависть) приводит к увеличению воспринимаемой несправедливости, более высоким отрицательным эмоциям и контрпродуктивному поведению в отношении к завидному сотруднику [13]. Недавно проведенное исследование коллектива авторов [14] убедительно доказывает неверность допущения того, что «черная» зависть разрушительна, а «белая» – полностью конструктивна. И то и другое связано с темной триадой. Поэтому авторы призывают не искать нравственность в зависти, а сосредоточиться на ее функциональной ценности. Иначе говоря, вне зависимости от внутренней оценки зависти (черная–белая) она носит разрушительный характер. Об этом ранее высказывалась В. А. Лабунская, в научной школе которой выполнен целый ряд исследований зависти [1], а позднее – Т. В. Бескова, изучившая зависть как отношение личности [4].

Зависть в контексте социальной успешности

Исследования зависти в контексте социальной (и экономической) успешности своей и чужой традиционно охватывают множество явлений, начиная с коммуникативной, перцептивной и поведенческой составляющих успешности и заканчивая объективными характеристиками успешности экономической. В результате наших

исследований не удалось выявить прямой связи завистливости (неприязни и уныния) и собственной экономической эффективности, но установлено, что зависть-уныние связана с экономической тревогой и финансовой депривацией прямо и опосредованно, через достаточность экономического статуса – низкая зависть детерминирует оценку достаточности экономического статуса, которая обуславливает снижение экономической тревоги и оценку финансовой депривации [15].

Вместе с тем зависть соотносится и с социальной эффективностью, основой которой являются социальные умения личности. В результате теоретического исследования нами было установлено, что в условиях недостаточного владения социальными навыками зависть часто становится нескрываемой и явной, не вполне рефлексированной. Отсутствие социальной конгруэнтности, связанное с недостатками социализации личности, допускает реализацию завистливого отношения и его внутреннюю легитимизацию за счет гиперболизации незаслуженности достижений Другого [6]. Таким образом, социальные умения являются не просто способами социального бытия, но и индикаторами социализации личности (ее эффектами) и регулятором завистливого отношения.

Социальные навыки личности не только регулируют повседневные взаимодействия субъекта с другими, но в немалой степени являются регуляторами завистливого отношения, поскольку способствуют разрешению в пользу конструктивных отношений различные несоответствия в социальной перцепции. Несмотря на то, что социальная перцепция выступает наиболее общим механизмом формирования завистливого отношения, социальные навыки регулируют проявления завистливости.

В результате наших исследований [5] взаимосвязи зависти и субъективных свойств (в частности, социальной компетенции, активности, ответственности и др.) сформулирован вывод о взаимосвязи завистливого отношения к превосходству другого в ряде сфер и низкой субъективной позиции личности. Анализ атрибуции успеха и ее самооценки в соотнесении с завистливостью позволил установить, что завистливость связана с экстернальностью в оценке собственной неуспешности и нескритичностью, а независтливость – с интернальностью и самокритичностью. Иначе говоря, завистливость связана с такими эффектами социализации личности, которые обуславливают ее способность к активности, ответственности, самостоятельности и успешности в социальных контактах. Вместе с тем, как показано в исследовании коллектива авторов, диспозиционная зависть может подавлять просоциальное поведение, а высокая самооценка – усиливать негативную роль диспозиционной зависти в просоциальном поведении [16]. Эти данные свидетельствуют в

пользу того, что зависть вступает в противоречие с самой необходимостью социальных умений для личностей определенного склада.

Зависть и субъективное благополучие

Взаимосвязь зависти и субъективного благополучия изучалась в теоретическом [5] и эмпирическом аспектах [17]. Так, были установлены взаимосвязи между показателями субъективного благополучия (удовлетворенность жизнедеятельностью и эмоциональный компонент благополучия) и зависти и сделан вывод о том, что завистливые не достигают оптимального уровня субъективного благополучия ни при созерцательной, ни при активной позиции и, более того, их стремление «снять» превосходство другого не приводит к ожидаемой удовлетворенности. Данные исследования не устанавливают причинно-следственной связи между указанными переменными. Тем не менее можно предположить, что зависть, будучи «бесплодной» по отношению к завидующему, не способна обеспечить достижение благополучия даже в случае нивелирования превосходства путем воздействия на его предмет или его носителя. С другой стороны, субъективное неблагополучие, скорее, также является фактором завистливости в том смысле, что оно постоянно требует своего атрибутивного «подтверждения» в результате социального сравнения. В то же время испанские исследователи [18] приходят к выводу о том, что страдание от наблюдения за более бедными другими, «парадоксально», увеличивает благополучие. Механизмы зарождения зависти и благополучия весьма близки по своему содержанию: и то и другое связано с социальным сравнением, соотнесением достигнутого собой или (и) другими с неким эталоном. Только в одном случае это приводит к удовлетворению, в другом – к напряжению и мотивации достижения или к зависти.

Совершенно не случайно в исследовании Л. В. Карапетян [19] завистливость включена в качестве компонента в структуру эмоционально-личностного благополучия (как характеристика личностного неблагополучия). Иначе говоря, зависть понимается автором как индикатор (наряду с пессимизмом и несчастьем) негативного отношения к различным аспектам своей жизни, взаимодействию с миром. Это значит, что в данном представлении зависть в принципе не может быть благополучной, а стало быть завистливый не способен достичь ни состояния внутреннего комфорта, ни равновесия с миром и другими людьми. Это же относится и к так называемой «белой» зависти. Вместе с тем, как показано в исследовании коллектива авторов [20], зависть, концептуализированная и измеренная как единая конструкция, может привести к широкому спектру реакций как социально желательных, так и нежелательных,

в зависимости от личных и ситуационных модераторов. Очевидно, зависть может рассматриваться не только (и даже не столько) как прямая детерминанта субъективного благополучия, но и как некая призма, сквозь которую воспринимается мир и преломляются события и ситуации. Например, как показано испанскими исследователями [18], страдание от наблюдения за более бедными Другими «парадоксально», повышает уровень благополучия, но в наших исследованиях было установлено, что предубеждения в большей степени возникают в отношении не тех, кто имеет более низкие доходы и статус, а напротив, в отношении тех, кто имеет более высокое экономическое и социальное положение [15]. Поэтому исследование этих переменных должны быть разноплановыми, чтобы выяснить роль каждого в этой системе.

Таким образом, исследования зависти в указанных контекстах устанавливают связь между социальными событиями, субъектами их реализации и субъективным их отражением, где тесные и практически сопряженные характеристики зависти и субъективного благополучия выступают регуляторами поведения субъекта.

Поэтому исследование зависти в контексте субъективного благополучия и владения личностью социальными умениями – важная задача, решение которой будет способствовать пониманию зависти как социально-психологического явления.

Предполагается взаимосвязанность характеристик зависти, субъективного благополучия и социальных навыков личности. Наиболее важными для завистливости личностной и предметной выступают начальные социальные навыки и эмоциональное благополучие. Возможна регулирующая роль социальных навыков и благополучия в формировании зависти.

Цель исследования – изучить соотношение завистливости и характеристик субъективного благополучия и социальных навыков.

Методика

В исследовании приняли участие 196 человек обоего пола. Средний возраст составил $M = 28,6$ лет, $SD = 8,5$ (44% мужчин). Жителей города – 85%, села – 13,8%. Женаты (замужем) 54,4%. Средний доход на человека в семье составляет 18,4 тыс. руб., по интервалам: до 10 тыс. руб. – 26%, 11–20 тыс. руб. – 48,5%, 21–30 тыс. руб. – 16,3%, 31–40 тыс. руб. – 3,6%, более 41 тыс. руб. – 4,1%.

Использованы следующие методики. Методика исследования завистливости личности Т. В. Бесковой [21] (47 пунктов) состоит из четырех шкал: интегральной оценки завистливости (32 пункта; максимальный балл – 128), зависти-неприязни (ЗН) (17 пунктов; максимальный балл – 68), зависти-уныния (ЗУ) (15 пунктов; максимальный балл – 60), маскировки зависти

(15 пунктов; максимальный балл – 60), которая не используется в процессе анализа. Пункты оцениваются согласно 5-балльной шкале (0 – полностью не согласен, 4 – полностью согласен). Все шкалы показали достаточный уровень внутренней согласованности: α Cronbach = 0.67–0.90; χ^2 Friedman = 36.13, $p < 0.001$.

Шкалы косвенной оценки зависти Т. В. Бесковой предполагают измерение (от 1 до 5) завистливости в зависимости от сферы превосходства другого (физическое, социальное, материальное превосходство, в профессиональной сфере (карьера), в сфере межличностных и семейных отношений и т.д.); использована шкала: 1 – не завидую никогда; 2 – в основном не завидую; 3 – затрудняюсь ответить; 4 – завидую; 5 – сильно завидую. Все шкалы показали достаточный уровень внутренней согласованности: α Cronbach = 0.88–0.89; χ^2 Friedman = 143.003, $p < 0.001$.

Методика измерения субъективного благополучия личности Р. М. Шамионова и Т. В. Бесковой [22] включает интегральную оценку благополучия и 5 шкал: Эмоциональное благополучие; Экзистенциально-деятельностное благополучие; Эго-благополучие; Гедонистическое благополучие; Социально-нормативное благополучие. Все шкалы показали высокий уровень внутренней согласованности: α Cronbach = 0.81–0.90; χ^2 Friedman = 153.79, $p < 0.001$.

Опросник уровня сформированности социальных навыков (разработан Д. Н. Хломовым, С. А. Баклушинским, О. Ю. Казьминой на основе модели социального поведения А. П. Гольштейна [23]) включает 37 пунктов, каждый из которых оценивается от 1 до 5 баллов. В результате заполнения опросника выводится 5 шкал: Начальные социальные навыки; Самовыражение в разговоре; Реакция на мнение Другого; Навыки планирования действий; Альтернативы агрессивному поведению. Все шкалы показали достаточный уровень внутренней согласованности: α Cronbach = 0.76–0.81; χ^2 Friedman = 54.86, $p < 0.001$.

Социально-демографические показатели (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, доход, место проживания) и религиозность выявлялись с помощью разработанного опросника.

Для статистического анализа использовались первичные статистики, корреляционный анализ по методу Пирсона, предварительный регрессионный анализ с применением статистического пакета SPSS-22. Для структурного моделирования применялась программа AMOS-19.

Результаты исследования

Средние, стандартные отклонения, коэффициент альфа Кронбаха по каждой шкале и корреляции между ними представлены в таблице.

Описательная статистика и корреляции между параметрами

Параметры	М	SD	Альфа	ЗН	ЗУ	ЗП	НСН	СВР	РМД	НПД	ААП	ЭБ	ЭДБ	ЭГБ	ГЕБ	СНБ
ЗН	11,10	9,93	0,82	1,00	,82**	,47**	-,37**	-,014	-,32**	-,23*	-,25**	-,38**	-,30**	-,34**	-,22*	-,29**
ЗУ	15,48	9,98	0,82	,82**	1,00	,50**	-,26**	-,005	-,017	-,20*	-,013	-,42**	-,37**	-,38**	-,29**	-,22*
ЗП	1,24	0,69	0,89	,47**	,50**	1,00	-,25*	-,20*	-,22*	-,22*	-,26**	-,43**	-,41**	-,47**	-,29**	-,37**
НСН	3,90	0,56	0,81	-,37**	-,26**	-,25*	1,00	,42**	,44**	,39**	,48**	,28**	,27**	,32**	0,10	,34**
СВР	3,54	0,48	0,80	-,014	-,005	-,20*	,42**	1,00	,53**	,35**	,53**	,26**	,28**	,29**	0,03	,30**
РМД	3,71	0,56	0,77	-,32**	-,017	-,22*	,44**	,53**	1,00	,52**	,55**	,27**	,26**	,28**	,24*	,35**
НПД	3,87	0,61	0,79	-,23*	-,20*	-,22*	,39**	,35**	,52**	1,00	,60**	,28**	,25*	,27**	0,14	,29**
ААП	3,62	0,52	0,76	-,25**	-,013	-,26**	,48**	,53**	,60**	,60**	1,00	,35**	,30**	,41**	0,15	,30**
ЭБ	3,90	0,57	0,82	-,38**	-,42**	-,43**	,28**	,26**	,27**	,28**	,35**	1,00	,81**	,73**	,37**	,72**
ЭДБ	3,71	0,64	0,81	-,30**	-,37**	-,41**	,27**	,28**	,26**	,25*	,30**	,81**	1,00	,73**	,47**	,65**
ЭГБ	3,49	0,76	0,81	-,34**	-,38**	-,47**	,32**	,29**	,28**	,27**	,41**	,73**	,73**	1,00	,48**	,63**
ГЕБ	3,24	0,76	0,90	-,22*	-,29**	-,29**	0,10	0,03	,24*	0,14	0,15	,37**	,47**	,48**	1,00	,29**
СНБ	4,09	0,54	0,84	-,29**	-,22*	-,37**	,34**	,30**	,35**	,29**	,30**	,72**	,65**	,63**	,29**	1,00

Примечание. Условные обозначения: ** корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.); * корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.); зависть-неприятность (ЗН); зависть-уныние (ЗУ); зависть предметная (ЗП); начальные социальные навыки (НСН); самовыражение в разговоре (СВР); реакция на мнение Другого (РМД); навыки планирования действий (НПД); альтернативы агрессивному поведению (ААП); эмоциональное благополучие (ЭБ); экзистенциально-деятельностное благополучие (ЭДБ); это-благополучие (ЭГБ); гедонистическое благополучие (ГЕБ); социально-нормативное благополучие (СНБ).

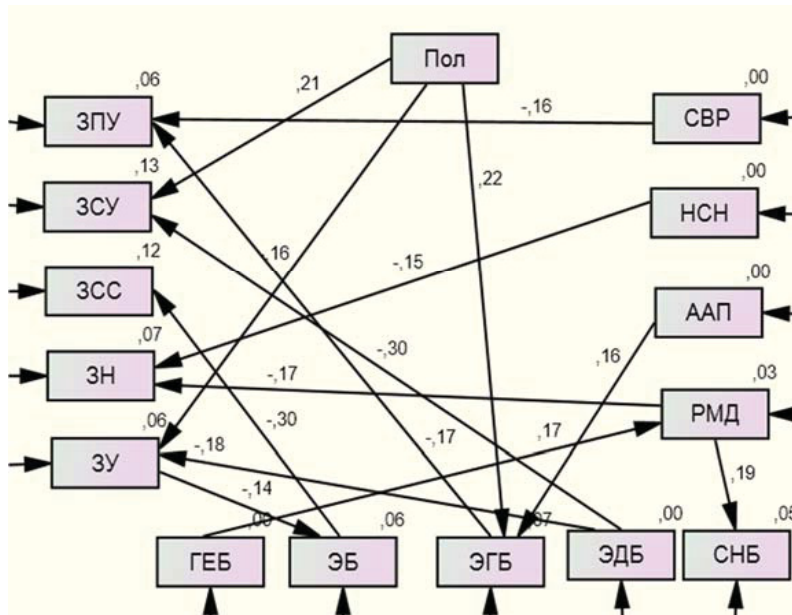

Полученные данные свидетельствуют о достаточной внутренней согласованности шкал зависти, социальных навыков и субъективного благополучия личности. Из результатов корреляционного анализа следует, что показатели предметной (и, следовательно, ситуативной) зависти связаны со всеми шкалами владения социальными навыками отрицательно, что свидетельствует в пользу того, что лица, владеющие социальными навыками на достаточном уровне, менее завистливы в обычных ситуациях взаимодействия. Практически аналогичны и результаты корреляционного анализа зависти-неприязни и уровня владения социальными навыками. Исключением является шкала самовыражения в разговоре. Взаимосвязи зависти-уныния и социальных навыков ограничены лишь шкалами начальных социальных навыков и навыков планирования действий. Результаты корреляционного анализа также свидетельствуют о сопряженности зависти и субъективного благополучия (отрицательно), что говорит о том, что завистливые менее благополучны и испытывают неудовлетворенность разного рода, начиная с элементарных потребностей и завершая экзистенциальной неудовлетворенностью. Кроме того, владение социальными навыками тесно связано с субъективным благополучием личности. Исключением является шкала гедонистического благополучия. Очевидно, удовлетворенность доходом и условиями жизни не связана с социальными навы-

ками. Полученные данные также свидетельствуют о хороших перспективах регрессионного анализа и последующего структурного моделирования для выявления направленности связей между изучаемыми переменными.

Результаты регрессионного анализа по методу шагового отбора позволили установить, что важнейшим предиктором зависти в разных ее проявлениях является владение начальными социальными навыками. Так, 14% вариаций зависти-неприязни [$R^2 = 0.14$; $F = 15.98$, $p < 0.001$], 8% вариаций зависти-уныния [$R^2 = 0.08$; $F = 8.17$, $p < 0.005$] и 7% вариаций предметной зависти [$R^2 = 0.07$; $F = 7.21$, $p < 0.01$] объясняются уровнем владения социальными навыками. Эмоциональная удовлетворенность объясняет до четверти вариаций зависти в разных ее проявлениях: 22% предметной зависти [$R^2 = 0.22$; $F = 28.91$, $p < 0.001$], 14% зависти-неприязни [$R^2 = 0.14$; $F = 16.62$, $p < 0.001$], 17% вариаций зависти-уныния [$R^2 = 0.17$; $F = 21.09$, $p < 0.001$]. Однако определить направления связи здесь невозможно.

В результате структурного моделирования (рис. 1) удалось установить направленность связей от социальных навыков к различным характеристикам зависти – как личностного образования и ситуативного. Однако их совокупный вклад в вариации зависти не высок. Так, начальные социальные навыки и реакции на мнение Другого в совокупности обуславливают лишь 7% вариаций

CMIN = 64.339; df = 65; p = .500; CFI = 1.000; AGFI = .864; GFI = .926; RMSEA = .000; PCLOSE = .898

Рис. 1. Структурная модель соотношения компонентов зависти, социальных навыков и субъективного благополучия

зависти-неприязни (отрицательно). Самовыражение в разговоре совместно с эго-благополучием объясняют лишь 6% вариаций зависти к профессиональным(учебным) успехам. Более весом вклад показателей благополучия на вариации зависти. Так, 13% вариаций зависти к социальным умениям обусловлено совместным действием пола и экзистенциально-деятельностного благополучия, 12% зависти к социальному статусу обусловлено эмоциональным благополучием.

Из приведенной модели следует неоднозначная связь между разными составляющими ее параметрами. Так, с одной стороны, эмоциональное благополучие, экзистенциально-деятельностное и эго-благополучие обуславливают вариации ситуативной зависти, а зависть-уныние детерминирует вариации эмоционального благополучия. Социальные навыки альтернативы агрессивному поведению и реакции на мнения Другого объясняют соответственно вариации эго-благополучия и социально-нормативного благополучия, а гедонистическое благополучие – (незначительно) положительно влияет на реакции на мнения Другого.

Обсуждение

Результаты корреляционного анализа показывают достаточно высокий уровень сопряженности характеристик социальных навыков и предметной зависти и зависти-неприязни. Зависть-уныние связана лишь с двумя параметрами, которые характеризуют владение человеком начальными навыками – способностью вступить в контакт и участвовать в разговоре и способностью планировать и готовиться к социально-коммуникативному действию. Очевидно, данный набор является тем минимальным уровнем владения социальными навыками, который оказывается достаточным для социальной самореализации, что и выступает фактором низкой зависти-уныния. В целом, как видно из результатов исследования, лица, владеющие социальными навыками, характеризуются менее выраженной завистливостью как на ситуативном уровне, так и на личностном. Эти данные согласуются с исследованиями, в которых показано, что диспозиционная зависть не способствует установлению теплых взаимоотношений с Другими [16]; становление социальных умений сопровождается формированием отношения к Другому как партнеру, а к себе – с позиции интернальности [6].

Согласованность зависти и субъективного благополучия личности в настоящем исследовании подтверждает известные результаты, полученные нами ранее [17, 24]. Такая взаимосвязь вполне предсказуема, поскольку зависть предполагает неудовлетворенность результатами социального сравнения, соотнесения собственных достижений

и(или) фактического уровня каких-либо важных для человека параметров бытия, физического, социального или психологического (социально-психологического) статуса. В. А. Лабунской получены данные, свидетельствующие о том, что, например, обладатели привлекательного внешнего облика сталкиваются с завистью [2]. В результате наших исследований также удалось выявить устойчивую отрицательную корреляционную связь между эго-благополучием и завистью к внешнему облику $r = -0,450$; $p < 0,01$), умению общаться ($r = -0,229$; $p < 0,05$), что свидетельствует о том, что, не обладая «удовлетворительным» (в своей оценке) внешним обликом, неудовлетворительными социальными умениями, субъект «замечает» соответствующие характеристики у Других и испытывает неудовлетворенность.

В процессе регрессионного анализа нами выявлена значимая роль в вариациях зависти различного типа начальных социальных навыков и эмоционального благополучия. Однако направленность этих связей на данном этапе неочевидна, так как общее неблагополучие может быть фактором зависти и завистливость может стать источником неудовлетворенности в разных областях. В исследованиях, проведенных ранее, точного ответа на данный вопрос не получено. Поэтому на следующем этапе – этапе структурного моделирования – будут введены экзогенные переменные, которые позволят более точно определить направление связей.

Из приведенной модели следует неоднозначная связь между разными составляющими ее параметрами. Так, с одной стороны, эмоциональное благополучие, экзистенциально-деятельностное и эго-благополучие обуславливают вариации ситуативной зависти, а зависть-уныние детерминирует вариации эмоционального благополучия. Социальные навыки альтернативы агрессивному поведению и реакции на мнения Другого положительно объясняют соответственно вариации эго-благополучия и социально-нормативного благополучия, а гедонистическое благополучие – (незначительно) положительно влияет на реакции на мнения Другого. Таким образом, социальные навыки «специализируются» в детерминации различных характеристик зависти.

Несмотря на то, что в расширенной (компонентной) модели нами не обнаружены модераторы (медиаторы) взаимосвязей различных переменных, гипотеза об устойчивости конфигурации взаимосвязей трех изучаемых явлений остается в силе. Поэтому на следующем этапе нами проведено моделирование на основе обобщенных (интегральных) характеристик завистливости, субъективного благополучия, владения социаль-

ными навыками. В результате получена модель с приемлемыми показателями согласованности (рис. 2). В качестве экзогенной переменной в ней выступает уровень дохода, который влияет на субъективное благополучие. Необходимо отметить, что в наших ранее проведенных исследованиях [24], а также исследованиях других авторов [25] прямая связь между субъективным благополучием и уровнем дохода проявляется не всегда. В данном случае обнаружена значимая корреляция между этими переменными ($r = 0,28$ при $p < 0,01$) и, соответственно, регрессия. Все иные, не представленные в модели направления связей ухудшают ее параметры. В данной модели видно, что социальные навыки детерминируют

вариации переменных «субъективное благополучие» (положительно) и «зависть» (отрицательно). Это говорит о том, что владение социальными навыками в значительной степени способствует переживанию удовлетворенности не только межличностными отношениями, но и (возможно, через них) удовлетворенностью деятельностью, осмысленностью жизни и т.п. В то же время недостаточное владение социальными навыками является фактором завистливого отношения. Соответственно, завистливость выступает снижающим субъективное благополучие фактором. Из приведенной модели видно, что завистливость является модератором влияния социальных навыков на субъективное благополучие.

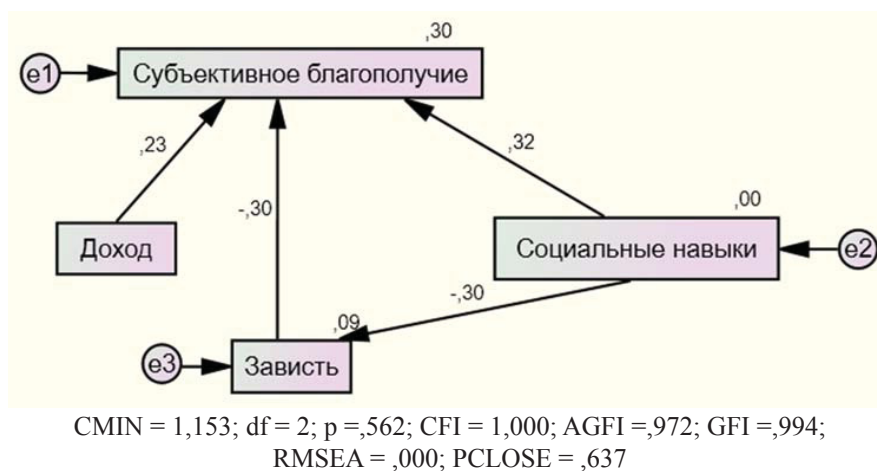

Рис 2. Структурная модель, включающая интегральные параметры субъективного благополучия, социальных навыков и зависти

Из представленной модели также видно, что совокупный вклад в вариации субъективного благополучия дохода, социальных навыков и зависти составляет порядка 30%, а социальных навыков на зависть – всего 9%.

Заклучение

Исследования соотношения социальных навыков, субъективного благополучия и завистливости личности позволили выявить достаточно устойчивые корреляции, свидетельствующие о связанности этих явлений. Однако использование регрессионного анализа дало возможность выявить только две переменные, наиболее отчетливо проявляющиеся в регрессионном уравнении. Со стороны социальных навыков – это начальное владение социальными навыками, а со стороны благополучия – эмоциональное благополучие. Использование метода структурного моделирования позволило уточнить направленность связей и в целом их конфигурацию.

На основании проведенного исследования сформулированы следующие выводы.

1. Различные формы зависти сопряжены с низким владением социальными навыками как на уровне коммуникации, так и на уровне владения собой и планирования действий, использования альтернативы агрессивному поведению и т.п. Наиболее явно это проявляется в случае зависти-неприязни и предметной зависти. Зависть-уныние в наименьшей степени связана с социальными навыками.

2. Различные формы зависти негативно связаны со всеми компонентами субъективного благополучия. Их сопряженность означает низкий уровень благополучия у лиц, характеризующихся высокой степенью завистливости – личностной и ситуативной.

3. В результате структурного моделирования установлены связи, отражающие их межфункциональную неоднозначность. Начальные социальные навыки и реакции на мнение Другого в

совокупности обуславливают лишь 7% вариаций зависти-неприязни (отрицательно). Самовыражение в разговоре совместно с эго-благополучием объясняют лишь 6% вариаций зависти к профессиональным (учебным) успехам. Более весом вклад показателей благополучия на вариации зависти. Так, 13% вариаций зависти к социальным умениям обусловлено совместным действием пола и экзистенциально-деятельностного благополучия, 12% зависти к социальному статусу – эмоциональным благополучием.

4. В результате структурного моделирования с использованием в качестве эндогенных переменных интегральных показателей, а в качестве экзогенной – уровня дохода, удалось создать достаточно устойчивую модель, в которой зависть выступила в качестве модератора прямой причинной связи между социальными навыками и субъективным благополучием.

Ограничения исследования

Данное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, общая выборка недостаточна для выводов, распространяемых на всю выборочную совокупность. Во-вторых, в исследовании не введены переменные ценностей, которые, по нашему предположению, могут в значительной степени объяснить вариации зависти и опосредовать прямые причинные связи других переменных. Наконец, необходим анализ обозначенных взаимосвязей с более тонкой дифференциацией на основе различных переживаний личности.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Социально-психологическая структура, детерминанты и механизмы регуляции зависти» № 18-013-00134 А).

Список литературы

1. Лабунская В. А. Зависть, безнадежность и надежда как способ преобразования бытия субъекта // *Личность и бытие : субъектный подход*. Краснодар : Кубанский университет, 2005. С. 120–137.
2. Лабунская В. А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // *Социальная психология и общество*. 2010. № 1. С. 26–39.
3. Донцов А. И. Феномен зависти. Homo invidens? М. : Эксмо, 2014. 512 с.
4. Бескова Т. В. Социально-психологическая структура и детерминанты зависти. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 324 с.
5. Шамионов Р. М. Взаимосвязь «субъектных» свойств личности и склонности к зависти // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 93–98.
6. Шамионов Р. М. Зависть как эффект социализации личности в условиях недостаточного владения социальными навыками // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 214–219. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-214-219
7. Муздыбаев К. Завистливость личности // *Психологический журнал*. 2002. Т. 23, № 6. С. 42–43.
8. Anderson M. K. Concretization and envy // *Canadian Journal of Psychoanalysis*. 2011. Vol. 19 (1). P. 125–131.
9. van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R. Leveling Up and Down : The Experiences of Benign and Malicious envy // *Emotion*. 2009. Vol. 9 (3). P. 419–429.
10. van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R. Warding Off the Evil Eye : When the Fear of Being Envied Increases Prosocial Behavior // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21 (11). P. 1671–1677.
11. van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R. Why Envy Outperforms Admiration // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011. Vol. 37 (6). P. 784–795.
12. Debbane E. Envy and Its Relation to Destructiveness // *Canadian Journal of Psychoanalysis*. 2011. Vol. 19 (1). P. 108–124.
13. Navarro-Carrillo G., Beltran-Morillas A. M., Valor-Segura I., Expósito F. The Pernicious Effects of Malicious Versus Benign Envy : Perceived Injustice, Emotional Hostility and Counterproductive Behaviors in the Workplace // *Span J. Psychol*. 2018. Vol. 21. DOI: <https://doi.org/10.1017/sjp.2018.49>
14. Lange J., Paulhus D. L., Crusius J. Elucidating the Dark Side of Envy : Distinctive Links of Benign and Malicious Envy With Dark Personalities // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44, no. 4. P. 601–614. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167217746340>
15. Шамионов Р. М. Взаимосвязь завистливости и характеристик объективного и субъективного экономического благополучия личности // *Экспериментальная психология*. 2019. Т. 7, № 2. С. 77–87.
16. Yu Zh., Hao J., Shi B. Dispositional Envy Inhibits Prosocial Behavior in Adolescents with High Self-Esteem // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 122. P. 127–133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.10.022>
17. Бескова Т. В., Шамионов Р. М. Особенности субъективного благополучия субъектов зависти и соперничества // *Российский психологический журнал*. 2011. Т. 8, № 2. С. 9–18.
18. Espin A. M., Moreno-Herrero D., Sanchez-Campillo J., Rodríguez Martín J. A. Do Envy and Compassion Pave the Way to Unhappiness? Social Preferences and Life Satisfaction in a Spanish City // *Journal of Happiness Studies*. 2018. Vol. 19, iss. 2. P. 443–469. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9828-8>
19. Каранетян Л. В., Глотова Г. А. Структурная модель

- эмоционально-личностного благополучия // Национальный психологический журнал. 2018. № 2 (30). С. 46–56. DOI: 10.11621/npj.2018.0206
20. Cohen-Charash Y., Larson E. C. An Emotion Divided: Studying Envy is Better Than Studying “Benign” and “Malicious” Envy // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26, iss. 2. P. 174–183. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721416683667>
21. Бескова Т. В. Методика диагностики зависти // *Вопр. психологии*. 2012. № 2. С. 127–141.
22. Шамионов Р. М., Бескова Т. В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11, № 60. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.05.2019).
23. Хломов Д. Н., Баклушинский С. А., Казьмина О. Ю. Руководство по оценке уровня развития социального поведения старшеклассников. М.: Центр социологии образования РАО, 1993. 147 с.
24. Шамионов Р. М. Зависть в системе социально-экономических установок и активность личности // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2011. Т. 4, № 4. С. 46–52.
25. Хащенко В. А. Психология экономического благополучия. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 426 с.

Образец для цитирования:

Шамионов Р. М. Соотношение зависти, субъективного благополучия и владения социальными навыками // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 422–431. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-422-431>

The Ratio of Envy, Subjective Well-Being and Social Skills

R. M. Shamionov

Rail M. Shamionov, <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, shamionov@mail.ru

The problem of determination of envy, multi-level mechanisms of its regulation is one of the urgent problems in today's dynamic and highly differentiated society. The study of the relationship of envy, subjective well-being and social skills can reveal the direction of the links between these variables. The study involved 196 people of both sexes (44% of men) aged $M = 28.6$; $SD = 8.5$. The research was based on the technique for the diagnosis of personal enviousness and subject areas of envy (T. V. Beskova), methods of measuring subjective well-being of the individual by R. M. Shamionov and T. V. Beskova, the questionnaire of the level of development of social skills (designed by D. N. Khlomov, S. A. Baklushinskii, O. Y. Kazmina on the basis of patterns of social behavior by A. P. Goldstein). The regulating role of social skills (abilities) in the functioning of envy and the role of the latter in the variations of subjective well-being of the individual are determined. It is shown that 14% of variations of envy-dislike, 8% of variations of envy-despondency and 7% of variations of object envy are attributed to the level of possession of social skills. Emotional satisfaction accounts for up to a quarter of the variations of envy in its various manifestations: 22% of the object envy, 14% of envy-dislike, 17% variations of envy-despondency. The results of structural modeling revealed the mediating role of envy in the relationship of social skills and subjective well-being.

Keywords: envy, subjective well-being, social skills, structure, SEM model.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “The socio-psychological structure, determinants and mechanisms of regulation of envy” No. 18-013-00134 A).*

References

1. Labunskaya V. A. Envy, Hopelessness and Hope as a Way of Transforming the Subject's Being. In: *Lichnost' i bytie: sub'ektnyj podkhod* [Personality and Being: a Subject Approach]. Krasnodar, Kuban State University, 2005, pp. 120–137 (in Russian).
2. Labunskaya V. A. “Visible person” as a Socio-Psychological Phenomenon. *Social Psychology and Society*, 2010, no. 1, pp. 26–39 (in Russian).
3. Dontsov A. I. *Fenomen zavisti* [Phenomenon of envy. Homo invidens?]. Moscow, Eksmo, 2014. 512 с. (in Russian).
4. Beskova T. V. *Sotsial'no-psikhologicheskaya struktura i determinanty zavisti* [Socio-Psychological Structure and Determinants of Envy]. Saratov, Publishing house Sarat. university, 2013. 324 p. (in Russian).
5. Shamionov R. M. The Link «Subjective» Personal Properties and Envy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, iss. 4, pp. 93–98 (in Russian).
6. Shamionov R. M. Envy as an Effect of Socialization of the Person in Conditions of Insufficient Possession of Social Skills. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 214–219 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-214-219
7. Muzdybaev K. Envy of Personality. *Psychologicheskii journal*, 2002, vol. 23, no. 6, pp. 42–43 (in Russian).
8. Anderson M. K. Concretization and Envy. *Canadian Journal of Psychoanalysis*, 2011, vol. 19 (1), pp. 125–131.
9. van de Ven N., Zeelenberg M. & Pieters R. Leveling Up and Down: The Experiences of Benign and Malicious envy. *Emotion*, 2009, vol. 9 (3), pp. 419–429.
10. van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R. Warding Off the Evil Eye: When the Fear of Being Envied Increases Prosocial Behavior. *Psychological Science*, 2010, vol. 21 (11), pp. 1671–1677.

11. van de Ven N., Zeelenberg M. & Pieters R. Why Envy Outperforms Admiration. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2011, vol. 37 (6), pp. 784–795.
12. Debbane E. Envy and Its Relation to Destructiveness. *Canadian Journal of Psychoanalysis*, 2011, vol. 19 (1), pp. 108–124.
13. Navarro-Carrillo G., Beltran-Morillas A. M., Valor-Segura I., Expósito F. The Pernicious Effects of Malicious versus Benign Envy: Perceived Injustice, Emotional Hostility and Counterproductive Behaviors in the Workplace. *Span J. Psychol.*, 2018, vol. 21. DOI: <https://doi.org/10.1017/sjp.2018.49>
14. Lange J., Paulhus D.L., Crusius J. Elucidating the Dark Side of Envy: Distinctive Links of Benign and Malicious Envy with Dark Personalities. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2018, vol. 44, no. 4, pp. 601–614. DOI: 10.1177/0146167217746340
15. Shamionov R. M. The Relationship of Envy and Characteristics of Objective and Subjective Economic Well-Being of the Individual. *Experimental Psychology*, 2019, vol. 7, no. 2, pp. 77–87 (in Russian).
16. Yu Zh., Hao J., Shi B. Dispositional Envy Inhibits Prosocial Behavior in Adolescents with High Self-Esteem. *Personality and Individual Differences*, 2017, vol. 122, pp. 127–133. DOI: doi.org/10.1016/j.paid.2017.10.022
17. Beskova T. V., Shamionov R. M. Features of Subjective Well-Being of Subjects of Envy and Rivalry. *Russian Psychological Journal*, 2011, vol. 8, no. 2, pp. 9–18 (in Russian).
18. Espin A. M., Moreno-Herrero D., Sanchez-Campillo J., Rodríguez Martín J. A. Do Envy and Compassion Pave the Way to Unhappiness? Social Preferences and Life Satisfaction in a Spanish City. *Journal of Happiness Studies*, 2018, vol. 19, iss. 2, pp. 443–469. DOI: 10.1007/s10902-016-9828-8
19. Karapetyan L. V., Glotova G. A. Structural model of emotional and personal well-being. *Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal* [National Psychological Journal], 2018, no. 2 (30), pp. 46–56 (in Russian). DOI: 10.11621/npj.2018.0206
20. Cohen-Charash Y., Larson E. C. An Emotion Divided: Studying Envy is Better Than Studying “Benign” and “Malicious” Envy. *Current Directions in Psychological Science*, 2017, vol. 26, iss. 2, pp. 174–183. DOI: doi.org/10.1177/0963721416683667
21. Beskova T. V. Methods of Diagnostics of Envy. *Voprosy psichologii* [Voprosy Psychologii], 2012, no. 2, pp. 127–141 (in Russian).
22. Shamionov R. M., Beskova T. V. Methods of Diagnostics of Subjective Well-being of the Person. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2018, vol. 11, no. 60, p. 8. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 5 May 2019).
23. Khlomov D. N., Bakushinskii S. A., Kazmina O. *Rukovodstvo po otsenke urovnya razvitiya sotsial'nogo povedeniya starsheklassnikov* [Guidelines for the Assessment of the Level of Development of Social Behaviour of High School Students]. Moscow, Center of sociology of education RAO, 1993. 147 p. (in Russian).
24. Shamionov R. M. Envy in the System of Socio-Economic Attitudes and Activity of the Individual. *Theoretical and Experimental Psychology*, 2011, vol. 4, no. 4, pp. 46–52 (in Russian).
25. Khashchenko V. A. *Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya* [Psychology of economic well-being]. Moscow, In-t psikhologii RAN, 2012. 426 p. (in Russian).

Cite this article as:

Shamionov R. M. The Ratio of Envy, Subjective Well-Being and Social Skills. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 422–431. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-422-431>

УДК 316.752

Социальные представления студенческой молодежи о личности блогера

М. В. Жижина

Жижина Мария Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, zhizhina5@mail.ru

В статье представлены первые результаты эмпирического исследования особенностей социальных представлений студенческой молодежи о личности блогера. Учитывая возрастающую популярность и увлеченность молодежи блогосферой, можно говорить о том, что социальные представления (имидж) блогера как многоуровневый социально-психологический медиафеномен является одним из значимых в области формирования целостного представления личности о массмедиа. В исследовании приняли участие студенты Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, объем выборки составил 1020 человек в возрасте от 17 до 23 лет. Сбор эмпирического материала проведен с помощью методов ассоциативного эксперимента. Полученные данные обработаны с помощью прототипического анализа, предложенного П. Вержесом. Для контроля полученных результатов использовались индивидуальные беседы и анализ интернет-дискуссий. Результаты показали, что респонденты оценивают личность блогера преимущественно в позитивном эмоциональном ключе, репрезентация представлений характеризуется понятиями с позитивной смысловой коннотацией. Блогер воспринимается респондентами как молодой человек, который транслирует определенные смыслы и ценности, оказывает реальную помощь и реализует различные значимые функции. Проблематизация блогосферы расширяет предметную сферу медиапсихологии как науки о личности, включенную в контекст медиакультуры, и свидетельствует о возрастающей тенденции изменений в функционировании медиаповедения.

Ключевые слова: социальные представления, студенческая молодежь, личность, блогер, блогосфера.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-432-436>

Блогосфера стала важной частью современного медиапространства, виртуальной платформой для коммуникации, самопрезентации, самореализации, социализации и неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Как известно, блогосфера, выполняя ряд социально-психологических функций, пользуется особой популярностью среди подростков и молодежи и в проведении их свободного времени занимает значительное место. Именно молодежная аудитория активно реализует себя не только в качестве зрителя, но и в качестве автора блога. Более того, как показывают исследования, многие дети, подростки связывают свою будущую профессиональную деятельность

именно с блогосферой. Немецкий исследователь М. Бартль считает, что дети, рожденные после появления YouTube в 2005-м, выросли в окружении контента от популярных видеоблогеров и поэтому всерьез считают блогерство карьерой [1]. Согласно результатам опроса, проведенного в 2017 г. компанией Bloomberg, каждый третий британский ребенок в возрасте от 6 до 17 лет хочет работать видеоблогером, что в 3 раза превышает количество детей, которые хотят стать врачами.

Учитывая экспоненциальный рост подписчиков у популярного блогера, эксперты прогнозируют, что к 2025 г. видеоблогинг может стать классическим средством коммуникации. Указывая на изменения медиаландшафта и, в частности, на динамичность трансформации блогосферы, исследователи акцентируют внимание на то, что сегодня человек посвящает большую часть своего времени как на потребление, так и на производство собственного медиаконтента. «Происходит своеобразный поворот к исследованию смыслов, которыми наделяется “жизнь в виртуальном пространстве” самими пользователями», а коммуникация в медиапространстве становится «полем конструирования новых культурных ритуалов и смыслов, маркером социальных изменений» [2]. Изменяются не только смысловая и функциональная нагрузки блогосферы как новые виды социального института, но и сами формы и стратегии медиаповедения человека в контексте изменяющейся медиасреды. Так, «если ранее главной ценностью интернет-общения была анонимность, то теперь активно культивируется нарциссизм, яркая самопрезентация, извлечение выгоды из конструирования собственного имиджа и создания собственного управляемого пространства» [3]. Более того, некоторые авторы видят причину популярности блогов в том, что они реализуют один из трендов коммуникации в контексте современной медиакультуры, который заключается в размывании границы между частной и публичной сферами жизни. Вместе с тем возрастает роль демонстративной составляющей различных сфер жизни человека, постоянное позиционирование человеком себя и своей жизни стало неотъемлемым элементом жизни медиапользователя. Все большее значение приобретает медиаимидж, проявляющийся не только в фото-

и видеопрезентации человека в пространстве медиа, но и в медиастатусе, выявляющемся в количестве репостов, просмотров, подписчиков и комментариев.

Следовательно, продолжает изменяться само отношение человека к приватности собственной жизни. Расширяются границы субъективной реальности человека, изменяются социальные представления о мире. Данный ракурс тематизирует изучение ряда психологических проблем, в том числе актуализирует анализ ценностного воздействия блогосферы на трансформацию медиаповедения личности и в целом на социальные представления о массмедиа.

О серьезности и масштабности проблемы блогосферы, на наш взгляд, свидетельствуют многомиллионное количество блогов в мире; количество подписчиков, увеличивающееся в геометрической прогрессии; нарастающий интерес общественности и исследователей различных областей науки, а также обсуждение формализации профессии блогера на правительственном уровне; участие блогеров в качестве гостей на встречах с представителями власти; создание Российского Исследовательского Агентства Блогеров, занимающегося изучением динамики развития блогосферы; востребованность школ, курсов блогеров и многочисленных мастер-классов по продвижению собственного канала.

Анализ имеющихся публикаций показал, что на сегодняшний день блогосфера рассматривается как способ проведения досуга современной молодежи; актуальная площадка для самореализации, личностного и профессионального продвижения; новая среда социализации; инструмент маркетинга и рекламы, продвижения бизнеса или персоны. Особое внимание исследователи уделяют изучению блогов как новых социальных СМИ и их влияния на политические процессы в обществе. В работах И. А. Небыкова и Е. Г. Ефимова описан социокультурный портрет блогера [4]; в исследовании Л. В. Сабий показана взаимосвязь между блогингом и мотивацией личности в виртуальном пространстве [5]; в диссертации А. В. Кульминской изучена роль блогосферы в развитии и становлении российского общества [6]; специфика влияния российского блогера-лидера-мнений на организацию и регулирование новостных потоков отражена в работах Е. В. Лазуткиной [7]; анализ практик управления идентичностью бьюти-блогеров представлен в серии статей Н. А. Мартыановой [3]; блог как вид и инструмент социальной коммуникации изучен Е. И. Горшковой [8]; блог как площадка для самопрезентации и средство

трансляции имиджформирующей информации исследован И. В. Гужовой и Л. Ю. Кухоренко [9]; О. Г. Ечевской и Е. Д. Янке фешн-блогинг рассмотрен в системе создания и трансляции модных стандартов [10]. В целом уже данный перечень исследований свидетельствует о том, что в настоящее время получил широкое распространение междисциплинарный анализ различных проблем блогосферы, обусловленный ее популярностью и возрастающим влиянием на различные сферы жизни.

Вместе с тем, как показал обзор научных трудов, в настоящее время отсутствуют психологические исследования, направленные на эмпирическое изучение социальных представлений молодежи о блогосфере и, в частности, о личности блогера. Между тем значительная часть времени молодежи проходит за просмотром видео блогеров, которые обладают символической властью, пользуются высоким уровнем доверия и лояльности у многих подписчиков, следовательно, блогосфера является той сферой, в которой формируются и трансформируются социальные представления о тех или иных социальных явлениях, в том числе о массмедиа. Именно это обстоятельство и послужило поводом к изучению социальных представлений молодежи о личности блогера в контексте нашего исследования социальных представлений о массмедиа как механизме регуляции медиаповедения личности в медиасреде [11]. Учитывая популярность и увлеченность молодежи блогосферой, можно говорить о том, что социальные представления (имидж) блогера как многоуровневый социально-психологический медиафеномен является одним из значимых в области формирования целостного представления о массмедиа.

В нашем исследовании приняли участие студенты Саратовского государственного университета, объем выборки составил 1020 человек в возрасте от 17 до 23 лет. Сбор эмпирического материала проводился с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента. Полученные данные обрабатывались с помощью прототипического анализа П. Вержеса.

В ходе исследования представлений студентов о личности блогера было получено 358 неповторяющихся характеристик. Отметим, что статистическому анализу были подвергнуты характеристики, указанные не менее 3% респондентов. По результатам анализа исследовательских материалов удалось выявить зону ядра и периферическую систему представлений о личности блогера. Ядерный компонент социальных представлений о личности блогера носит позитивный

характер. Так, содержательными элементами зоны ядра являются следующие характеристики личности блогера: «харизматичный» (673; 3,01); «демонстративный» (581; 2,84); «с прекрасной самопрезентацией» (461; 3,53); «творческий» (222; 2,59); «современный» (270; 2,48); «общительный» (157; 2,55); «популярный» (202; 2,87); «веселый» (164; 2,69); «активный» (109; 3,06); «смелый» (225; 2,80); «молодой» (163; 2,57); «модный» (99; 2,58); «коммуникабельный» (73; 2,18); «умный» (122; 2,51); «заботящийся» (43; 2,79); «жизнерадостный» (71; 2,18); «стрессоустойчивый» (122; 2,51); «энергичный» (955; 3,22); «эмоциональный» (48; 3,00) и «вдохновляющий» (54; 2,61). Другими словами, репрезентация представлений молодежи о личности блогера характеризуется однозначностью и понятиями с позитивной смысловой коннотацией – получился своеобразный портрет героя нашего времени.

Периферическая система, играющая второстепенную роль в структуре социального представления, конструирована следующими характеристиками: «открытый» (3; 3,67); «яркий» (8; 3,88); «красивый» (12; 4,67); «уверенный» (17; 3,94); «продвинутый пользователь» (16; 14,06); «самолюбивый» (14; 4,36); «самовлюбленный» (12; 4,58); «осведомленный» (9; 4,00); «разбирающийся» (5; 4,80); «независимый» (7; 5,00); «публичный» (9; 4,00); «материально обеспеченный» (17; 3,94); «мажорный» (1; 5,0); «показушный» (5; 4,20); «рекламирующий» (12; 4,50); «ленивый» (3; 4,00).

Следовательно, в представлениях студентов личность блогера содержит преимущественно выраженное положительное смысловое значение как в ядерной, так и в периферийной части социального представления. Как показали результаты исследования, блогер воспринимается студенческой молодежью позитивно, оценивается как медийная, творческая личность, обладающая харизмой, коммуникабельностью, смелостью и развитой способностью к самопрезентации. Блогер в представлениях студентов – это современный, молодой, веселый человек, который вдохновляет и реально оказывает помощь в виде полезных советов и рекомендаций. Наряду с развлекательными, социальными, познавательными, мотивирующими функциями некоторые респонденты указывали на манипулирующие, пропагандирующие и рекламные возможности блогера.

Личность блогера в социальных представлениях студентов включает в себя систему знаний, оценок и установок по отношению к своему медиаповедению и, прежде всего, на основе ин-

дивидуального опыта от просмотра видеоблогов, а также на основе личного опыта по созданию и продвижению собственного блога. Отметим, что только 4% из всех участников исследования являются ведущими своего собственного блога; 14% респондентов имели личный неудачный опыт в создании блога; 10% отметили, что в перспективе хотели бы стать автором блога, но пока понимают, что для этого необходимо наличие свободного времени, интересных идей, качественного контента.

Социальные представления о личности блогера основываются на собственном медиаопыте, а также на тех принципах, которые существуют в социальных представлениях общества и прежде всего в представлениях значимой для личности социальной группы. Феномен образа блогера в понимании студенческой молодежи включает следующие компоненты: информация как сумма знаний о том, кто такой блогер, какие типы блогеров бывают, определяемая представлениями и формируемая под влиянием факторов макросреды (мнение социальных групп и сообществ); поле представления, основанное на субъективных оценках, формируемое под влиянием индивидуального медиаопыта в плане просмотра контента блогеров или ведения собственного блога; установка как результат категоризации образа блогера в медиасреде.

Безусловно, многомиллионное количество блогеров нельзя свести к какому-то единому портрету. На наш взгляд, репрезентации блогосферы заключаются не только в их количестве и неоднородности, но и прежде всего в социальных представлениях конкретного человека о блогосфере, которые формируются под влиянием комплекса факторов, в частности индивидуально-психологических особенностей человека, особенностей его медиаповедения, и конкретно от выбора любимых блогеров.

Каждая новая медиапрактика, включенная в контекст современной медиакультуры, актуализирует новые стратегии тактики медиаповедения и в целом трансформацию медиаповедения человека, актуализируя его меняющиеся социальные представления о массмедиа. Проблематизация блогосферы расширяет предметную сферу медиапсихологии как науки о личности, включенную в контекст медиакультуры, и свидетельствует о возрастающей тенденции изменений в функционировании медиаповедения.

Следующий этап нашего исследования будет посвящен анализу социальных представлений о личности блогера в других возрастных группах.

Список литературы

1. Жуленков К., Радуллова Н. Я бы в блогеры пошел. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3649899> (дата обращения: 05.05.2019).
2. Miller D. et al. *How the World Changed Social Media*. London : UCL Press, 2016. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/1474805/1/How-the-World-Changed-Social-Media.pdf> (дата обращения: 05.05.2019).
3. Мартьянова Н. А. Социологический анализ интернет-субкультуры : на примере бьюти-блогеров // Труды СПбГИК. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-internet-subkultury-na-primere-byuti-blogerov> (дата обращения: 03.05.2019).
4. Небыков И. А., Ефимов Е. Г. Блоги как вид социальных интернет-сетей (социальные аспекты) // Logos et Praxis. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blogi-kak-vid-sotsialnyh-internet-setey-sotsialnye-aspekty> (дата обращения: 03.06.2019).
5. Сабий Л. В. Психологические особенности блогеров // Учен. записки Крымского инженерно-пед. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. 2016. № 3. С. 114–118.
6. Кульминская А. В. Социальная общность блогеров : становление и развитие в российском обществе : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2012. 182 с.
7. Лазуткина Е. В. Особенности коммуникационной модели блогов // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikatsionnoy-modeli-blogov> (дата обращения: 03.03.2019).
8. Горшкова Е. И. Блог как вид интернет-коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 263 с.
9. Гужова И. В., Кухоренко Л. Ю. Блог как платформа самопрезентации молодёжи (анализ русскоязычной блогосферы) // CONNECT UNIVERSUM 2012 : материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф. Connect-Universum-2012 «Влияние новых медиа на сознание и поведение молодежи : междисциплинарный подход» (29–31 мая 2012 г., Томск). Томск : Томский гос. ун-т, 2012. С. 25–28.
10. Ечевская О. Г., Янке Е. Д. Фэшн-блогеры : новые агенты в индустрии моды // Вестн. НГУ. Сер. Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 183–195.
11. Жижина М. В. Особенности социальных представлений студенческой молодежи о массмедиа // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10, № 4. С. 1–14.

Образец для цитирования:

Жижина М. В. Социальные представления студенческой молодежи о личности блогера // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 432–436. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-433-436>

Student Youth's Social Perceptions of Blogger Personality

M. V. Zhizhina

Maria V. Zhizhina, <https://orcid.org/0000-0002-0340-214X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, zhizhina5@mail.ru

This article presents the initial results of the empirical study into characteristics of the student youth's social perceptions of a blogger personality. Taking into account the growing popularity and young people's enthusiasm about blogosphere, it can be said that the social representation (image) of the blogger as a multilevel socio-psychological media phenomenon is one of the most significant in the field of forming an individual holistic view of media. The study involved 1,020 students (age range = 17–23) of Chernyshevsky Saratov National Research State University. The empirical material was compiled using the methods of association experiment. The data obtained from the study were processed through a prototypical analysis proposed by P. Vergès. Individual conversations and analysis of online discussions were used here to control the results. The results showed that respondents assess the blogger's personality primarily in a positive emotional sense; the representation of the views is characterized by concepts with a positive semantic connotation. A blogger is perceived by respondents as a young person who disseminates certain meanings and values, providing real help and performing various significant func-

tions. The problematization of the blogosphere expands the scope of media psychology as a science of personality, which is included in the context of media culture, and indicates an increasing tendency towards changes in media behavior.

Keywords: social representation, student youth's, blogger, media, blogosphere.

References

1. Zhurenkov K., Radulova N. *Ja by v blogery poshel* (I Would Be a Blogger). Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/3649899> (accessed 5 May 2019) (in Russian).
2. Miller D. et al. *How the World Changed Social Media*. London, UCL Press, 2016. Available at: <http://discovery.ucl.ac.uk/1474805/1/How-the-World-Changed-Social-Media.pdf> (accessed 5 May 2019).
3. Mart'janova N. A. Sociological Analysis of Internet Subculture: on Example of Beauty Bloggers. *Trudy SPb-GIK* (Works of St. Petersburg State Institute of Culture), 2015. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-internet-subkultury-na-primere-byuti-blogerov> (accessed 3 May 2019) (in Russian).
4. Nebykov I. A., Efimov E. G. Blogs as Type of Social Internet Networks (Social Aspects). *Logos et Praxis*, 2012, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/blogi-kak-vid-sotsialnyh-internet-setey-sotsialnye-aspekty> (accessed 3 June 2019) (in Russian).

5. Sabij L. V. Bloggers' Pedagogical Characteristics. *Uchen. zap. Krymskogo inzhenerno-ped. un-ta. Ser.: Pedagogika. Psihologija* [Bulletin of Crimean Engineer and Pedagogical University. Pedagogy and Psychology Series], 2016, no. 3, pp. 114–118 (in Russian).
6. Kul'minskaja A. V. *Social'naja obshhnost' blogerov: stanovlenie i razvitie v rossijskom obshhestve: dis. ... kand. sociol. nauk* [Bloggers' Social Community: Development in Russian Society. Diss. Cand. Sci. (Sociology)]. Ekaterinburg, 2012. 182 p. (in Russian).
7. Lazutkina E. V. Characteristics of Communication Blog Model. *Nauka. Innovacii. Tehnologii* (Science. Innovation. Technology), 2010, no. 66. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikatsionnoy-modeli-blogov> (accessed 3 March 2019) (in Russian).
8. Gorshkova E. I. *Blog kak vid internet-kommunikacii: dis. ... kand. filol. nauk* [Blog as Type of Internet Communication. Diss. Cand. Sci. (Philol.)]. St. Petersburg, 2013. 263 p. (in Russian).
9. Guzhova I. V., Kuhorenko L. Ju. Blog as Platform for Youth's Self-Presentation (Analyzing Russian Blogosphere). *CONNECT UNIVERSUM-2012. Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. Internet-konf. «Vlijanie novykh media na soznanie i povedenie molodjzhi: mezhdisciplinarnyj podhod»* [Materials of International Scientific and Practical Conference Connect-Universum-2012 'New Media's Impact on Youth's Perception and Behaviour; Interdisciplinary Approach'], May 29–31, 2012. Tomsk, Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2012, pp. 25–28 (in Russian).
10. Echevskaja O. G., Janke E. D. Fashion Bloggers: New Agents in Industrial Fashion. *Vestnik NGU. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [NGU Digest. Series Social and Economic Sciences], 2014, vol. 14, iss. 2, pp. 183–195 (in Russian).
11. Zhizhina M. V. Characteristics of Student Youth's Social Perceptions of Mass Media. *Psihologo-pedagogicheskie issledovanija* [Psychologic and Pedagogical Research], 2018, vol. 10, no. 4, pp. 1–14 (in Russian).

Cite this article as:

Zhizhina M. V. Student Youth's Social Perceptions of Blogger Personality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 432–436. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-432-436>

УДК 159.9

Экспертная оценка социально-психологических факторов повторного вовлечения в криминальную деятельность осужденных

Н. М. Романова

Романова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, romanova_nm@inbox.ru

Проблема прогноза повторных криминальных деликтов осужденных актуальна в условиях трансформирующейся преступности в современном мире. Оценка риска рецидива заключенных является прагматичной, практически значимой. В настоящей статье исследуются возможности использования экспертной оценки для прогноза повторного вовлечения осужденных в преступную активность. Эксперты (сотрудники колонии) давали оценку поведения 87 осужденных после освобождения их из мест лишения свободы. Были установлены высокая готовность к повторному совершению криминальных деликтов более чем у трети осужденных при наличии выставленной ими средней оценке их криминальной зараженности, высокий процент вовлечения осужденных в асоциальный образ жизни, низкие показатели прогноза приобщения их к трудовой активности, вовлечение в преступное деяние посредством влияния на них других лиц либо при наличии у них особого эмоционального состояния. Выявлены значимые корреляции связи экспертного прогноза с показателями склонности отбывающего наказание оправдывать совершение краж, отрицать свою вину в совершенном преступлении и перекладывать ее на потерпевших от него, безразлично относиться к совершенному им криминальному деянию, не планировать трудоустройство после отбывания наказания.

Ключевые слова: экспертная оценка, осужденные, социально-психологические факторы, криминальная зараженность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-437-441>

Введение

Метод экспертной оценки используется в различных областях деятельности – психологии, социологии, экономике, педагогике, управлении и др. Он предполагает анализ исследуемой проблемы с использованием количественных оценок суждений экспертов и формальную обработку результатов, позволяя упорядочить информацию об объекте исследования и раскрыть его специфику [1].

Данный метод основывается на мнении экспертов, хорошо разбирающихся в рассматриваемом явлении и способных дать ему объективную оценку.

В психологической науке экспертные оценки используются в области психологии управления [2], при отборе и аттестации персонала [3, 4],

при разработке социально-психологических программ оказания психологической помощи личности [5], изучении психологического состояния общества [6], для оценки уровня профессиональной адаптации [7] и др.

Традиционно надежность оценок и решений, принимаемых на основе суждений экспертов, достаточно высока. В психологических исследованиях использование экспертных оценок позволяет повысить объективность результатов на 20–30%, по сравнению с использованием исключительно тестовых процедур [8].

Экспертом является компетентное лицо, обладающее глубокими знаниями о предмете или объекте исследования. Эксперты, будучи высококвалифицированными специалистами в конкретной области деятельности, дают свои оценки, опираясь на имеющиеся у них глубокие знания о проблеме и профессиональный опыт [9].

В настоящее время в условиях расширения сфер действия социальных практик приобщения личности к криминальной деятельности актуальной является проблема прогнозирования повторных криминальных деликтов осужденных. Ее разрешение служит целям перевоспитания и исправления асоциального поведения преступников, повышает эффективность разработок мероприятий по их социально-психологической реабилитации. Концепция оценки риска рецидива осужденных является прагматичной и практически значимой.

Предпосылки исследования

Прогнозирование поведения лиц, отбывших уголовное наказание, представляет собой определение вероятности совершения ими преступлений в будущем и является своего рода научным предсказанием [10, с. 13]. При построении прогнозов исходят из научного тезиса о том, что закономерности поведения конкретной личности носят устойчивый характер.

Прогнозы экспертов содержат в себе концентрированный опыт, отражающий закономерности преступного поведения криминальных субъектов. При составлении прогноза эксперты осуществляют экстраполяцию ожидаемого поведения на основе закономерностей, выявленных

ими при наблюдении за поведением этих лиц в прошлом [11, с. 78]. Прогноз, полученный методом экстраполяции, строится на логических суждениях и имеет психолого-интуитивную основу. Его точность зависит от объема и содержания информации, имеющейся у исследователя.

Глубокое понимание личностных и мотивационных аспектов поведения и деятельности этой социальной группы (осужденных) доступно узкому кругу специалистов, непосредственно работающих с данным контингентом. В связи с этим важным представляется изучение опыта экспертов в области пенитенциарной психологии и пенитенциарной практики для прогнозирования поведения осужденных в ближайшем будущем.

Методика исследования

Эмпирическое исследование проводилось с использованием метода экспертной оценки, метода анкетирования, метода статистического анализа (корреляция Пирсона, коэффициент конкордации (статистика W-Кендалла)). В нем приняли участие эксперты – работники ФСИН в количестве пяти человек. В качестве экспертов выступали компетентные специалисты, имеющие знания об исследуемых осужденных, непосредственно с ними взаимодействующие. В состав экспертной группы были включены: психолог (один человек), оперативный сотрудник (два человека), воспитатель (один человек), начальник отряда (один человек), имеющие стаж работы с осужденными не менее пяти лет. Эксперты давали оценки независимо друг от друга, их взаимовлияние отсутствовало. Использовалась очная форма участия экспертов. Данные, отражающие их мнения, обрабатывались.

Задачи, выполняемые экспертами, заключались в рассмотрении личности заключенных и предоставлении возможных вариантов постпенитенциарного поведения каждого из них в форме гипотез. Эксперты высказывали свои суждения относительно прогноза повторного совершения преступления осужденными (87 мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы в учреждениях ФСИН России по Саратовской области). Каждый вопрос предполагал количественную оценку. Оценки, полученные от разных экспертов, согласовывались на основе правила средней оценки.

Использовалась разновидность метода экспертной оценки – экспертный опрос. Эксперты давали суждения относительно личности каждого заключенного по следующим пунктам: прогноз психологической готовности личности осужденного к совершению преступления в ближайшие

месяцы после освобождения; оценка криминальной зараженности личности осужденного на текущий момент по шкале от 0 до 7; переживания заключенного на текущий момент; социальные ориентации осужденного после освобождения; потенциальные условия, при которых осужденный может совершить повторное преступление.

Личности осужденных исследовались с помощью анкеты, в которой они указывали основные социально-психологические и социально-демографические данные о собственной личности (количество судимостей; занятость до осуждения (работа, учеба); семейное положение; образование; особенности родительского воспитания; характер отношений с родителями, родственниками, друзьями; состояние в момент совершения преступления; отношение к совершенному преступлению и др.). Данные анкеты каждого респондента были представлены в количественной форме.

Этапы исследования: 1) анализ исследуемого явления; 2) выбор экспертов; 3) постановка задачи и предъявление вопросов экспертам; 4) анализ полученных данных.

Цель исследования – выявление взаимосвязи экспертного прогнозирования и социально-психологических факторов личности осужденных.

Новизна исследования заключается в выявлении социально-психологических факторов личности осужденных, связанных с прогнозом повторного совершения преступления осужденным, на основе анализа метода экспертных оценок.

Результаты эмпирического исследования и их анализ

Для выявления согласованности данных экспертных оценок мы провели анализ методом коэффициента конкордации (статистика W-Кендалла). Была выявлена достоверная согласованность мнений экспертов для осужденных мужчин ($W = 0,436$; $\chi^2 = 1718,9$). Таким образом, эмпирически доказана общая статистическая согласованность данных экспертных оценок при прогнозировании возможного криминального поведения личности.

Были получены следующие экспертные оценки.

Готовность к совершению преступления мужчинами после освобождения. Эксперты считают, что 39,3% осужденных мужчин в ближайшие после освобождения месяцы вновь совершат преступление.

Криминальная зараженность осужденных расценивается экспертами по преимуществу как средняя. Так, 70,3% осужденных по данному показателю по шкале от 0 до 7 получили оценку

в 3 балла, 23,3% осужденных – оценку в 4 балла. 5-балльную оценку криминальной зараженности получили 4,3% осужденных. 2,1% осужденных рассматриваются экспертами как имеющие низкую криминальную зараженность. Высокую криминальную зараженность (6–7 баллов) эксперты никому из осужденных не приписали.

Переживания осужденных. Эксперты считают, что 61,3% заключенных испытывают чувства, связанные с сожалением (раскаянием, виной) в связи с совершенным преступлением; 3% проявляют безразличие; 32,3% оправдывают собственное преступление; 2% отрицают свою вину; 1,4% демонстрируют браваду. По мнению экспертов, 15,4% осужденных после освобождения ориентированы на работу; 65,6% – на семью и 44% – на асоциальный образ жизни.

Причины свершения преступления. Как указывают специалисты, 46,3% осужденных могут повторно совершить преступление под влиянием другого человека; 48,6% совершат преступление в особом эмоциональном состоянии и 5,1% – в связи с удачным стечением обстоятельств.

Для изучения взаимосвязей отдельных факторов объектного поля исследования применялись статистические методы корреляции Пирсона. Вычислялись корреляции между оценками экспертов и ответами осужденных на вопросы анкеты, выраженными в числовой форме. Обнаружены значимые корреляции, по параметру «Экспертная оценка. По прогнозу совершения заключенным повторного преступления когда-либо в будущем» выявлена обратная корреляционная связь с параметром анкеты осужденных «Оправдание кражи у богатого человека» $r = -0,332$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,316$). Данный параметр «Оправдание кражи у богатого человека» положительно коррелирует с параметром «Экспертная оценка. Средняя степень готовности к совершению преступления (4 балла)», $r = 0,563$ (значимо при $p \leq 0,01$, $r_{\text{крит}} = 0,408$). Данный параметр анкеты осужденных «Оправдание кражи у богатого человека» положительно коррелирует с параметром «Экспертная оценка. Осужденный категорически отрицает свою вину в совершенном преступлении», $r = 0,396$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,316$).

Таким образом, оценка экспертами прогноза совершения заключенным повторного преступления когда-либо в будущем оказалась связанной с выраженностью склонности отбывающего наказание оправдывать совершение кражи у богатого человека. В свою очередь, отношение к совершенному преступлению, расцененное экспертами как категорическое отрицание осужденным своей вины также оказывается связанным

с параметром анкеты осужденных «Оправдание кражи у богатого человека».

Параметр «Экспертная оценка. Средняя степень готовности к совершению преступления (4 балла)» положительно коррелирует с параметром анкеты осужденных «Потерпевший виноват в случившемся (преступлении)», $r = 0,368$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,430$). Кроме того, данный параметр «Экспертная оценка. Средняя степень готовности к совершению преступления (4 балла)» имеет отрицательную корреляцию с параметром анкеты осужденных «Желание попросить прощения у потерпевшего», $r = -0,417$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,374$).

Таким образом, средняя оценка степени готовности осужденного к совершению преступления, данная экспертами, коррелирует с выраженностью тенденции осужденного к снятию с себя вины и перекладыванию ответственности за совершенное преступление на потерпевшего.

Параметр «Экспертная оценка. Оправдание себя и своего преступления» обратно коррелирует с параметром анкеты осужденных «Знание информации об уголовной ответственности за совершение преступления», $r = -0,361$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,329$). Кроме того, параметр «Экспертная оценка. Оправдание себя и своего преступления» имеет отрицательную корреляцию с параметром анкеты осужденных «Желание попросить прощения у потерпевшего», $r = -0,420$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,374$). Таким образом, чем в большей степени респонденты настаивают на незнании закона об уголовной ответственности за совершенное ими преступление и нежелании повиниться перед потерпевшими, тем в большей степени они склонны оправдывать себя за совершенное ими деяние.

С параметром «Желание попросить прощения у потерпевшего», представленным в анкете осужденных, связан параметр «Экспертная оценка. Испытывает безразличие в отношении совершенного преступления», $r = -0,471$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,316$). Чем безразличнее осужденный к совершенному им криминальному деянию, тем в меньшей степени он испытывает чувство вины по отношению к потерпевшему. Кроме того, параметр «Экспертная оценка. Испытывает безразличие в отношении совершенного преступления» имеет обратную корреляцию с экспертной оценкой параметра «Ориентация на труд», $r = -0,360$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,334$). Другими словами, согласно экспертной оценке чем безразличнее осужденные относятся к совершенному ими деянию, тем меньше они заинтересованы в трудоустройстве и ориентации на вовлечение в трудовую деятельность.

Выводы

1. Эксперты прогнозируют высокую степень потенциальной готовности к совершению преступления осужденными мужчинами непосредственно после освобождения. Они считают, что 39,3% осужденных в ближайшие после освобождения месяцы могут свершить преступление.

2. При этом криминальная зараженность осужденных расценивается экспертами по преимуществу как средняя. Так, средние оценки (3–4 балла) по данному параметру получили 93,6% осужденных. Крайние показатели семибалльной шкалы (1 и 6–7 баллов) не использовались экспертами для оценки осужденных по данному параметру. Эксперты избегали приписывать осужденным очень высокий и очень низкий уровни криминальной зараженности. Данные экспертов можно объяснить тем, что последние могут рассматривать совершение преступления осужденными как не в полной мере или не столько связанные с их криминальной зараженностью, сколько связанные с действием иных факторов.

3. Эксперты считают, что большая часть осужденных (почти две трети) испытывают чувства, связанные с принятием собственной вины за содеянное. Остальная треть заключенных, по их мнению, не сожалеет о случившемся, испытывая безразличие, оправдывая себя или бравируя совершением преступлением, отрицая свою вину.

4. По мнению экспертов, большая часть осужденных (почти две трети) после освобождения ориентированы на поддержку семьи; лишь каждый шестой планирует приобщиться к трудовой деятельности; большинство осужденных (44%) продолжит вести асоциальный образ жизни.

5. Причины совершения повторных преступлений осужденными непосредственно после освобождения эксперты практически в равной мере связывают с воздействием других лиц (человека или группы) либо пребыванием бывшего заключенного в особом эмоциональном (психическом) состоянии; лишь в отдельных случаях – с «удачным» для бывшего осужденного стечением обстоятельств.

6. Выявлены значимые корреляции связи экспертной оценки прогноза совершения осужденным повторного преступления с параметрами анкеты осужденных, выраженными в числовой форме «Оправдание кражи у богатого человека». Таким образом, оценка экспертами прогноза совершения заключенным повторного преступления в будущем оказалась связанной с выраженностью склонности у отбывающего наказание оправдывать совершение кражи.

7. Отношение к совершенному преступлению, расцененное экспертами как категорическое отрицание осужденным своей вины, также оказывается связанным с параметром анкеты осужденных «Оправдание кражи у богатого человека».

8. Экспертная оценка осужденных как имеющих среднюю степень готовности к совершению преступления оказалась связанной с тенденцией осужденных обвинять не себя, а потерпевших в совершенном преступлении, нежеланием заключенных признать вину в содеянном и отсутствием желания попросить у них прощения.

9. Экспертная оценка отношения осужденного к совершенному им криминальному деянию как безразличного связана с показателем низкой заинтересованности осужденного в трудоустройстве после отбывания наказания.

10. Экспертная оценка осужденных как склонных к оправданию себя и своего преступления имеет обратную корреляцию с показателем анкеты осужденных, отражающим их суждения о незнании информации об уголовной ответственности за совершение ими преступления.

Список литературы

1. Бешелев С. Д., Гурвич Ф. Г. Экспертные оценки. М. : Наука, 1973. 161 с.
2. Журавлев А. Л. Методика экспертной оценки личностных качеств руководителя производственного коллектива // Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Хашенко. М. : Ин-т психологии АН СССР, 1990. С. 85–107.
3. Гуцыкова С. В. Метод экспертных оценок : теория и практика. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. 144 с.
4. Мякушкин Д. Е. Социально-психологические аспекты комплексной оценки персонала организации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 24 с.
5. Леонтьева А. Н. Экспертная оценка специфики психологического сопровождения дезадаптированной личности // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2012. № 6 (121). С. 137–140.
6. Юревич А. В., Юревич М. А. Динамика психологического состояния российского общества : экспертная оценка // Нравственность современного российского общества : психологический анализ / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М. : Ин-т психологии РАН, 2013. С. 21–41.
7. Дружилов С. А. Психологические факторы здоровья человека и детерминанты его негативных психических состояний в труде // Междунар. журнал экспериментального образования. 2013. № 10, ч. 2. С. 250–253.
8. Смирнов С. А. Продуктивность экспертной оценки управленческого персонала организации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 24 с.

9. Киреева З. А. Методы психологического исследования. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. 376 с.
10. Кысыкова Г. Б. Криминологическое прогнозирование и предупреждение преступности в местах

лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Астана, 2008. 13 с.

11. Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М. : Юрид. лит., 1972. 334 с.

Образец для цитирования:

Романова Н. М. Экспертная оценка социально-психологических факторов повторного вовлечения в криминальную деятельность осужденных // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 437–441. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-437-441>

Expert Assessment of Social and Psychological Factors of Repeated Involvement in Criminal Activity of the Convicted

N. M. Romanova

Natalia M. Romanova, <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, romanova_nm@inbox.ru

The problem of predicting repeated delinquency is relevant in the context of changing crime in the modern world. Risk assessment of the repetition of offences among of inmates is pragmatic, practically significant. The possibilities of using expert evaluation to predict the reintegration of inmates into criminal activity were investigated. Experts (prison officers) gave prediction options for the behavior of 87 inmates after they were released from prison. According to the experts' opinion, a third of the average risk offenders are highly prone to repetition of an offence; a high percentage of the convicted people are inclined to an asocial lifestyle; they are unlikely to look for a job; they are likely to be implicated in a crime by other people or are likely to commit a crime if they are in a certain emotional state. Significant correlations have been found between the expert prediction and the inclination of the person serving a sentence to justify theft, deny their guilt in the crime committed and put the blame on the victims, to be indifferent to the criminal act, and not to plan to apply for a job after serving the sentence.

Keywords: expert assessment, inmates, socio-psychological factors, criminal contagion.

References

1. Beshelev S. D., Gurvich F. G. *Ekspertnye ocenki* [Expert assessments]. Moscow, Nauka, 1973. 161 p. (in Russian).
2. Zhuravlev A. L. Methods of expert assessments of personal qualities of the head of the production team. In: *Socialno-psihologicheskie metody prakticheskoy raboty v kollektive: diagnostika i vozdeistvie* [Socio-Psychological Methods of Practical Work in a Team: Diagnosis and Impact]. Eds. A. L. Zhuravlev, V. A. Hashchenko. Moscow, Institute of Psychology of Academy of Sciences of USSR, 1990, pp. 85–107 (in Russian).
3. Gutcykova S. V. *Metod ekspertnykh ocenok: teoriya i praktika* [The Method of Expert Assessments: Theory and Practice]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2011. 144 p. (in Russian).
4. Myakushkin D. E. *Socialno-psihologicheskie aspekty kompleksnoy ocenki personala organizatsii* [Socio-Psychological Aspects of the Integrated Assessments of the Organization's Personnel]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psihol.). Moscow, 2004. 24 p. (in Russian).
5. Leonteva A. N. Expert Assessments of the Specifics of the Psychological Support of a Disadapted Person. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 6 (121), pp. 137–140 (in Russian).
6. Yurevich A. V., Yurevich M. A. Dynamics of the Psychological State of the Russian Society: Expert Assessments. In: *Nravstvennost sovremennogo rossiyskogo obshchestva: psihologicheskii analiz* [Morality of the Modern Russian Society: Psychological Analysis]. Eds. A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich). Moscow, Institute of Psychology RAS, 2013, pp. 21–41 (in Russian).
7. Druzhilov S. A. Psychological Factors of Human Health and Determinants of His Negative Mental States in Work. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2013, no. 10, pt. 2, pp. 250–253 (in Russian).
8. Smirnov S. A. *Produktivnost ekspertnoy ocenki upravlencheskogo personala organizatsii* [Efficiency of the Expert Assessments of the Management Personnel of the Organization]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psihol.). Moscow, 2004. 24 p. (in Russian).
9. Kireeva Z. A. *Metody psihologicheskogo issledovaniya* [Methods of Psychological Research]. Kurgan, Publishing house of the Kurgan State University, 2014. 376 p. (in Russian).
10. Kysykova G. B. *Kriminologicheskoe prognozirovaniye i preduprezhdeniye prestupnosti v mestakh lisheniya svobody* [Criminological forecasting and crime prevention in prisons]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Legal.). Astana, 2008. 13 p.
11. Avanesov G. A. *Teoriya i metodologiya kriminologicheskogo prognozirovaniya* [Theory and Methodology of Criminological Forecasting]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1972. 334 p. (in Russian).

Cite this article as:

Romanova N. M. Expert Assessment of Social and Psychological Factors of Repeated Involvement in Criminal Activity of the Convicted. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 437–441. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-437-441>

УДК 316.6

Субъективные образы прошлого, настоящего и будущего страны как предикторы приверженности личности стране

С. В. Фролова

Фролова Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, frolovasv71@mail.ru

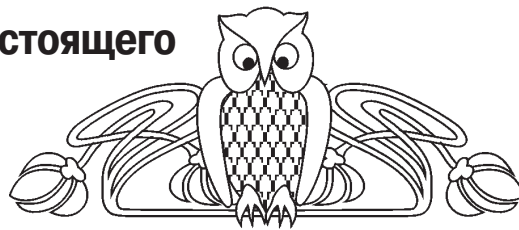
Статья содержит результаты эмпирического исследования и теоретического анализа образной детерминации приверженности личности стране. Актуальность обращения к данной проблеме возрастает в условиях глобально трансформирующегося мира с прогрессирующими тенденциями межгосударственной, территориальной мобильности в жизненных и карьерных стратегиях современных людей. В условиях очевидной внешней макросоциальной детерминации суверенного миграционного поведения перед социальной психологией встают задачи научного изучения внутриличностных предикторов приверженности личности стране. Цель данной статьи – анализ роли субъективных образов прошлого, настоящего и будущего страны в построении приверженности личности стране. Для достижения поставленной цели было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 219 человек (137 женщин и 82 мужчины) в возрасте от 18 до 32 лет; все граждане России, студенты вузов и сотрудники частных и государственных организаций. Исследование проводилось с соблюдением принципа анонимности участия и с использованием авторского опросника «Приверженность своей стране», разработанного образно-ассоциативного теста «Образ России и зарубежья» и теста цветовых отношений А. М. Эткин-да. Оценка роли субъективных образов исторического прошлого, настоящего и будущего страны в становлении приверженности личности стране осуществлялась методом множественного регрессионного анализа, выполняемого с помощью компьютерной программы SPSS 20. В результате проведенного исследования удалось установить, что определяющую роль в комплексной детерминации приверженности личности стране со стороны образной сферы личности играют субъективные положительно значимо окрашенные представления о будущем страны.

Ключевые слова: приверженность личности стране, субъективные образы страны, образы исторического прошлого страны, образы будущего страны, образно-ассоциативный тест.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-442-447>

Введение

Приверженность личности стране как особая социально-психологическая привязанность и желание жить в пределах определенной социально-географической общности [1] претерпевает значительные трансформации в современном мобильном мире. Культ экономизма [2, с. 94–99], новизны впечатлений, стремительного темпа

жизни [3] сказывается на изменении связей человека с различными объектами социального пространства, делая их менее стабильными и определенными. Жизненные перспективы в субъективных представлениях современных людей могут строиться в пространстве социально-географических общностей различных стран. Этим трансформациям во многом способствуют возникновение и развитие глобальной идентичности [4–6] и виртуальных социальных сообществ. В условиях макросоциальной транзитивности [7] возрастает актуальность изучения явления приверженности личности стране, ее предикторов и функций. Встают задачи научного прогнозирования естественных процессов трансформации связей человека с большими макросоциальными объектами, одним из которых является социальная общность страны.

Отправной точкой в рассмотрении приверженности личности стране может служить опыт изучения приверженности такому социальному объекту, как организация [8, 9]. Несмотря на различные подходы, общим в понимании приверженности индивида организации является подчеркивание его желания продолжать оставаться членом данной организации [8–10]. Полностью опыт исследования организационной приверженности не может быть применен к изучению приверженности личности стране из-за различий в уровне и специфике социальных объектов приверженности. Однако опыт изучения организационной приверженности позволяет заключить, что главное, к чему сводится приверженность личности социальному объекту, это ее намерение и желание продолжать сохранять с социальным объектом сложившиеся социальные связи, проявляющиеся в социальном поведении, социальных чувствах и социально-когнитивных представлениях и установках личности.

Становление приверженности личности стране может находиться в тесной связи с развитием образной сферы человека, начиная с самого раннего возраста. Исходной теоретико-методологической основой рассмотрения значения образов в построении социальных связей и социального поведения личности может являться концепция образной сферы человека, понимаемой А. А. Го-

стевым как многоуровневая система вторичных образов – конкретных образов представления когда-то воспринятых объектов, обобщенных образов мира, конструируемых образов реальности и т.д. [11, с. 33]. Возникновение и построение любого образа восприятия и представления, как это было достаточно аргументировано С. Д. Смирновым, характеризуется активностью самого человека [12].

Активность образного отражения и образного конструирования может рассматриваться как одна из главных форм активности субъекта. Понятие субъекта в отечественной психологии – одно из основополагающих в психологии личности и социальной психологии. Теоретико-методологическому осмыслению субъекта были посвящены работы С. Л. Рубинштейна [13], А. В. Брушлинского [14], К. А. Абульхановой [15] и др. Элементы образной сферы личности, в том числе и образы страны, всегда обладают той или иной степенью субъектности, поскольку и при восприятии конкретных образов, и при конструировании обобщенных образов страны всегда в той или иной степени проявляется активность субъекта.

Целью настоящего исследования является анализ роли субъективных образов прошлого, настоящего и будущего страны в построении приверженности личности стране.

Мы предположили, что предикторами приверженности личности стране могут выступать конструируемые ею субъективные образы прошлого, настоящего и будущего страны и что определяющую роль в построении приверженности личности стране играют субъективные представления о будущем страны. Логическим основанием для такого предположения стало одно из главных, сущностных свойств приверженности личности стране – ее ориентированность в будущее время. Такая ориентированность выражается в желании человека строить свою дальнейшую жизнь в пределах данной страны, основанном на вере в ее будущее [1].

Выборка и методика исследования

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутой гипотезы нами было проведено эмпирическое исследование с использованием следующих психодиагностических инструментов: 1) разработанного нами опросника «Приверженность своей стране» [16, с. 93–97], позволяющего измерять выраженность приверженности личности стране; 2) образно-ассоциативного теста «Образ России и зарубежья» [16, с. 99–102], служащего выявлению значимо пережитых образов страны, в том числе образов ее исторического прошлого и будущего; 3) теста цветовых отношений

А. М. Эткинды [17, с. 273–302], применявшегося для изучения особенностей переживания субъективного обобщенного образа страны в настоящем времени. Обработка данных теста цветовых отношений представляла собой установление абсолютной разницы рангов между тремя первыми и тремя последними цветами как наиболее значимыми в двух рядах цветовых выборов, один из которых соответствовал личностно-ситуативным цветовым предпочтениям, а другой – переживаниям, возникающим в связи с представляемым образом страны. Для учета силы эмоциональной значимости выбираемого цвета при выражении отношения к стране вводился коэффициент значимости позиции аналогично подсчету степени тревожности в методике М. Люшера [18, с. 15]: для первой и последней позиций коэффициент равнялся трем, для второй и седьмой позиций – двум, а для третьей и шестой, как менее значимых, коэффициент равнялся единице.

В качестве зависимой переменной в нашем исследовании анализировалась переменная «приверженность личности стране» (измеряемая при помощи количественной шкалы от 0 до 136 баллов). В качестве независимых переменных анализировались переменные «положительная значимость образа исторического прошлого страны» и «положительная значимость образа будущего страны» (измеряемые при помощи количественной шкалы от –10 до +10 баллов), «негативная значимость образа страны в настоящем времени» (измеряемая при помощи количественной шкалы от 0 до 68 баллов). Оценка роли субъективных образов исторического прошлого, настоящего и будущего страны в становлении приверженности личности стране осуществлялась методом множественного регрессионного анализа, выполняемого с помощью компьютерной программы SPSS 20.

Выборку составили 219 человек, из них 137 женщин и 82 мужчины в возрасте от 18 до 32 лет (средний возраст 22 года); все граждане России, студенты вузов и сотрудники частных и государственных организаций; 41% с высшим образованием, 51% с неоконченным высшим образованием, 8% со средним образованием. Исследование проводилось анонимно, что позволяло снять излишнее беспокойство респондентов и создать условия для более спонтанных и искренних ответов и реакций на предлагаемый стимульный материал тестов и опросника.

Результаты исследования и их обсуждение

Эмпирически полученные данные были обработаны с помощью метода регрессионного анализа. Значение скорректированного R -квадрата для модели множественной регрессии (табл. 1)

Таблица 1

Статистически-математические показатели модели комплексной детерминации приверженности личности стране

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Статистическая значимость
Зависимая переменная: приверженность стране Предикторы: положительная значимость образа будущего страны, негативная значимость образа страны в настоящем времени, положительная значимость образа исторического прошлого страны	0,856	0,733	0,732	0,000

свидетельствует о том, что 73% дисперсии переменной «приверженность личности стране» определяется совокупным воздействием переменных «положительная значимость образа будущего страны», «негативная значимость образа страны в

настоящем времени», «положительная значимость образа исторического прошлого страны». При этом участие переменной «негативная значимость образа страны в настоящем времени» носит обратный характер (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты регрессии для зависимой переменной «приверженность личности стране»

Независимые переменные	Стандартизованные коэффициенты Бета	Статистическая значимость
Положительная значимость образа будущего страны	0,556	0,000
Негативная значимость образа страны в настоящем времени	-0,420	0,000
Положительная значимость образа исторического прошлого страны	0,057	0,015

При рассмотрении доли участия каждого из предикторов приверженности личности стране (см. табл. 2) обнаруживается наиболее весомая детерминационная роль субъективных образов будущего страны, о чем свидетельствует соответствующий им показатель стандартизованного коэффициента Бета (0,556 при $p = 0,000$), принимающий самые высокие значения среди всех независимых переменных. Почти 56% дисперсии переменной «приверженность личности стране» определяется воздействием переменной «положительная значимость образа будущего страны». Чем более положительно значимым является субъективно конструируемый образ будущего страны, тем более выраженной становится приверженность личности стране.

Для 42% выборки дисперсия приверженности личности стране определяется изменением субъективных переживаний образов страны в настоящем времени (значение стандартизованного коэффициента Бета равно 0,420). Чем менее негативно переживается личностью обобщенный образ страны в настоящем, тем более выражено ее желание строить свое дальнейшее будущее в пределах своей страны.

Образы исторического прошлого страны не оказывают такого существенного влияния, как образы настоящего и будущего страны. Всего лишь для 5,7% выборки дисперсия переменной «приверженность личности стране» зависит от переменной «субъективные образы исторического прошлого страны».

Помимо количественной выраженности и модальности значимости образов исторического прошлого и будущего страны дополнительно был предпринят их качественный анализ. Образы, с которыми ассоциируется будущее страны, являются преимущественно обобщенными (характерны для 88% выборки), имеют слабо выраженное конкретное содержание, характеризуются субмодальностями светлости, определенности (неопределенности) и различной эмоциональной окраской. Высокие значения приверженности личности стране сопровождаются, как правило (у 86% подгруппы с высоко выраженной приверженностью стране), оптимистичными, светлыми образами будущего страны, вызывающими приятные чувства; низкие показатели приверженности стране больше сопряжены (у 78% подгруппы с низко выраженной приверженностью стране)

с неопределенными, туманными, пугающими, неоднозначными образами будущего страны или вовсе с их отсутствием.

Было обнаружено, что субъективные образы исторического прошлого страны чаще, чем образы будущего страны, наполняются конкретным содержанием. Конкретное содержание образов исторического прошлого страны присутствует у 66% опрошенных всей выборки. Однако конкретность наполнения образов, с которыми ассоциируется историческое прошлое страны, более представлена у лиц с высоким уровнем приверженности стране (у 72% данной подгруппы лиц), чем у лиц с низким уровнем приверженности стране (у 38% подгруппы с низко выраженной приверженностью стране). Большая конкретная наполненность образов исторического прошлого страны у лиц, планирующих оставаться в пределах своей страны, может являться как следствием их лучшей осведомленности в вопросах истории страны, так и более высокой субъективной значимостью для них исторического прошлого своей страны.

Неожиданно нами было обнаружено общее содержание для 60,4% конкретных субъективных образов, с которыми ассоциируется историческое прошлое страны; это содержание связано с темами войны, военных действий, победы в войне. Лишь 10,4% конкретных субъективных образов исторического прошлого страны связано с явлениями и достижениями в области культуры. Доминирование темы войны в спонтанных ассоциациях, сопряженных с историей страны, может быть обусловлено большой силой эмоциональной значимости переживаемых потрясений, масштабами трагедии, кардинально меняющими судьбу всего народа, населяющего страну. Возможно, такой героический и вместе с тем трагический акцент на историческом прошлом страны усиливает желание видеть будущее страны в более позитивных и светлых тонах. Так или иначе, но приверженность личности стране становится более тесно связанной именно с тем, насколько положительно значимыми являются для личности конструируемые ею образы будущего своей страны.

Заключение

Проведенное исследование позволило в целом подтвердить гипотезу о том, что предикторами приверженности личности стране выступают конструируемые субъективные образы прошлого, настоящего и будущего страны. Установлено, что наиболее определяющую роль в построении приверженности личности стране играют субъективные представления о будущем страны. Выявленная особенность позволяет показать важность одного из существенных свойств приверженности

личности стране – ее ориентированность на будущее, способствующая осуществлению таких ее функций, как программирование и регуляция социального поведения и в целом построения жизненной стратегии личности.

Конструируемые образы будущего своей страны в наибольшей степени, по сравнению с образами настоящего и прошлого, зависят от содержания и степени активности самого субъекта, его способности интерпретировать воспринимаемую информацию и осмысливать жизненную реальность. Ориентированность личности на будущее дает ей наибольший трансформационный потенциал саморазвития, по сравнению с ориентированностью на переживание образов прошлого и настоящего. Определяющая детерминационная роль субъективно конструируемых личностью образов будущего страны позволяет констатировать, помимо внешнего, порой манипулятивного, воздействия транслируемых экранных и медийных образов страны, существование возможностей внутренней самодетерминации личности в процессе построения связей с социальной общностью страны и осознанной приверженности ей.

Список литературы

1. Фролова С. В. Модель факторов приверженности личности социальной общности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 80–86.
2. Бьюкенен П. Дж. На краю гибели / пер. с англ. М. Башкатова. М.: АСТ, 2008. 349 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
4. Нестик Т. А. Глобальная идентичность в условиях развития современного общества // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 281–292.
5. Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation // Psychological science. 2011. Vol. 22, № 6. P. 821–828.
6. Vosylis R., Erentaite R., Crocetti El. Global Versus Domain-Specific Identity Processes: Which Domains are More Relevant for Emerging Adults? // Emerging Adulthood. 2018. Vol. 6, № 1. P. 32–41.
7. Марцинковская Т. Д. Социализация в эпоху транзитивности: методологический аспект // Психологический журнал. 2016. № 5. С. 14–21.
8. Ловаков А. В., Лунатов С. А. Организационная идентификация и приверженность персонала: сходство и различие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8, № 2. С. 69–80.
9. Allen N. J., Meyer J. P. The Measurement and Antecedents of Affective, Continuance and Normative Commitment to the Organization // Journal of Occupational Psychology. 1990. Vol. 63, № 1. P. 1–18.

10. Meyer J. P., Maltin E. R. Employee Commitment and Well-Being: a Critical Review, Theoretical Framework and Research Agenda // *Journal of Vocational Behavior*. 2010. Vol. 77, № 2. P. 323–337.
11. Гостев А. А. Психология вторичного образа. М. : Институт психологии РАН, 2007. 512 с.
12. Смирнов С. Д. Психология образа : проблема активности психического отражения. М. : МГУ, 1985. 231 с.
13. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) // *Вопр. психологии*. 1986. № 4. С. 101–109.
14. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М. : Институт психологии РАН ; СПб. : Алетейя, 2003. 272 с.
15. Абульханова К. А. Методологический принцип субъекта : исследование жизненного пути личности // *Психологический журнал*. 2014. № 2. С. 5–18.
16. Фролова С. В. Социально-когнитивные основания психологической приверженности своей стране. М. : Академический проект, 2017. 153 с.
17. Шапарь В. Б., Шапарь О. В. Практическая психология. Проективные методики. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 480 с.
18. Собчик Л. Н. Метод цветových выборов – модификация восьмицветового теста Люшера. Практическое руководство. СПб. : Речь, 2016. 128 с.

Образец для цитирования:

Фролова С. В. Субъективные образы прошлого, настоящего и будущего страны как предикторы приверженности личности стране // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 442–447. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-442-447>

Subjective Images of the Past, Present and Future of a Country as Predictors of Commitment to One's Country

S. V. Frolova

Svetlana V. Frolova, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, frolovasv71@mail.ru

The article describes the results of the empirical research into and theoretical analysis of image determination of commitment to one's country. Topicality of the issue is increasing in the globally transforming world that is facing growing tendencies of international, territorial mobility of life and career strategies of modern society. In the conditions of obvious outer macrosocial determination of sovereign migration behavior, social psychology has to tackle the tasks of scientific study of inner personal predictors of commitment to one's country. The article was aimed at analyzing the role of subjective images of the past, present and future of a country in building up commitment of an individual to his or her country. To achieve the goal, the empirical research was undertaken. The research involved 219 people (137 female and 82 male participants; age range = 18-32) who were all citizens of Russia, university students and employees of private and state organizations. The research was based on the principle of anonymous participation and relied on the author's original questionnaire "Commitment to One's Country", designed image and association test "The Image of Russia and Foreign Countries" and A. M. Etkind's test of color relations. The role of subjective images of the past, present and future of a country in building up commitment of an individual to his or her country was assessed with the method of multiple regression analysis carried out by SPSS 20 computer program. The research revealed that subjective beliefs, positively and meaningfully connoted, about the future of the country play the major role in complex determination of commitment of an individual to his or her country.

Keywords: commitment to one's country, subjective images of a country, images of a country's historical past, images of a country's future, figuratively associative test.

References

1. Frolova S. V. The Model of Individual Commitment Factors to Social Community. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 80–86 (in Russian).
2. Buchanan P. J. *State of Emergency. The third world invasion and conquest of America Edge of destruction*. New York, Thomas Dunne Books / St. Martin's Press, 2006. 320 p. (Russ. ed.: B'yukenen P. Dzh. *Na krayu gibeli*. Moscow, AST Publ., 2008. 349 p.).
3. Toffler A. *The third wave*. New York, Bantam Books, 1980. 544 p. (Russ. ed.: Toffler E. *Tret'ya volna*. Moscow, AST Publ., 2010. 784 p.).
4. Nestic T. A. Global Identity in Conditions of Development of Modern Society. In: *Psihologicheskie issledovaniya globalnyh processov: predposylki, tendencii, perspektivy* [Psychological Studies of Global Processes: Prerequisites, Trends, Prospects]. Moscow, Institut psihologii RAN, 2018, pp. 281–292 (in Russian).
5. Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M. Global Social Identity and Global Cooperation. *Psychological Science*, 2011, vol. 22, no. 6, pp. 821–828.
6. Vosylis R., Erentaite R., Crocetti El. Global Versus Domain-Specific Identity Processes: Which Domains are More Relevant for Emerging Adults? *Emerging Adulthood*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 32–41.
7. Martsinkovskaya T. D. Socialization in Transitivity Era: Methodological Aspect. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2016, no. 5, pp. 14–21 (in Russian).
8. Lovakov A. V., Lipatov S. A. Organizational Identification and Commitment of Personnel: Similarity and Difference. *Zhurnal Vysshej shkoły ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2011, vol. 8, no. 2, pp. 69–80 (in Russian).
9. Allen N. J., Meyer J. P. The Measurement and Antecedents of Affective, Continuance and Normative Com-

- mitment to the Organization. *Journal of Occupational Psychology*, 1990, vol. 63, no. 1, pp. 1–18.
10. Meyer J. P., Maltin E. R. Employee Commitment and Well-being: A Critical Review, Theoretical Framework and Research Agenda. *Journal of Vocational Behavior*, 2010, vol. 77, no. 2, pp. 323–337.
  11. Gostev A. A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza* [Psychology of Secondary Image]. Moscow, Institut psihologii RAN, 2007. 512 p. (in Russian).
  12. Smirnov S. D. *Psikhologiya obraza: problema aktivnosti psikhicheskogo otrazheniya* [Psychology of Image: The Problem of Psychical Reflection Activity]. Moscow, MGU, 1985. 231 p. (in Russian).
  13. Rubinshteyn S. L. The Principle of the Creative One-self Activity (To the Philosophical Foundations of Modern Pedagogy). *Voprosy Psichologii*, 1986, no. 4, pp. 101–109 (in Russian).
  14. Brushlinskiy A. V. *Psikhologiya sub''ekta* [Psychology of a Subject]. Moscow, Institut psihologii RAN; St. Petersburg, Aletejya Publ., 2003. 272 p. (in Russian).
  15. Abul'khanova K. A. Methodological Principle of a Subject: Study of Person's Life Course]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2014, no. 2, pp. 5–18 (in Russian).
  16. Frolova S. V. *Social'no-kognitivnye osnovaniya psichologicheskoy priverzhennosti svoej strane* [Socio-Cognitive Grounds for Psychological Commitment to Own Country]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2017. 153 p. (in Russian).
  17. Shapar' V. B., Shapar' O. V. *Prakticheskaya psikhologiya. Proektivnye metodiki* [Practical Psychology. Projective Methods]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006. 480 p. (in Russian).
  18. Sobchik L. N. *Metod tsvetovykh vyborov – modifikatsiya vos'mitsvetovogo testa Lyushera. Prakticheskoe rukovodstvo* [Color Choice Method – Modification of the Eight-Color Luscher's Test. Practical handbook]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2016. 128 p. (in Russian).

Cite this article as:

Frolova S. V. Subjective Images of the Past, Present and Future of a Country as Predictors of Commitment to One's Country. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 442–447. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-442-447>

ПЕДАГОГИКА

УДК 37(09)(47+57)

Обучение как обращение в античной и христианской традициях

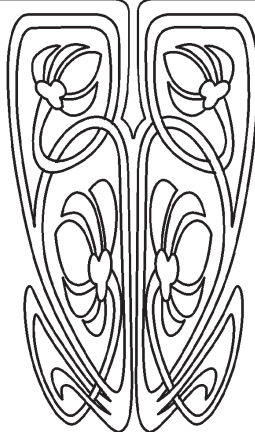
В. Г. Безрогов, В. К. Пичугина

Безрогов Виталий Григорьевич, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник, Центр истории педагогики и образования, Институт стратегии развития образования Российской академии образования, Москва, v_bezrog@rambler.ru,

Пичугина Виктория Константиновна, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, профессор РАО, Центр педагогики и образования, Институт стратегии развития образования Российской академии образования, Москва, pichugina_v@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В настоящей статье рассмотрен вариант обучения как обращения в новую систему взглядов, ведущую к изменению мировоззрения и самопонимания. Основная тема данного исследования – история становления идеи обучения. Цель – рассмотреть, как идея педагогической трансформации возникает в Античности, а затем переосмысливается в христианстве, на основе которого формируются средневековые представления о педагогике. Результатом исследования стала картина эволюции и развития идеи о воспитании как трансформации, качественной перемены личности ученика. Она прослеживается на переходе от метафоры «переворот» к понятию «обращение». Совершенный еще в античной мысли, этот переход вошел в раннехристианскую картину мира в качестве основополагающего тезиса. Педагогический процесс как образование становится связанным в первую очередь не с метафорой отпечатка, отпечатка учителя в ученике, а с метафорой переворота, отклика на слова Бога-Учителя, переданные через учителя земного. Данный переход смыслов, прослеженный на основе рассмотрения текстов Ветхого и Нового Завета, сочинений Эпиктета, Кебета, Арнобия, Григория Нисского, Никиты Стифата, Франциска Ассизского, Фомы Челанского, Антония Падуанского, выявляет и реконструирует важную страницу исторического развития педагогического сознания средиземноморской и западноевропейской цивилизаций.

Ключевые слова: обучение, Античность, раннее христианство, Средневековье, учитель, ученик

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-448-452>

В античном мире обращение как моральная трансформация, скорее, было темой философии, а не религии. Основным средством в моральной трансформации была протрепетическая, увещательно-убеждающая речь философа-учителя жизни. Согласно Эпиктету цель речей философа – изменение жизни слушателем, который не просто благодарит философа за стиль, а говорит, что, поскольку тот сильно затронул его сознание, слушатель не может более поступать так, как привык ранее (Беседы 3.23.37). Сила сказанного слова подчеркнута и в 1 Фес 1:5,6,8.

Одна из наиболее популярных версий обращения с помощью философии – «Таблицы Кебета», разработанные в I в. н.э. [1]. В них выведены образы людей, идущих по дороге жизни, некоторые из них достигают в конце ее счастья (eudaimonia) с помощью обращения (metanoia, metameleia). В «Таблицах» содержатся сведения о трех идеях, сопутствующих моральному обра-

щению. Они были вполне понятны и античным школам философии, и ранним христианам: 1. Хорошим быть трудно, жизнь в добродетели есть состязание, борьба, схватка, конное ристалище. 2. Есть только один выбор – между легкой жизнью в пороке и трудной жизнью в добродетели. 3. Непременность правильного выбора есть правильный вид образования (*paideia*) [2, р. 101–102]. Чтобы достичь «истинного воспитания», требуется согласно Кебету не школа, а «раскаяние» («обращение») и помощь аскетических «сестер»: Саморегуляции (*Enkrateia*) и Настойчивости (*Karteria*) (16.2). Обращение как уход от искаженных ценностей доминирующей культуры – тема, известная античным киникам. Киническое обращение было отвержением конвенциональности жизни, свобода от моральных условностей которой достигалась аскетической практикой. Это было обращение, по-видимому, в радикальный индивидуализм, в *autarkeia* (суровую самодостаточность). Стоики, подобные Эпиктету, также говорили, что для превращения в философа следует отвергнуть «обычай простецов» и даже уйти из своей страны (Беседы 3.16.11,16). Ценой такого поступка становились изолированность и отрыв от традиции, которые восполнялись временным общением между собой учеников философской школы.

В христианской идеологии утверждается принцип следования Иисусу как воспитание через обновление. Это обновление есть в конечном итоге возвращение к безгрешному Адаму. Содержание новозаветной традиции так же ново, как нов Учитель, как новы Его ученики. Новозаветная идея утверждала: Учитель умер за ветхих людей, чтобы духовно обновить их. Новизна христовых учеников есть стремление к очищению человеческой природы от грехов и неверных приоритетов.

Преображение не предполагает обязательно обучения и воспитания, хотя не отвергает их и даже рекомендует. «Панпедагогизм» христианской идеи изменения обусловил возвращение педагогического через образ «нового учителя», который синтезировал функции дидаскала и педагога, пророка и жреца, мудреца и писца-книжника, ритора и советника, наперсника и адвоката, авторитета и помощника. Он делал «новыми» тех, кого он призывал в ученики. Обновление стало результатом трансформации ученика.

Ученик, «сораспявшись», возрождает внутри себя живого Христа (Гал 2:20), обновляясь его светом как своим будущим (*Arnob. Adv. Her. I, 34*). Стержнем жизни провозглашалась вера в пришествие Сына Божия, а не в традицию. Педагогика, воспроизводящая старое, превращалась в педагогику проектирующую, занимающуюся

невиданным ранее преобразованием человека, устремленного в будущее, ориентированного на спасение своей души, обновляющего свою душу для вечности.

Христианская парадигма педагогического процесса продолжала развиваться. Ее поддерживали Священное Писание и комментарии авторитетов. По мысли Григория Нисского (ок. 335 – после 394 г.), обучающийся христианству должен был пройти через стадию нового человека на пути к совершенному. Так проинтерпретирован у него отрывок из Послания Павла жителям Колосс: «Павел, желающим слушать совету достигать совершенства, предлагает и способ, как улучшить искомое, говоря, что должно совлечься *ветхаго человека и облещися в новаго, обновляемого по образу Создавшего* (Кол 3:9-10)» [3, с. 110].

Воплощая основную идею монашеской педагогики, византийский автор XI в. Никита Стифат связал обновление человека с уходом от мира. В дилемме, идти ли новому человеку в мир, совершенствуя и «убеждая» его, или становиться новым через отвержение, «убегание» от мира и его несовершенств, он выбрал второй вариант: «Решивший приникнуть к писаниям мужей богословов и влекомый на это любовью к чтению, прежде всего, соблюдая верность, должен убежать от мира и того, что в мире, всецело, телом и духом, и от души возненавидеть грех, стремящийся к вещественному, и отрясти с себя сиюминутное наслаждение удовольствиями, и, следовательно, положить доброе основание на крепком камне веры, благодаря деланию и исполнению заповедей Христовых, и благоискусно воздвигнуть на нем дом добродетелей, и совлечься ветхого, истлевающего в своих похотениях человека, и облечься в обновляемого Христа, конечно, достигшего безупречности и через достойно воспринятое совершенство восшедшего *в мужа совершенного...* (Еф 4:13)» [4, с. 159–160]. Совершенный человек воспитывается в раннем христианстве на педагогической идеологии обновления ученика в процессе его обучения. Первым примером такого процесса стал Иисус, найдя, выбрав и пройдя в земном облике по Стифату некий путь к безупречному совершенству.

Сотворение «нового ученика» было сверхцелью и наставлений учителя, и (само)образования. Учителем в таком случае могли считать любого человека, назидającego и проповедывающего. У него с его слов и поведения перенимали веру и истину, видя такого наставника подобным евангелистам. Вполне логично поэтому, например, св. Франциск Ассизский в «Первом житии св. Франциска» ученика его Фомы Челанского (1190–1260) назван «новым евангелистом/новым

благовестником/апостолом (*novus evangelista*)» [5, §89]. Будучи сначала «подобен нам» и «от ранней юности» не быв «наставлен в пути Божиим и в Его познании», Франциск «природной простотой и юношеским греховным пылом» был «сильно сбиваем с пути истинного». «Изменение над ним десницы Всевышнего» привело к тому, излагает Фома, что Франциск «освободился от греха, по милости и силе Всевышнего, и исполнился духа премудрости превыше своих современников». «Словом и примером» обращает Франциск людей от безумия мирской мудрости к премудрости Божией. Герой жития становится новым свидетелем-провозвестником, и Фома Челанский поет гимн его назиданию, обновляющему всю вселенную: «89.4. И вот в последнее (букв.: «новейшее») время новый Апостол, словно река, вытекающая из Эдема, растекаясь по всей земле и орошающая землю влагой евангельской, подвигами своими проповедовал миру путь Сына Божия и учение истины. В нем и через него возбуждено было по всей земле новое веселие с надеждой, началось святое обновление, обновилось внезапно семя обветшавшей веры, и многое, давно уже казавшееся устарелым, обновилось». Не всем, однако, доступна обновляющая трансформация; усилия даже такого наставника не изображены дающими стопроцентный результат: «89.6. Дух новый был вложен в сердца избранные и распространился в самом средоточии этих сердец спасительным бальзамом, ибо раб Христов, словно новое светило на тверди небесной, просиял свыше и новой святостью, и новым светом». Обновление есть труд, вкладываемый в воспитание (=обновление) души и учителем, и учеником. Учитель изображен Фомой плодоносящим деревом, от которого получает благоуханную пищу истинного верования братская паства учеников, последователей и единомышленников: «89.7. Обновились в нем легендарные чудеса, и в пустыне мира сего, по новому порядку, но не по старому обычаю, насаждена была маслина зеленеющая, приносящая плод, благоухающий святыми добродетелями, и простирающая во все стороны ветви святого братства» [6, с. 274–275].

Братство учеников св. Франциска, члены его монашеского ордена продолжали обсуждать обновление обучающегося во Христе «сына Божия», ибо все люди – «Его дети». Св. Антоний Падуанский (1195–1231) видел идею обновления Божьим промыслом содержащейся даже в названиях вроде бы вполне обычных, повседневных предметов. И в то же время совсем не таких обычных, как кажется... «Нож/бритва, прозванный так потому, что как бы новым делает [лицо] человека» (*Novacula dicta, quod quasi novum faciat hominem*)

[ср.: *Isid. Etym.* XX, 13.4: *Novacula eo quod innovet faciem*], есть исповедь, обновляющая дух человека (*est confessio, quae novat hominis spiritum*). Поэтому говорит Иеремия: Обновляйте пашню/новью (*Novate novale*)...», – читаем в антониевой Проповеди на первое воскресенье Адвента [7, с. 60–63]. Воспитание человека «острием искренней исповеди» представлено обрезанием пороков и соблазнов как волос с головы и бороды человека. Церковная педагогика «бритвой исповеди» почти в буквальном смысле счищает ветхого человека и являет воспитанника обновленным для «Того, Кто нас сотворил». Заблуждения, грехи людей – это старое (*vetus error*), «ночь и заблуждение греха означает слепоту; день и мир – просвещение благодати», преображение человека (*Dominica I de Adventu*, II, 12). Адам был ветхим до появления Христа. Иисус – «новый Адам (*novus Adam*)». Этот новый Адам, Иисус, как «молоденький/новый теленок (*vitulus novellas*)», от рождения, согласно Антонию «стесненный ярмом послушания, один потащил груз всех наших грехов». Невидимый, одинокий отрок (*iuvenculus*), он «тащит груз, непосильный ангелам и людям» (*Dominica XI post Pentecosten*, I, 9).

«Новый Адам был завернут в пелены, в сиянии которых предстала нам чистота Его Матери, крещальная невинность, слава всеобщего воскресения» (*In Nativitate Domini*, II, 7) [7, с. 109, 204–205]. Каждый человек может прикоснуться к «новому младенчеству», поскольку сокрушение в грехах и исповедь по св. Антонию преобразуют человека во «младенца (*puer*), то есть нового обращенного (*idest noviter conversum*)» (*Idem.*, V, 15). Младенческое состояние для Антония в отличие от Августина – образец чистоты, невинности, новизны. Поэтому обновление, духовное, церковное воспитание мыслится Антонием как восстановление младенчества в человеке. Не избывание детской поры, «всего детского» (как в агиографической модели житий святых), но новое вхождение в младенческую пору раннего детства сделано моделью для наставления паствы: «*Младенец родился нам*: толкование нравоучительное. Об этом Младенце говорится у Матфея: ‘Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное’ (Мф 13: 38). Обрати внимание: младенец, когда не спит в колыбели, громко плачет; будучи нагим, не стыдится; если испуган, торопится вернуться к материнской груди; мать, когда хочет удалить его от груди, мажет соски горечью; не возобновляет коварства векового; не умеет грешить; не делает ближнему зла; не держит гнева; не ненавидит никого; не ищет богатства; не удивляется благам этого мира; не принимает притворного вида. Младенец – это кающийся»

обращенный, который когда-то был исполнен гордыни сердца, надменен в самодовольстве слов, величав в роскоши вещей; но недавно стал младенцем, ничтожным и презираемым в глазах своих (*sed modo parvulus, humilis et despectus in oculis suis*), который когда не спит, т.е. снова в мыслях обращается к своей прежней жизни, то горько плачет; нагим и нищим ради Христа быть не стыдится или себя на исповеди обнажать не стыдится; терпя обиду, не обижается, но торопится вернуться к Церкви и читает молитвы за преследуемых и оклеветанных. Матерь Церковь отняла его от молока, когда грудь плотского сластолюбия, которую он часто сосал, намазала ему горьким покаянием. ... Итак, когда кто-нибудь из живущих в миру обращается и становится младенцем Христовым, должны мы... с ликованием сердца, в гласе веселья сказать: *Младенец родился нам*. Потому у Иоанна говорится: *Женщина*, т.е. святая Церковь, *когда рождает*, в проповеди или в сострадании к грешникам, *терпит скорбь* [...]; *но когда родит*, в сокрушении и исповеди грешника, младенца, т.е. нового обращенного, *уже не помнит скорби от радости...*» (In Nativitate Domini, V, 15) [7, с. 117–119]. Рождение христианина как «чада Божия» представлялось св. Антонием его аудитории решающим судьбу обновлением, вносимым в мир божественной педагогией с помощью церкви и ее учителей. Покаяние – один из важнейших путей к «новой жизни», это в принципе уже сама «новая жизнь» (*status novae vitae*)» (In Epiphania Domini, I, 3).

Обновление человека как результат божественной педагогики рассматривалось Антонием как возрождение его прежде бывшего состояния, возвращение к свободному от грехов младенчеству, возвращение «чада» к образу Божию в человеке: «Бесчисленными казнями пороков и грехов род человеческий угнетен был, но, когда пришел Искупитель, возвращается к дням отрочества своего, а именно обновляется в целостности прежней жизни, чтобы не пребывал в том, в чем свершил грех, но искупленным вернулся к тому, для обладания чем и был сотворен» [7, с. 234–235]. Опираясь на версию перевода Книги Иова в Вульгате, текст «И то, что малым было в начале твоём, впоследствии умножится у тебя весьма», Антоний интерпретирует в близкой ему парадигме «прежнего – нового»: «немногочисленным станет прежнее твоё, а новое твоё умножится чрезвычайно» [7, с. 250–253]. Воспитание христианина предстает как «умножение нового», возвращение состояния, имевшего быть в Эдеме. С приходом Христа и христианства мир родился заново, и с воспитанием истинного, глубоко веру-

ющего и искренне кающегося в своем прежнем, греховном состоянии, он рождается вновь. Истинный смысл цикла новых рождений известен лишь Богу: «Появление зари есть новое рождение воскресения (*nova nativitas resurrectionis*), которым святые восходят во плоти к лицемерию вечного света. Но, сколько бы ни сияли здесь избранные, не могут они проникнуть в то, какова будет слава нового рождения (*Gloria novae nativitatis*)» (Dominica XIII post Pentecosten, III, 22) [7, с. 274–277]. «В Рождество Своего Сына» Бог «сотворил некий новый мир, все обновляющий (*in sui Filii Nativitate fecit quondam mundum novum, omnia innovantem*)» (In Annuntiatione Beatae Mariae Virginis, III, 15) [7, с. 328–329]. Старое, ветхое, прежнее – отрицательные характеристики для Антония. В эти категории попадает все – от греха делом до греха словом, дерзкой похвальбы. Опять подспорьем служит латинская версия Ветхого Завета, подчеркивающая разницу старого и нового. В первой книге Царств (1 Самуила) Вульгата интерпретирует слова «да не выйдет похвальба из уст ваших» как «да удалится старое от уст ваших (*recedant vetero de ora vestro*)» (1 Цар 2:3). Антоний как знаток Св. Писания, проповедник и учитель, не проходит мимо этого места (In Annuntiatione Beatae Mariae Virginis, I, 4). Средневековая монашеская педагогика, да и средневековая педагогика вообще получают с именем Св. Антония Падуанского обоснование тезиса об обновлении как одной из главных целей христианского воспитания.

С наступлением Нового времени христианская воцерковленность все меньше внимания обращает на концепт «новизны» как принцип безгрешного отношения человека с миром. Однако понятие «обновление ученика» в педагогическом сознании сохраняется – теперь уже вне обязательного религиозного контекста, его породившего.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 годы (№ 27.8089.2017/БЧ).

Список литературы

1. Fitzgerald J. T., White L. M. The Tabula of Cebes. Chico, California : Scholars Press, 1983. 225 p.
2. Bonner S. F. Education in Ancient Rome from the Elder Cato to the Younger Pliny. Berkeley, 1977. 404 p.
3. Нусский Г. Об устройении человека / пер. В. М. Лурье. СПб. : Axioma, 1995. 176 с.
4. Сцифат Н. [Вступление] к книге Божественных

- гимнов преподобного отца нашего Симеона / пер. иером. Дионисия (Шленова) // Богословский вестник Моск. дух. акад. и Моск. дух. семина. 2005–2006. № 5–6. С. 151–176.
5. *Tommaso da Celano. Vita prima di S. Francesco d'Assisi. Romae, 1880. 110 p.*
6. Истоки францисканства / под ред. А. Вичини, Я. Ан. Кайшядорис. Милан, 1996. 1062 с.
7. *Св. Антоний Падуанский. Проповеди / под ред. В. Л. Задворного. М.: Изд-во Францисканцев – Братств Меньших Конвентуальных, 1997. 401 с.*

Образец для цитирования:

Безрогов В. Г., Пичугина В. К. Обучение как обращение в античной и христианской традициях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 448–452. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-448-452>

Learning as Conversion in Classic and Christian Traditions

V. G. Bezrogov, V. K. Pichugina

Vitaliy G. Bezrogov, <https://orcid.org/0000-0001-6389-478>, History of Education Dept., Institute for Strategy and Theory of Education, 5/16 Makarenko St., Moscow 105062, Russia

Victoriya K. Pichugina, <https://orcid.org/0000-0002-1195-725X>, History of Education Dept., Institute for Strategy and Theory of Education, 5/16 Makarenko St., Moscow 105062, Russia

The article considers the option of training as an appeal to a new system of views, leading to a change in worldview and self-understanding. The idea of such a pedagogical transformation arises in antiquity, and then in its own way is rethought in Christianity, on the basis of which medieval ideas about pedagogy are formed. The development of the idea of education as a transformation, a qualitative change in the personality of the student is traced in the transition from the metaphor of “re-volution” to the concept of “conversion”. Perfect even in ancient thought, this transition entered the early Christian picture of the world as a fundamental thesis. The pedagogical process as education becomes connected first of all not with the metaphor of the imprint, the imprint of the teacher in the student, but with the metaphor of the revolution, the response to the words of God the Teacher, transmitted through the earthly teacher. This transition of meaning is traced while considering the texts of the Old and New Testament, the writings of Epictetus, Cebes, Arnobius, Gregory of Nyssa, Niketas Stethatos, Francis of Assisi, Tommaso da Celano, Anthony of Padua.

Keywords: learning, Classics, Early Christianity, Medieval Ages, teacher, pupil.

Acknowledgments: This study was fulfilled according to the state contract 27.8089.2017 of the Institute for Strategy and Theory of Education of the Russian Academy of Education.

References

1. Fitzgerald J. T., White L. M. *The Tabula of Cebes*. Chico, California, Scholars Press, 1983. 225 p.
2. Bonner S. F. *Education in Ancient Rome from the Elder Cato to the Younger Pliny*. Berkeley, 1977. 404 p.
3. Nisskij G. *Ob ustroenii cheloveka* [On the Human Constitution]. Trans. V. M. Lur'e. St. Petersburg, Axioma, 1995. 176 p. (in Russian).
4. Stifat N. The Book of Divine Hymns compiled by Simeon Venerable, [Introduction]. Trans. ierom. Dionisiya (Shlenova). *Bogoslovskij vestnik MDA i MDS* [Theological Bulletin(en) MDA and MDS, 2005–2006, vol. 5–6, pp. 151–176 (in Russian).
5. Tommaso da Celano. *Vita prima di S. Francesco d'Assisi. Romae, 1880. 110 p.*
6. *Istoki frantziskanstva* [The origins of the Franciscanism]. Ed. by A. Vichini, Ya. An. Cajsadoris. Milano, 1996. 1062 p.
7. St. Antoniy Paduanskiy. *Propovedi* [Sermons]. Ed. by V. Zadvornuy. Moscow, Izd-vo Frantsiskantsev – Bratev Menshikh Konventualnykh, 1997. 401 p. (in Russian).

Cite this article as:

Bezrogov V. G., Pichugina V. K. Learning as Conversion in Classic and Christian Traditions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 448–452. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-448-452>

УДК 616.1/4(091):001.126:004:378"312/313"

Академическая история болезни на клинических кафедрах – специфика, инновационность, методический потенциал применения, перспективы использования

С. В. Вертянкин, О. М. Конопацкова, В. В. Якубенко

Вертянкин Сергей Викторович, доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой факультетской хирургии и онкологии, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, vertyank@yandex.ru

Конопацкова Ольга Михайловна, доктор медицинских наук, профессор, кафедра факультетской хирургии и онкологии, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, o.konopatskova@mail.ru

Якубенко Валерий Владиславович, кандидат медицинских наук, кафедра факультетской хирургии и онкологии, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, yakubenko.dok@mail.ru

Цель статьи – изучить целесообразность написания студентами академической истории болезни, а также необходимость ее коррекции в соответствии с инновационными технологиями в преподавании, внедрением в практическую деятельность электронных историй болезни, современным программным обеспечением. **Материалы и методы.** На кафедре факультетской хирургии и онкологии ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского» Минздрава России было проведено соответствующее анкетирование; разработана специальная анкета, состоящая из 13 вопросов. В анкетировании приняли участие 200 человек (студенты IV курса лечебного факультета, ординаторы кафедры факультетской хирургии и онкологии, врачи факультетской хирургической клиники, преподаватели кафедры факультетской хирургии и онкологии, сотрудники клинических кафедр хирургического профиля). **Результаты.** Учебная история болезни продолжает оставаться одной из необходимых форм самостоятельной работы студентов; в настоящее время назрела необходимость вводить изучение программных продуктов «электронных историй болезни», которые работают в практическом здравоохранении. **Заключение.** По мнению большинства опрошенных, студенческая история болезни является интересной формой обучения, направленная на соблюдение принципов медицинской деонтологии и этики, профориентацию студентов.

Ключевые слова: клиническое мышление, учебная история болезни, анкетирование.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-453-457>

Постановка проблемы

Вопросы улучшения подготовки специалистов в высшей школе не теряют актуальности. Повышение качества образования возможно через оптимизацию учебного процесса путем использо-

вания новых стандартов обучения, компьютерных технологий. Главная задача медицинского вуза хорошо известна – подготовка квалифицированного врача, обладающего полноценными знаниями, имеющего практические навыки, владеющего клиническим мышлением. По мнению Ф. В. Шарипова, эффективность образования определяется результатами, сопоставимыми с целями и средствами их достижения, вкладом в обучение будущих специалистов для адекватной работы в будущем [1]. Конечно, каждое время и каждая социальная система имеют свои особенности и требования. В настоящее время система образования в России ориентируется на реформы, нацеленные на сохранение единства образовательного пространства и развитие многообразных форм и методов организации учебного процесса [1]. С 2003 г. Российская Федерация официально присоединилась к Болонской декларации высшего образования европейских стран [2], начала активно использовать предлагаемые методики в учебном процессе, однако при этом были сохранены основы фундаментальных методик обучения. Как отмечает А. М. Новиков, основной целью является формирование способности личности к активной деятельности, знания из основной цели образования превращаются в средство развития личности обучающихся [3]. Вопросы формирования клинического мышления, как и прежде, считает О. М. Кузьминов с соавт., имеют важнейшее значение в выработке профессионального навыка врачебной деятельности [4]. Автором обоснована компетентностно-ориентированная технология оптимизации формирования клинического мышления на основе программных средств учебного назначения. Существует множество форм аудиторных и внеаудиторных форм работы студентов медицинских вузов: тестирование, устный ответ, ситуационная задача, разбор клинического случая и т.д. [5]. Важной формой обучения традиционно остается написание студентом медицинского вуза академической истории болезни, что помогает выработать правильный тактический и практический подход к пациенту. Используемая форма студенческой истории болезни соответствует тре-

бованиям, предъявляемым к медицинской карте стационарного больного. Несмотря на будущую специализацию, студент осваивает и закрепляет навыки общения с пациентом, его детального осмотра; у него формируется аналитический склад ума посредством анализа симптомов, синдромов заболевания, составления плана диагностического поиска, дифференциальной диагностики. Проанализировав полученные данные, студент составляет предположительный план лечения пациента и постигает основы работы с первичной медицинской документацией. Одна из главных задач, стоящих перед студентом в период написания истории болезни, – формирование клинического мышления. Основная причина ошибок в диагностике и, как следствие, в лечении – отсутствие логической последовательности клинического мышления. В зависимости от содержания решаемых задач можно выделить следующие виды мышления: предметно-действенное (решение задач с помощью реального, физического преобразования ситуации, апробирования свойств объектов); наглядно-образное (в ходе решения задачи анализируются, сравниваются, обобщаются различные данные); словесно-логическое (используются понятия и логические конструкции, которые иногда не имеют прямого образного выражения) [6]. По мнению А. В. Петровского, «...мышление начинается там, где оказывается недостаточным или даже бессильным чувственное познание» [7, с. 431]. В силу этого для успешного лечения пациента необходимо обобщение всей получаемой от него информации, ее критическое осмысление, сравнение с теоретическими сведениями о патологии, закономерностях ее развития для уточнения диагноза и прогноза с целью определения конкретной программы действий на этапах помощи больному [8]. Таким образом, актуальность исследования определяется социальным заказом на личность врача, обладающего клиническим мышлением как атрибутивной профессионально-личностной характеристикой.

Цель исследования – изучить целесообразность написания студентами академической истории болезни, а также необходимость коррекции схемы истории болезни в связи с инновационными технологиями в преподавании, внедрением в практическую деятельность электронных историй болезни, современного программного обеспечения.

Методы исследования

Для решения вопроса формирования клинического мышления будущих врачей в процессе написания учебной истории болезни на кафедре факультетской хирургии и онкологии ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский

университет имени В. И. Разумовского» Минздрава России было проведено соответствующее анкетирование. Была разработана специальная анкета, состоящая из 13 вопросов:

1. Является ли для Вас написание студенческой истории болезни процессом личных открытий, исследований и разрешением реальных клинических ситуаций?

2. Считаете ли Вы написание студенческой истории болезни интересной формой самостоятельной работы студентов на клинической кафедре хирургического профиля?

3. Помогает ли студенческая история болезни интересно учиться студенту и интересно учить преподавателю?

4. В задаче непрерывного медицинского образования самостоятельной работе и самообразованию врача отведено ключевое место. Однако умения и навыки самостоятельной работы не приходят сами собой. Их необходимо целенаправленно формировать в ходе учебного процесса. Помогает ли студенческая история болезни в приобретении навыков самостоятельной работы?

5. Способствует ли студенческая история болезни в формировании стимулирующей функции самостоятельной учебной работы (проявляется в придании процессу обучения профессионального ускорения, которое выражается в том, что в ходе самостоятельной учебной деятельности у студентов формируется умение видеть горизонты личностного и профессионального роста и стремление их достичь)?

6. Выполняет ли студенческая история болезни образовательную функцию самостоятельной учебной работы (состоит в способствовании самостоятельной работе и активному освоению содержания образовательной программы, превращению полученных знаний в умения и навыки, формированию первоначального опыта решения профессиональных задач)?

7. Выполняет ли студенческая история болезни развивающую функцию самостоятельной учебной работы (выражается в интеллектуальном, эмоционально-волевом развитии студентов; служит повышению культуры умственного труда, обогащению интеллектуальных способностей, приобщению к поисковой, исследовательской, творческой деятельности)?

8. Выполняет ли студенческая история болезни воспитательную функцию самостоятельной учебной работы (заключается в формировании у студентов потребности в самообразовании, активной жизненной позиции; выступает основным средством воспитания у них чувства долга, ответственности, инициативы, упорства в достижении цели)?

9. Помогает ли процесс написания студенческой истории болезни в овладении и соблюдении принципов медицинской деонтологии и этики (проблема взаимоотношений внутри коллектива и с пациентами имеет особое значение; без слаженной работы всех сотрудников, а также в условиях отсутствия доверия между доктором и пациентом вряд ли удастся достичь серьезных успехов на медицинском поприще)?

10. Способствует ли процесс написания студенческой истории болезни процессу профориентации студентов (общение с больными в момент курации может повлиять на выбор врачебной специальности: некоторые студенты проявят умение и желание работать с хирургическим больным, а кто-то остановит свой выбор на специальностях, где контакт с пациентом отсутствует или сведен к минимуму)?

11. Необходимо ли внести в студенческую историю болезни изменения, связанные с действующим законодательством: согласие пациента на операцию, переливание крови, обезболивание; действующие клинические рекомендации, стандарты, коды МКБ и т.д.?

12. Необходимо ли изучение программных продуктов «электронных историй болезни», которые работают в практическом здравоохранении?

13. Нужна ли в настоящее время такая форма самостоятельной работы студента, как академическая история болезни? Если не нужна, то какой формой самостоятельной работы ее можно заменить?

На каждый из задаваемых вопросов предполагалось пять вариантов ответов: нет; скорее нет, чем да; затрудняюсь ответить; скорее да, чем нет; да.

В анкетировании приняли участие 200 человек: студенты IV курса лечебного факультета – 110 человек (55,0%), ординаторы кафедры факультетской хирургии и онкологии – 22 человека (11,0%), врачи факультетской хирургической клиники – 42 человека (21,0%), преподаватели кафедры факультетской хирургии и онкологии – 19 человек (9,5%), сотрудники клинических кафедр хирургического профиля (акушерства и гинекологии, глазных болезней, госпитальной хирургии, нейрохирургии, травматологии и ортопедии, урологии) – 7 человек (3,5%).

Результаты исследования

Анализ ответов респондентов на первый вопрос показал, что 98 студентов (49,0%) считают написание студенческой истории болезни процессом личных открытий, исследований и решением реальных клинических ситуаций. Среди ординаторов также прослеживается тен-

денция к познавательной цели истории болезни – 20 человек (10,0%) ответили на данный вопрос положительно. Личностные открытия при работе с первичной медицинской документацией получают 39 врачей-хирургов (20,0%). При анкетировании сотрудников кафедры факультетской хирургии и онкологии и кафедр хирургического профиля положительный ответ получен у всех.

Процесс написания истории болезни как интересную форму самостоятельной работы считают актуальным 80 студентов (40%), 15 ординаторов (7,5%), 30 врачей-хирургов (15,0%), 15 сотрудников базовой кафедры (7,5%) и 5 преподавателей кафедр хирургического профиля (2,5%). Повышение стимула к определенному виду обучения и познания специальности после написания истории болезни отмечают 74 студента (37,0%), 20 ординаторов (10,0%), 40 врачей-хирургов (20,0%), 10 преподавателей кафедры (5,0%) и 4 сотрудника кафедр хирургического профиля (2,0%). Достаточно высоко была оценена роль академической истории болезни в формировании навыков самостоятельной работы. Это отметили 82 студента (41,0%), 19 ординаторов (9,5%), 36 врачей-хирургов (18,0%), 19 преподавателей кафедры (9,5%) и 7 преподавателей кафедр хирургического профиля (3,5%). Рассматривая написание истории болезни с позиции стимуляции обучающегося к образовательному процессу (сбору, анализу и изложению полученной информации), можно сделать вывод, согласно которому эти функции успешно реализуются. С этим положением согласны 93 студента (63,0%), 11 ординаторов (5,5%), 30 хирургов (15,0%), 15 преподавателей кафедры (7,5%) и 6 сотрудников других кафедр (3,0%).

Для большинства категорий опрошенных академическая история болезни, безусловно, выполняет образовательную функцию. Положительный ответ получен у 105 студентов (52,5%), 9 ординаторов (4,5%), 29 врачей-хирургов и всех преподавателей хирургических кафедр (14,5%). На вопрос, выполняет ли учебная история болезни функцию развивающую, т.е. способствует ли приобщению к исследовательской, творческой деятельности, положительно ответили 78 студентов (39,0%), 17 ординаторов (8,5%), 29 хирургов (14,5%), 16 преподавателей кафедры (8,0%) и 5 сотрудников других кафедр (2,5%).

Данный вид самостоятельной работы направлен на формирование и воспитательной функции (воспитывает дисциплину, учит основам этики и деонтологии врачебной деятельности). Это отметили 93 студента (46,5%), 20 ординаторов (10,0%), 29 врачей-хирургов (14,5%), 14 преподавателей кафедр (7,0%) и 3 сотрудника хирургических

кафедр (1,5%). Степень влияния написания истории болезни на профориентацию студентов была определена по-разному. Так, 31 студент (15,5%) положительно оценивает ее влияние на выбор будущей профессии. С этой точкой зрения согласны 16 ординаторов (8,0%), 26 врачей-хирургов (13,0%), 15 преподавателей кафедры (7,5%) и 4 сотрудника других кафедр хирургического профиля (2,0%).

Все сотрудники кафедр считают, что в настоящее время необходимо внести изменения в академическую историю болезни (в соответствии с действующим законодательством). Положительно по этому вопросу высказались 70 студентов (35,0%), 12 ординаторов (6,0%) и 18 врачей-хирургов (9,0%). В настоящее время все актуальнее становится необходимость изучения программных продуктов «электронных историй болезни». Это отразилось в 100% положительных ответов ординаторов, врачей-хирургов и всех преподавателей кафедр. Студенты с осторожностью относятся к этому вопросу – 65 человек (32,5%) ответили отрицательно. Завершающий вопрос анкетирования – нужна ли в настоящее время такая форма самостоятельной работы студента, как академическая история болезни? Положительно на этот вопрос ответили 100 студентов (50,0%), 20 ординаторов (10,0%), 36 врачей-хирургов (18,0%) и все преподаватели кафедр. Если определить число положительных ответов на последний вопрос в каждой группе, то положительную оценку процессу написания учебной истории болезни по хирургии дали 90,9% студентов, 45,5% ординаторов, 42,9% врачей-хирургов, 100% преподавателей кафедры и 100% сотрудников кафедр хирургического профиля.

Заключение

Таким образом, учебная история болезни продолжает оставаться одной из необходимых форм самостоятельной работы студентов. По

мнению всех опрошенных, студенческая история болезни помогает формировать навыки самостоятельной работы, выполняет стимулирующую, образовательную, развивающую и воспитательную функции. В настоящее время назрела необходимость вводить изучение программных продуктов «электронных историй болезни», которые работают в практическом здравоохранении. По мнению большинства опрошенных, студенческая история болезни является интересной формой обучения, способствует соблюдению принципов медицинской деонтологии и этики, помогает в профориентации студентов.

Список литературы

1. Шарипов Ф. В. Педагогика и психология высшей школы. М. : Логос, 2012. 448 с.
2. Треногов А. В., Исаева Е. Р. Психолого-педагогические основы обучения в медицинском вузе: учеб. пособие по курсу «Введение в специальность» для студентов. СПб. : СПбГМУ, 2006. 55 с.
3. Новиков А. М. Методология образования. М. : Эгвес, 2006. 488 с.
4. Кузьминов О. М., Пшеничных Л. А., Крупенькина Л. А. Формирование клинического мышления и современные информационные технологии в образовании. Белгород. : НИУ БелГУ, 2012. 110 с.
5. Шапкин Ю. Г., Капралов С. В., Хильгияев Р. Х., Беликов А. В., Хорошкевич А. В. Инновационные методики в преподавании общей хирургии в медицинском вузе // Саратовский научно-медицинский журнал. 2011. Т. 7, № 4. С. 992–993.
6. Немов Р. С. Психология : в 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. М. : Владос, 2000. 688 с.
7. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. М. : Академия, 2001. 512 с.
8. Дмитриев Ю. Я., Тахтамыш А. Н., Плахов В. И. Использование системы доказательности в процессе преподавания онкологии // Проблемы доказательности в медицине и медицинском образовании. Саратов : СГМУ, 2000. С. 21–22.

Образец для цитирования:

Вертянкин С. В., Конопацкова О. М., Якубенко В. В. Академическая история болезни на клинических кафедрах – специфика, инновационность, методический потенциал применения, перспективы использования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 453–457. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-453-457>

Academic Disease History in Clinical Departments: Specificity, Innovation, Methodological Potential of Application, and Prospects of Use

S. V. Vertyankin, O. M. Konopatskova, V. V. Yakubenko

Serge V. Vertyankin, <https://orcid.org/0000-00021089-7777>, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia, vertyank@yandex.ru

Olga M. Konopatskova, <https://orcid.org/0000-0003-2123-4730>, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia, o.konopatskova@mail.ru

Valeryi V. Yakubenko, <https://orcid.org/0000-0003-0706-0893>, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia, yakubenko.dok@mail.ru

Objective: to study the feasibility of writing academic disease history by students, as well as the need of its correcting in accordance

with the scheme of the history of the disease, in connection with innovative technologies in teaching, introduction of electronic medical records and modern software into practical work. **Materials and methods:** at the Department of Faculty Surgery and Oncology of V. I. Razumovsky Saratov State Medical University of Ministry of Health of the RF a corresponding survey has been conducted and special questionnaires consisting of 13 questions have been worked out. 200 people took part in the survey (the 4th year students of the medical faculty, residents of the department of faculty surgery and oncology, doctors of the faculty surgical clinic, lecturers of the department of faculty surgery and oncology, employees of the clinical departments of the surgical department). **Results:** educational disease history continues to be one of the necessary forms of independent work of students. Currently, there is a need to introduce the study of software products of "electronic case histories" that work in practical public health. **Conclusion.** According to the majority of the respondents, recording disease history by students is an interesting form of education, it helps observe the principles of medical deontology and ethics in the guidance of students.

Keywords: clinical reasoning, education, case records, survey.

References

1. Sharipov F. V. *Pedagogika i psikhologiya vysshey shkoly* [Pedagogy and Psychology High Schools]. Moscow, Logos, 2012. 448 p. (in Russian).
2. Trenogov A. V., Isayeva E. R. *Psychological and Pedagogical Bases of Training in Medical University. Manual for the course "Introduction to the specialty" for students*. St. Petersburg., SPbGMU., 2006. 55 p. (in Russian).
3. Novikov A. M. *Metodologiya obrazovaniya* [Methodology of Education]. Moscow, Egves, 2006. 488 p. (in Russian).
4. Kuzminov O. M., Pshenichnyh L. A., Krupenkina L. A. *Formirovanie klinicheskogo myshleniya i sovremennye informatsionnye tekhnologii v obrazovanii* [The Formation of Clinical Thinking and Modern Information Technologies in Education]. Belgorod, NIU BelGU, 2012. 110 p. (in Russian).
5. Shapkin Y. G., Kapralov S. V., Hilgiyaev R. H., Belikov A. V., Horoshkewicz A. V. Innovative Methods in Teaching General Surgery in Medical School. *Saratovskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal* [Saratov Journal of Medical Scientific Research], 2011, vol. 7, no. 4, pp. 992–993 (in Russian).
6. Nemov R. S. *Psikhologiya: v 3 kn. Kn. 1. Obschie osnovy psikhologii* [Psychology: in 3 books. Book 1. General Principles of Psychology]. Moscow, Vlasov Publ., 2000. 688 p. (in Russian).
7. Petrovsky A. V., Yaroshevsky M. G. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 512 p. (in Russian).
8. Dmitriev Yu. Ya., Takhtamysh A. N., Plakhov V. I. The Use of Evidence System in Teaching Oncology. In: *Problemy dokazatel'nosti v meditsine i meditsinskom obrazovanii* [Problems of Evidence in Medicine and Medical Education]. Saratov, SGMU, 2000, pp. 21–22 (in Russian).

Cite this article as:

Vertyanin S. V., Konopatskova O. M., Yakubenko V. V. Academic Disease History in Clinical Departments: Specificity, Innovation, Methodological Potential of Application, and Prospects of Use. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 453–457. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-453-457>

УДК 378.18

Опыт адаптации мэйнстримовых мероприятий в организации внеаудиторной деятельности студентов (на примере создания, подготовки и реализации интеллектуально-развлекательной игры «Геоквиз»)

А. В. Молочко

Молочко Анна Вячеславовна, кандидат географических наук, заведующий кафедрой экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, farik26@yandex.ru

В современной структуре образования существует много сложностей и «подводных камней», заставляющих преподавателей существенно изменять процесс не только аудиторной занятости студентов, но и внеаудиторной. Современный студенческий коллектив довольно сложно убедить в необходимости участия во внеурочных мероприятиях, поскольку некоторая инфантильность, а также продиктованный современными реалиями «синдром навязанного интроверта» не дает ребятам раскрыться, выйти из зоны комфорта. В связи с этим возникает острая необходимость не просто посещать рекомендованные для всех структурных подразделений вуза общественные мероприятия, но и, безусловно, привлекать студентов к участию в тематических, раскрывающих специфику выбранной профессии внеаудиторных занятиях. Более того, традиционные формы – экскурсии, классические игры и т.п. уже не способны привлечь внимание студентов. Опыт проведения интеллектуально-развлекательной игры географической направленности «Геоквиз» (модифицированного аналога нашумевшей не только в Саратовской, но и во многих других областях и странах игры «Квиз, плиз!») можно считать успешным примером активизации универсальных и профессиональных компетенций студентов, а также хорошей возможностью социализации достаточно замкнутого современного студенческого коллектива.

Ключевые слова: внеаудиторная деятельность, образовательный процесс, интерактивные образовательные технологии, география, высшее образование, Саратов.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-458-464>

Введение

Современное образование и образовательные стандарты, трансформирующиеся из года в год, диктуют тренды не только на структуру, проблематику, методическое обеспечение учебного процесса, но и на формирование личности студентов, их социализацию, приобретение общекультурных и универсальных компетенций, способных не только сформировать адаптированного к быстро изменяющейся картине мира специалиста, но и значительно повысить нравственные и коммуникативные характеристики студентов.

Успешный и конкурентоспособный выпускник или активный и легко обучаемый студент –

это не только результат кропотливого учебного процесса, но и его участие во внеаудиторной деятельности, которая так же важна, как и изучение профильных и общих дисциплин и модулей. Вчерашние школьники, нынешние студенты легче вовлекаются в учебный процесс, если привлечены к внеаудиторной деятельности, способной раскрыть творческий, спортивный, а порой и научный потенциал конкретной личности. Любой вуз страны активно проводит процесс социализации студентов, формирования, закрепления, а также усиления их гражданской и профессиональной жизненной позиции. Ежегодно для студентов младших курсов (чаще всего первокурсников) проводится масса мероприятий, помогающих закреплению дружеских и коммуникативных связей внутри студенческих групп не только в рамках направления подготовки, но и факультета, вуза, между вузами. Примеров подобных мероприятий может быть огромное количество – от «Поехали!» до пропаганды здорового образа жизни и коллективных митингов.

Однако часто настолько глобальные внеаудиторные мероприятия не способны раскрыть профессиональный интерес студентов к выбранной профессии, специализации или профилю подготовки. Поэтому большинство структурных подразделений СГУ формируют свои тематические клубы и кружки, позволяющие студентам интересно проводить свободное время, а также улучшить свои знания, умения и навыки в определенных дисциплинах и научных направлениях.

В классической литературе выделяют несколько форм организации внеаудиторной деятельности студентов [1]:

1. Научные кружки, клубы, малые организации – прорабатывают соответствующие профессиональные компетенции, помогают раскрыть научный потенциал студента, скоординировать его стремления и идеи, придать правильное направление профессиональной деятельности, выявляют специфику научной деятельности и научного познания определенной тематической области. Необходимость и важность тематических кружков и клубов неоспоримы, потому как

чаще всего позволяют одаренным студентам не просто раскрыться, а полноценно реализовать себя на профессиональном поприще. Данная категория организации внеаудиторной деятельности готовит студентов к участию в международных, всероссийских, а также региональных конкурсах, фестивалях, грантах.

2. Творческие кружки, собрания, разовые или систематически повторяющиеся мероприятия – развивают общекультурные компетенции обучающихся, а также организуют социализацию молодежи в рамках выбранного тематического направления обучения. Подобная категория организации досуга во многом пересекается с общеуниверситетскими организациями, но тем не менее несет на себе отпечаток специфики факультета или института.

3. Научно-творческие объединения с комплексированным сочетанием творческого процесса в научной деятельности – категория организации внеаудиторной работы студента в чем-то универсальна. Она в одинаковой степени может задействовать как студентов с более высоким научным и образовательным потенциалом, так и студентов-активистов, занимающихся творческой и общественной деятельностью. Кроме того, подобного рода сочетание может заинтересовать разные возрастные группы студентов или носить междисциплинарный характер. Организация работы научно-творческого объединения в рамках отдельного структурного подразделения вуза – задача довольно сложная для руководителя, сопряженная с большой затратой времени на подготовку заданий, наглядных раздаточных материалов (брошюр), изготовление и дизайн бейджей для участников, разработку рекламных плакатов для организации собраний, а также сплочение студенческого коллектива. Конечно, в условиях современных государственных образовательных стандартов организация внеаудиторной деятельности студента – лучший вариант апробации интерактивных образовательных технологий разных видов и типов: деловые игры, дискуссии-визуализации, выступления с использованием возможностей мультимедиа и многие другие формы.

Описание исследования

Несмотря на многообразие форм организации внеаудиторной деятельности студентов, важными факторами являются все-таки мотивация и доступность информационного обеспечения возможности участия. В качестве примера приведем вариант интеллектуально-игрового мероприятия, название которого было решено определить как

«Геоквиз», поскольку его основная тематическая ориентация была в сторону географии и близких научных направлений (рис. 1).

Рис. 1. Эмблема интеллектуально-развлекательной игры «Геоквиз»

Аналогом данной игры стала невероятно популярная развлекательно-интеллектуальная битва, определяемая в современном интернет-пространстве, а также распространяемая в качестве франшизы, именуемая как «Квиз, плиз!» [2]. Подобный тип викторин был впервые проведен в Великобритании, в 70-х гг. прошлого века и носил название «pub quiz». Основной идеей такого рода развлечения стало привлечение в пабы посетителей [3]. Позже моду на квизы переняли другие страны ЕС, а также США, где в 2010 г. британская франшиза получила название «America's Pub Quiz». В России, а также странах СНГ «pub quiz» появился в 2014 г. Правообладателями франшизы считаются Е. Максимова и А. Ханнин. Позже во многих городах Российской Федерации начали стихийно появляться версии «pub quiz», не сильно отличающиеся от оригинала, но имеющие альтернативные названия. Наибольшую популярность у россиян получила франшиза «pub quiz» под названием «Квиз, плиз!». Данная франшиза имеет обширную географию распространения, где наряду с российскими городами (в Саратовской области это Саратов, Балаково, Энгельс) можно встретить американские, канадские и даже турецкие города.

Правила игры предельно просты – ограниченное только размером принимающего игру заведения количество команд, количество участников в команде от 2 до 9 человек, 7 раундов, 45 вопросов, 2 ч на прохождение программы

соревнования. Обязательным условием участия является организационный взнос в размере от 300 до 500 руб. для покрытия организационных расходов и оплаты работы организаторов. Игра носит систематический характер. По ее итогам формируется рейтинг команд и определяется главный победитель. Призы оплачиваются организациями-спонсорами, логотипы и реклама которых в большом количестве присутствуют в процессе проведения игры. Как уже упоминалось, место для проведения игр обычно связано с заведениями развлекательного характера, где участники команд могут не только сразиться в интеллектуальных поединках, но и существенно потратиться на удовлетворение личных гастрономических вкусов [2].

Общая информация об игре: 7 раундов. После каждого раунда, кроме 7-го, повтор вопросов. Два перерыва: после 3-го и 6-го раундов. Схема раундов в классической игре Квиз, плиз!: 1-й раунд. Разминка из 6 вопросов с 4 вариантами ответа по 30 с обсуждения на каждый. Вопросы на абсолютно разные темы – эрудицию, логику и удачу. За правильный ответ – 1 балл; 2-й раунд – 6 вопросов на логику по 60 с обсуждения на каждый. За правильный ответ – 1 балл; 3-й раунд – 6 вопросов по 30 с обсуждения на каждый. За правильный ответ – 1 балл; 4-й раунд – 6 вопросов по 60 с обсуждения на каждый. На конкретный вопрос можно сделать ставку, дописав с ответом цифру 1. Если ответ 2/15 правильный, то получите +1, если нет, то –1 балл. 5-й раунд – тематический – 6 вопросов на любую тему, 30 или 60 с обсуждения каждого. За правильный ответ – 1 балл; 6-й раунд – 3 вопроса по 120 с на каждый. За правильный ответ – 2 балла; 7-й раунд – 6 вопросов по 60 с на обсуждение каждого. На каждый вопрос можно сделать ставку, дописав с ответом цифру 1 или 2. Если ответ правильный, то получите +1 или +2 балла, если нет, то –1 или –2 балла. Вопросы не повторяются (схема не распространяется на тематические игры, игры лиги кино–музыка, лиги для подростков teens, лиги справедливости). Во время игры нельзя пользоваться электронными гаджетами, будь то телефон, планшет, ноутбук, электронные часы, калькуляторы и пр., а также энциклопедиями, другими книгами, личными записями, одним словом, ничем, что может дать вам преимущество перед другими командами. Оценка отчетов: правильным ответом является ответ, который совпадает с авторским ответом и(или) удовлетворяет условиям зачета. Места в игре распределяются согласно количеству набранных баллов. Победителем становится команда, набравшая

наибольшее количество очков. Если суммарно во всех раундах у двух и более команд одинаковое количество баллов, команды сортируются по последнему сыгранному раунду (команда, которая набрала больше баллов в 7-м раунде, – выше в турнирной таблице; если в 7-м раунде несколько команд также сыграли одинаково – смотрим итоги 6-го раунда и т.д.). В случае, если у двух команд одинаковое количество баллов во всех раундах, команды делят между собой то место, которое заняли, и получают все причитающиеся этому месту на конкретной игре призы [2].

Подобный формат проведения игры был выбран не случайно. Очевидно, что современное студенческое сообщество более активно готово принять участие именно в «нашумевших» и трендовых форматах внеаудиторной активности, хотя, по сути, разницы между «Квиз, плиз!» и классическим «Брейн-рингом» нет никакой. Модные шаблоны и стереотипы диктуют свои модели организации не только учебного, но и внеаудиторного процесса. Реализация проекта научного творческого мероприятия «ГеоКвиз» сводилась к 3-м этапам:

1. Поиск активных студентов, готовых взять на себя функции организации и курирования игры.
2. Сбор и регистрация команд-участников.
3. Проведение игры.

Первый этап реализовывался через запуск на личной странице главного организатора информационного сообщения о поиске желающих принять участие в разработке и организации игры [4]. Данная информационная запись распространялась также на официальные тематические группы географического факультета в социальной сети.

Отклик оказался практически мгновенным и в течение нескольких дней было проведено первое организационное собрание с заинтересовавшимися в мероприятии студентами. Особо стоит отметить тот факт, что к организации «ГеоКвиза» подключились в основном студенты младших курсов (I, II) разных профилей и направлений подготовки географического факультета. Командными усилиями были распределены роли организаторов (назначены ведущие, определен состав оргкомитета, выбран студент, ответственный за создание и модерирование online-регистрации команд и участников игры), установлены и правила мероприятия. В отличие от классической франшизы «ГеоКвиз» было решено организовать из 6 раундов, по 10 вопросов в каждом. Время на ответы первого, разминочного раунда – 30 с, на все оставшиеся – по 60 с. Тип вопросов варьировался от тестовых заданий

с вариантами ответов до музыкальных, фотографических и видеофрагментов. Совершенно оправданным стало решение о привлечении к разработке вопросов студентов и сотрудников всех 4-х кафедр географического факультета. Чтобы не допустить излишнего скопления людей в ограниченном пространстве учебной аудитории, посчитали оптимальным создать 6 команд, количество участников в каждой от 3 до 6 человек. Организационные собрания устраивались на протяжении 1,5 недель – именно такой срок прошел от запуска идеи игры до ее проведения.

Этап сбора и регистрации команд проводился полностью в интерактивной форме на базе открытой регистрации в социальной сети. Ссылка на регистрацию команд участников также была распространена на нескольких официальных группах географического факультета, Молодежного отделения Русского географического общества и личных страницах организаторов [5].

Регистрационная форма формировалась на базе «Google Формы» – online-сервиса для создания форм обратной связи, онлайн-тестирований и опросов (рис. 2).

Рис. 2. Форма регистрации участников интеллектуально-развлекательной игры «ГеоКвиз»

Заявку необходимо было заполнять только капитану потенциальной команды-участника с заполнением следующих обязательных полей: «ФИО капитана команды», «Название команды», «Эмблема команды», «Количество участников в команде», «Ссылка на профиль капитана команды в социальных сетях», «Номер телефона капитана команды». Идея с эмблемами команд была не случайна, поскольку индивидуальную символику было решено привлечь к части раздаточного игрового материала, своего рода идентификационные бейджи, а также поместить на переходящий приз-символ мероприятия. На регистрацию было отведено 5 дней, а прекращение регистрации команд-участников – вечер,

предшествующий игре дня. Следует отметить, что мероприятие нашло активный отклик не только в студенческой среде, но и у сотрудников и выпускников географического факультета. Пришлось даже досрочно приостановить регистрацию команд и не допустить к участию еще 3 команды, зарегистрировавшиеся позже остальных (рис. 3).

Проведение игры было организовано в вечернее время в учебной аудитории Саратовского национального исследовательского государственного университета. Предыгровой процесс подготовки к непосредственно самому мероприятию занял порядка часа и заключался в организации мест для участников и их команд, настройке

Рис. 3. Команды-участники

интерактивного оборудования для демонстрации вопросов «ГеоКвиз», а также в распределении раздаточного материала для команд, в который входили наклейки с логотипами, канцелярские принадлежности, а также таблички с символикой игры и эмблемами команд. Общее количество игроков составило 29 человек, среди которых были как студенты разных курсов и направлений подготовки, так и преподаватели и выпускники прошлых лет. Длительность игрового процесса составила 1,5 ч. Вопросы разминки большей частью были направлены на эмоциональную подготовку участников к тематическим блокам, к формированию которых были привлечены студенты и сотрудники всех 4-х кафедр географического факультета. В начале тематических раундов были получены задания от кафедры физической географии и ландшафтной экологии. Командам нужно было проявить смекалку, сообразительность и незаурядные знания, чтобы ответить, к примеру, на вопрос: «Где находятся конские широты и почему они получили такое название?» или «Это вулкан, долгое время считавшийся потухшим. Обе вершины его – вполне самостоятельные вулканические конусы. Седловина между ними – слившиеся склоны двух вулканов. Западный конус выше восточного. Стоит в названии вулкана переставить местами две буквы, и получится название горного хребта, который с юга окаймляет самое большое озеро на Земле. Какой это вулкан и что за горный хребет?». Команды продемонстрировали эрудицию и всесторонние знания и в основном правильно ответили на все вопросы. Вслед за физико-географическим блоком направление игры плавно поменяло свой курс на геоморфологию и картографию. Тут уже команды соревновались в ответах на вопросы: «Американские штаты Вайоминг и Колорадо именно по этой причине любят картографы» или

«Название данных горных пород переводится с латыни как “блуждающие валуны”, также известно что такое их название обосновано. Вопрос: каким образом передвигались валуны в своих блужданиях?». Подсчет баллов показал, что если раунд, посвященный физической географии, дал возможность 4-м командам из 6 набрать максимальное или почти максимальное количество баллов, то геоморфологические вопросы значительно подорвали уверенность бывших лидеров в своих знаниях, поскольку никому не удалось получить выше 8 баллов. Метеорологический блок открывал 4-й раунд. Участникам пришлось значительно напрячь свою память и знания в области видов и названий облаков, а уж вопрос «Для обывателя это популярная газировка, нашумевшая в припеве одной популярной песни 2015 г. Для метеоролога же это разновидность молнии» поставил большинство команд в тупик, хотя ответ на него известен всем – «Спрайт». Кафедра экономической и социальной географии удивила игроков неожиданными заданиями-визуализациями, а также необходимостью расширять границы восприятия информации. Чего только стоит вопрос «Как называется этот [иллюстрация] один из самых знаменитых в мировой литературе остров?». Мало кто мог подумать, что речь идет об острове Сокровищ. Творческий, 6-й раунд оценивался особо, поскольку участникам предлагалось не только угадать название песни по изображенному и порой совершенно не связанным друг с другом иллюстрациям. По окончании каждого из туров параллельно с озвучиванием вопросов следующего тура проходил подсчет результатов и шло подробное озвучивание ответов на вопросы, а также их разбор. Для удобства восприятия информации графическое изображение заданий дублировалось аудиально [6, 7].

По результатам всех 6 туров Геоквиза была определена команда – безоговорочный лидер, получившая 47,7 балла из возможных 60. Участники команды-победителя были награждены памятными подарками, дипломом победителя

первой игры «Геоквиз» и торжественной наклейкой эмблемы своей команды на переходящий кубок игры. Команды участники были премированы сертификатами участников и сувенирами игры (рис. 4).

Рис. 4. Призы и команда-победитель

Заключение

Анализ результатов подобного внеаудиторного мероприятия позволил сделать вывод о безусловной образовательной и социальной значимости проведенного проекта, поскольку участники не только показали свои знания в области географии, картографии и сопредельных наук, но и смогли получить новые знания, там самым расширив свой кругозор. Социальное значение выражено в сплочении студенческого коллектива в ходе обсуждения версий ответов на вопросы раундов, а также межкурсовое и межкафедральное знакомство студентов. Указанные положительные моменты проведения подобного рода мероприятий также можно транслировать и на студентов-организаторов, с которыми в процессе работы использовалась методика образовательного коучинга, представленная в постановке конкретной цели и «мягком» управлении процессом ее достижения [1, 5].

Список литературы

1. Молочко А. В. Организация научно-творческой внеаудиторной деятельности (на примере географиче-

ского факультета Саратовского государственного университета) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 22–24.

2. Интеллектуально-развлекательная битва Квиз, плиз! URL: <https://quizplease.ru/> (дата обращения: 05.05.2019).

3. Что за игра «Квиз, плиз!» и что значит «Quiz, please!» URL: <https://culturavrn.ru/society/22594> (дата обращения: 05.05.2019).

4. Молочко А. В. Геопорталы, соцсети и медийные возможности Интернета в помощь преподавателям-географам // Видеонаука : сетевой журн. 2017. № 3 (7). URL: <https://videonauka.ru/stati/31-metodika-prepodavaniya-estestvenno-nauchn...> (дата обращения: 01.10.2017).

5. Форма регистрации на игру «Геоквиз». URL: <https://away.vk.com/away.php> (дата обращения: 16.05.2019).

6. Геоквиз, плиз! URL: <https://vk.com/@kgigsgu-geokviz-pliz> (дата обращения: 24.05.2019).

7. Что такое ГЕОКВИЗ. URL: <https://www.sgu.ru/structure/geographic/news/2019-06-05/chto-takoe-geokviz> (дата обращения: 5.06.2019 г.)

Образец для цитирования:

Молочко А. В. Опыт адаптации мейнстримовых мероприятий в организации внеаудиторной деятельности студентов (на примере создания, подготовки и реализации интеллектуально-развлекательной игры «Геоквиз») // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 458–464. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-458-464>

**Experience of Adaptation of Mainstream Events
in the Organization of Students' Extracurricular Activities
(the Case Study of Creating, Training and Implementing
an Intelligent-Entertaining Game "Geoquiz")**

A. V. Molochko

Anna V. Molochko, <https://orcid.org/0000-0003-4877-207X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, farik26@yandex.ru

In the modern structure of education, there are a large number of difficulties and "pitfalls" that make teachers significantly change the process of not only classroom, but also extracurricular activities. The modern student team is quite difficult to convince of the need to participate in extracurricular activities, since some infantilism, as well as the "imposed introvert syndrome" dictated by modern realities, does not allow children to open up and to leave the comfort zone. In this regard, there is an urgent need not only to visit public events recommended for all structural subdivisions of the University, but also, of course, to involve students in thematic extracurricular activities that reveal the specifics of their chosen profession. Moreover, traditional forms – excursions, classic games, etc. no longer are able to sufficiently attract the attention of students. In this regard, the experience of conducting an intellectual and entertaining geographic game "Geoquiz" (a modified analogue of the game "Quiz, please!", popular not only in Saratov but also in many other regions and countries) can be considered a successful example of activating both universal and professional competencies of students, as well as a good opportunity for socialization of a fairly closed modern student society.

Keywords: extracurricular activities, educational process, interactive educational technologies, geography, higher education, Saratov.

References

1. Molochko A. V. Organization of Scientific and Creative Extracurricular Activities (with Geographical Faculty of Saratov State University as an Example). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Earth Sciences*, 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 22–24 (in Russian)
2. *Intellektual'no-razvlekatel'naya bitva Kviz, pliz!* (Intellectual and entertaining battle Quiz, please!). Available at: <https://quizplease.ru/> (accessed 5 May 2019) (in Russian).
3. Chto za igra "Kviz, pliz!" i chto znachit "Quiz, please!" (What kind of a game "Quiz, please!" is and what "Quiz, please!" means). Available at: <https://culturavr.ru/society/22594> (accessed 5 May 2019) (in Russian).
4. Molochko A. V. Geoportals, Social Networks and Media Possibilities of Internet as a Help for Geography Teachers. *Videonauka: setevoj zhurn.* (Videoscience: Network Journal), 2017, no. 3 (7). Available at: <https://videonauka.ru/stati/31-metodika-prepodavaniya-estestvennonauchn...> (accessed 1 October 2017) (in Russian).
5. Forma registracii na igru «Geokviz» (Form of Geoquiz Game Registration). Available at: <https://away.vk.com/away.php> (accessed 16 May 2019) (in Russian).
6. *Geokviz, pliz!* (Geoquiz, Please!). Available at: <https://vk.com/@kgigsgu-geokviz-pliz> (accessed 24 May 2019) (in Russian).
7. *Chto takoe GEOKVIZ* (What GEOQUIZ is). Available at: <https://www.sgu.ru/structure/geographic/news/2019-06-05/chto-takoe-geokviz> (accessed 5 June 2019) (in Russian).

Cite this article as:

Molochko A. V. Experience of Adaptation of Mainstream Events in the Organization of Students' Extracurricular Activities (the Case Study of Creating, Training and Implementing an Intelligent-Entertaining Game "Geoquiz"). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 458–464. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-458-464>

УДК 378.015.3-054.6:316.472.4(470.56)

О роли социальных сетей в адаптации иностранных студентов к новой образовательной среде

Н. В. Янкина

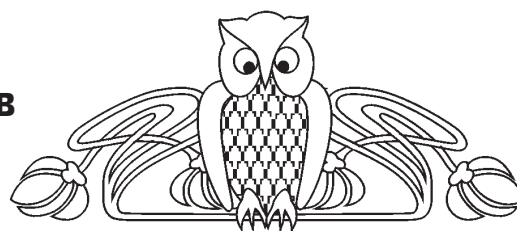
Янкина Наталья Владиславовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков, Оренбургский государственный университет, natalyayankina@rambler.ru

Актуальность статьи обусловлена современными требованиями к российской системе высшего образования в сфере приема и обучения иностранных граждан. Цель статьи заключается в изучении возможностей создания благоприятной образовательной среды для иностранных студентов в российском вузе с помощью активного использования социальных сетей. Анализируется динамика численности обучающихся иностранных граждан, раскрывается задача экспорта образовательных услуг, анализируется опыт Оренбургского государственного университета по использованию социальных сетей для формирования позитивного имиджа в международном пространстве. Описывая такие характеристики социальных сетей, как независимость общения от пространственно-временных ограничений, оперативность и доступность, автор раскрывает их потенциал в процессе обучения за рубежом: получение необходимой информации для жизни и учебы, обретение более глубокого понимания и знакомства с новыми явлениями, жизненными обстоятельствами и требованиями, поддержание и расширение контактов с представителями новой культуры в отсутствие привычного окружения. Данные проведенного автором анкетирования иностранных студентов подтверждают, что социальные сети позволяют иностранным студентам чувствовать себя увереннее, находясь на учебе в российском вузе. Представленные результаты и выводы исследования дают возможность сформулировать рекомендации по использованию социальных сетей для адаптации иностранных граждан к новой образовательной среде.

Ключевые слова: социальные сети, иностранные студенты, адаптация, образовательная среда.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-465-468>

Согласно статистическим данным численность иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Российской Федерации, ежегодно увеличивается и на начало 2017–2018 учебного года она составила 260,1 тыс. человек [1, с. 202]. Данный показатель обеспечил России шестое место среди крупнейших рынков международного образования в мире вслед за Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Китаем, Францией и Австралией. Однако в отличие от перечисленных стран российские государственные университеты более 40% иностранных студентов обучают за счет бюджета Российской Федерации [2, с. 9]. Это дает основание утверждать, что экспорт

образования не является ведущим источником получения доходов российских вузов, а прежде всего способствует распространению интересов государственной политики за рубежом, созданию и укреплению положительного имиджа нашей страны. Именно выпускники из числа иностранных граждан, становясь руководителями в сфере политики, экономики и культуры в различных странах мира, обеспечат взаимодействие России и этих иностранных государств в будущем. В этой связи Правительство РФ и органы образования разработали и реализуют целый комплекс мер по привлечению иностранных граждан на обучение в российские вузы, такие как выделение стипендий и предоставление равных прав с гражданами Российской Федерации при поступлении и зачислении в вуз в рамках межправительственных соглашений и государственных программ. Кроме того, российские учебные заведения активно позиционируют свой образовательный потенциал в международном пространстве. И здесь наиболее эффективным, доступным и экономически выгодным средством является Интернет. Благодаря вебсайтам и страницам в социальных сетях знакомство с учебным заведением начинается задолго до непосредственного прибытия в него, а поскольку важными качествами образовательной среды выступают тотальность, динамичность и подвижность [3, с. 474], это значит, что университет должен постоянно актуализировать информацию о себе, чтобы оправдать ожидания и планы своих будущих студентов и обеспечить их полное погружение в новые социокультурные традиции.

Так, контент официального сайта ОГУ (www.osu.ru) содержит в себе основные сведения об университете и его деятельности. Такие разделы, как «Университет», «Сведения об образовательной организации», «Абитуриенту», «Студенту», «Информационные системы» и другие, дают представление об организационной структуре вуза, различных подразделениях и их местоположении, телефонах, руководителях, данные о направлениях, специальностях и специализациях подготовки, закреплении их за институтами, факультетами и кафедрами, а также учебное расписание, расписание экзаменов и др. сведения. В период работы приемной комиссии активно используется поисковая система

«ЕГЭ-информатор», с помощью которой можно определить перечень специальностей ОГУ для подачи заявления в зависимости от компонентов ЕГЭ. Также на сайте (раздел «Абитуриенту») функционирует поисковая система, позволяющая просматривать в онлайн-режиме ход подачи заявлений и ранжированные списки абитуриентов различных направлений подготовки. Кроме того, страница университета создана в VK, Facebook, Twitter, Instagram, Youtube.

Оперативная связь с иностранными абитуриентами и студентами осуществляется с помощью специально созданной в VK страницы Отдела по работе с иностранными гражданами. Порядок поступления на основные образовательные программы и на курсы русского языка, получение приглашения и продление визы, соблюдение правил миграционного учета, медицинское страхование – это основной перечень вопросов, поступающих от иностранных граждан. Благодаря ежедневному мониторингу сообщений и ответов на них посетители страницы (более 10 тыс. за 2018 г.) получают актуальную и доступную информацию. Особое сопровождение иностранных студентов на начальном этапе пребывания (ориентационные программы, информационные встречи, кураторство со стороны преподавателей и студентов старших курсов) способствует не только снятию напряжения от знакомства с новым окружением, культурой, иногда и языком, но и стабилизирует общее эмоциональное и физическое состояние иностранных студентов.

Тем не менее адаптация – это сложный и многоаспектный процесс приспособления иностранного студента к условиям нового социокультурного окружения, который зависит от множества факторов, например, психофизиологического, социокультурного, социобытового, коммуникативного [4–6].

По данным проведенного анкетирования наиболее сложным для иностранных студентов оказалось находиться далеко от своей семьи и привычного окружения (83%). Поскольку достижения в области современных информационных технологий меняют представления людей, сокращают географические расстояния, именно социальные сети завоевывают все большую популярность. Оказалось, что, несмотря на все негативные стороны социальных сетей (нарушение конфиденциальности, травля, критика, распространение слухов, запугивание, преследование, угрозы, насилие, распространение националистических идей, спам, избыточность информации, зависимость, вытеснение реального общения), именно они предоставляют неограниченные возможности общения, обеспечивая обмен информацией, знаниями, мнениями и т.д. И хотя с момента появления самых популярных социальных сетей Face-

book, Instagram, VK, LinkedIn, Google+, MySpace прошло чуть более 15 лет, в 2018 г. количество пользователей социальных сетей составило 3,5 млрд, т.е. 45% от общего населения планеты [7].

Учитывая этот глобальный рост и высокосоциальный характер указанных сайтов, они определяют и социальные связи иностранных студентов. За счет общения в социальных сетях, главным образом со своими сверстниками, а не только с собственной этнической группой, но и со сверстниками-представителями новой культуры, иностранные студенты решают широкий спектр проблем – от академических до личных, т.е. социальные сети позволяют им поддерживать предыдущие связи и строить новые отношения во время их проживания в стране обучения. Благодаря этому снижается чувство неуверенности и неопределенности в новом окружении и одновременно развиваются такие качества, как самостоятельность, независимость, зрелость.

Цель настоящего исследования – изучение взаимосвязи между использованием социальных сетей иностранными студентами и их адаптацией к новой образовательной среде (на примере Оренбургского государственного университета).

Основным методом сбора данных явилось анкетирование. Вопросы анкеты касались опыта иностранных студентов в отношении проживания и обучения в новых условиях, выявления степени адаптации к ним и взаимосвязи этого показателя с частотой использования социальных сетей. Студентам было предложено ответить на следующие вопросы: Перечислите факторы, которые повлияли на выбор России и ОГУ для учебы. Насколько Вы удовлетворены учебой и социальной жизнью, находясь за рубежом? Совпали ли Ваши ожидания с реальностью? Чувствуете ли Вы различия в культурной и социальной жизни? С какими проблемами вы сталкиваетесь в новой образовательной среде? Как Вы устанавливаете и поддерживаете общение в университете и за его пределами? Как часто Вы используете социальные сети и сколько времени проводите ежедневно в социальных сетях? Какие социальные сети Вы используете? Как Вы взаимодействуете с домашними и местными друзьям: в реальности или через социальные сети? Помогают ли социальные сети чувствовать себя увереннее? Используйте ли Вы социальные сети как источник получения информации, в том числе и по вопросам учебы? и др.

Участниками эксперимента стали 85 иностранных студентов в возрасте от 18 до 22 лет. Они участвовали в опросе добровольно, причем большинство из них (49 чел.) согласилось пройти анкетирование посредством социальных сетей, что стало очередным доказательством их активного использования в ежедневной жизни.

Как показали данные опроса, каждый четвертый из опрошенных иностранных студентов выбрал ОГУ по рекомендации своих родственников или знакомых, которые уже обучаются в университете. 35% студентов ориентировались на положительные отзывы об университете в сети. Для небольшого количества (8%) выбор был обусловлен наличием в университете определенного направления подготовки, которого не было в других университетах. Главным фактором по данным опроса является территориальная близость к родному городу (72%). Вероятнее всего, что именно эта близость обусловила такое проникновение и смешение культур на протяжении нескольких столетий, что подавляющее большинство студентов (85%) вообще не чувствуют, что находятся за границей. Тем не менее лишь 59% опрошенных подтвердили, что их ожидания от учебы и жизни за рубежом полностью совпали с реальностью. Все студенты отметили, что испытывали те или иные трудности при адаптации к новому окружению. Прежде всего это отдаленность от семьи и необходимость самостоятельно решать бытовые вопросы (53%); сложность учебного материала (25%); загруженность учебной (15%).

Выяснилось, что студенты университета проводят значительное количество времени на сайтах социальных сетей. Так, 70% в среднем тратят более 3 ч в день на общение в социальных сетях. Для этого они используют персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, мобильные телефоны. Необходимо отметить, что студенты несколько отличаются в своих предпочтениях к выбору социальных сетей. Facebook как наиболее популярный среди молодежи из дальнего зарубежья воспринимается как второй выбор для иностранных студентов из ближнего зарубежья, для кого главной социальной сетью является VK. Кроме того, все участники использовали более одного вида социального общения (социальные сети, мобильные мессенджеры).

В качестве основных целей использования социальных сетей иностранные студенты выделили следующее. Прежде всего – это получение информации (95%). Мобильные приложения благодаря функциям мгновенных сообщений, предоставляют неограниченные возможности для поддержки иностранных студентов в новых условиях.

На втором месте по значимости использования социальных сетей стоит общение с друзьями (65%). Особенно сильные эмоциональные переживания студенты испытывают в самом начале обучения, когда они пытаются приспособиться к незнакомой образовательной среде. Поддержка студентов той же этнической группы играет важную роль в оказании взаимной помощи, так как практически все студенты испытывают

аналогичные проблемы: языковой барьер, новые академические требования, неразвитые навыки самостоятельного обучения. Чтобы получить советы о том, как устроен и работает университет, каким предметам необходимо уделить особое внимание, как подготовить курсовую работу и т.д., студенты используют социальные контакты с теми, кто обучается на старших курсах (49%).

Около 30% опрошенных использовали сайты социальных сетей для создания и поддержания новых контактов, которые в свою очередь могут оказать психологическую поддержку и ослабить напряжение от новых требований и условий. Эти же контакты использовались для получения практических советов в повседневной жизни.

Отношения между студентами вне онлайн-общения нашли зеркальное отражение в онлайн-общении, т.е. большинство онлайн-друзей иностранных студентов были теми, кого они уже знали благодаря предыдущему личному знакомству. Таким образом, иностранные студенты используют социальные сети в основном как способ сохранения своих существующих социальных связей, а не для того, чтобы завести новых друзей.

Следует отметить, что подавляющее большинство новых контактов – это все-таки те, с которыми студенты пусть и не очень близко, но были знакомы в реальной жизни.

Другим назначением социальных сетей оказалось общение с представителями деканата и других служб университета.

Таким образом, социальные сети помогают выстраивать социальные контакты, которые в свою очередь служат поддержкой для иностранных студентов в новых условиях. 60% респондентов подтвердили, что социальные сети позволяют им чувствовать себя увереннее, находясь на учебе за границей.

К ограничениям исследования можно отнести немногочисленную репрезентативную базу и использование тестирования как единственного метода исследования. В будущем использование параллельно нескольких методов позволит изучить вопрос более детально и получить более глубокие комментарии.

Однако полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что университет должен использовать потенциал социальных сетей для приобретения студентами опыта пребывания и общения в новой образовательной среде. Необходимо создать условия для онлайн- и офлайн-взаимодействия иностранных студентов с местными студентами, преподавателями, сотрудниками и администрацией университета. Прежде всего следует использовать ресурсы Интернета, чтобы обеспечить доступ студентов к информации о

вузе. Создавая группу в сети и предлагая студентам вступить в нее, руководство вуза дает студентам возможность задать вопрос и получить ответ, осуществлять им рассылку новостей, предоставлять право студентам размещать свои фото и объявления, комментарии и т.д. Таким образом, обучающиеся и иностранные студенты в том числе смогут почувствовать себя активными участниками университетской жизни.

Список литературы

1. Российский статистический ежегодник. 2018 : стат. сб. М. : Росстат, 2018. 694 с.
2. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : стат. сб. М. : Центр социологических исследований, 2018. Вып. 15. 184 с.

3. Листвина Е. В. Образовательная среда : социокультурный аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 474–477.
4. Дрожжина Д. С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // Эмпирические исследования. Universitas. 2013. Т. 1, № 3. С. 33–47.
5. Савченко И. А. Иностраный студент в России : условия и барьеры интеграции // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2013. № 1. С. 25–30.
6. Моднов С. И., Ухова Л. В. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. С. 111–115.
7. Global Digital Report. URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (дата обращения: 28.05.2019).

Образец для цитирования:

Янкина Н. В. О роли социальных сетей в адаптации иностранных студентов к новой образовательной среде // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 465–468. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-465-468>

On the Role of Social Networks in the Adaptation of Foreign Students to a New Educational Environment

N. V. Yankina

Natalya V. Yankina, <https://orcid.org/0000-0002-6096-0877>, Orenburg State University, 13 Prospekt Pobedy, Orenburg 460018, Russia, natalyayankina@rambler.ru

The article is timely because of the challenges that modern Russian system of higher education faces in the field of enrollment and training international students. The aim of the article is to study the possibilities for creating friendly educational environment for international students in a Russian university by the active use of social nets. It analyzes international student's dynamics, explores the goal of educational services export, and describes the experience of Orenburg State University in the use of social nets to create a positive image in the international arena. Describing such characteristics of social nets as independence of communication from distance and time, efficiency and availability, the author demonstrates their potential for coping with various tasks when studying abroad like getting necessary information for living and studying, reaching a better understanding and acquaintance with new events, life circumstances and requirements, keeping and developing contacts with people from a new culture and without familiar environment. The questionnaire survey demonstrates that social nets make international students feel more confident while being abroad. The findings presented allow to formulate recommendations how to use social nets in the adaptation of international students to a new educational environment.

Keywords: social nets, international students, adaptation, educational environment.

Cite this article as:

Yankina N. V. On the Role of Social Networks in the Adaptation of Foreign Students to a New Educational Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 465–468. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-465-468>

References

1. *Rossijskiy statisticheskiy sbornik: 2018: stat. sb.* [Russian Statistical Year Book. 2018 : statistical handbook]. Moscow, Rosstat, 2018. 694 p. (in Russian).
2. *Obuchenie inostrannykh grazhdan v visshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossijskoy Federatsii* [Education of Foreign Citizens in the Higher Educational Institutions of the Russian Federation: Statistical collection]. Moscow, Center for Sociological Research, 2018, iss. 15. 184 p. (in Russian).
3. Listvina E. V. Educational Environment: Sociocultural Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy, Psychology, Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 474–477 (in Russian).
4. Drozhzhina D. S. Studies of International Students' Adaptation: Discussions about Methodology. *Empirical Researches. Universitas*, 2013, vol. 1, no. 3, pp. 33–47 (in Russian).
5. Savchenko I. A. International Student in Russia: Conditions and Barriers for Integration. *Vestnik of Orenburg State University*, 2013, no. 1, pp. 25–30 (in Russian).
6. Modnov S. I., Ukhova L. V. Problems of International Students' Adaptation in a Technical University. *Vestnik of Yaroslavl Pedagogical University*, 2013, no. 2, pp. 111–115 (in Russian).
7. Global Digital Report. Available at: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (accessed 28 May 2019).